Культурные ландшафты Урала / Перекрестки судеб

ЗНАМЕНИТОСТИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Говорят, что здесь бывали...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга включает в себя очерки, посвященные пребыванию в Челябинске, выражаясь современным языком, медийных персон – известных исполнителей, музыкантов, писателей, актеров, политиков и др. Кроме того, каждая статья содержит творческий портрет личности.

Издание адресовано всем интересующимся историей и культурой как Челябинска, так и России в целом.

- Владимир Стейгонович Боже, Екатерина Владимировна Боже
  - Культурные ландшафты Урала / Перекрестки судеб
  - От составителя
  - От авторов
  - Константин Бальмонт
    -
    - «Я – для всех и ничей…»
      -
      - Бальмонт или Баламут?
      - «Предо мною другие поэты – предтечи…»
      - «Сильный тем, что влюблен…»
      - Константин Бальмонт и Южный Урал
      - Примечание
  - Александр Вертинский
    -
    - «Мое искусство было отражением моей эпохи…»
      -
      - Человек богемы
      - Дорога домой
      - Работа на износ
      - Примечание
  - Анастасия Вяльцева
    -
    - Челябинский концерт Анастасии Вяльцевой
      -
      - «Публика бесновалась и певица много бисировала…»
      - Рождение звезды
      - «Я буду петь столько, сколько они попросят…»
      - Примечание
  - Лазарь Каганович

- Человек в футляре
  - Железный нарком
  - Челябинские визиты Лазаря Кагановича
- Александр Керенский
  - Челябинский вояж Керенского
    - Становление
    - «Миасский экс», или Что делал Керенский в Челябинске
    - Калиф на час
    - Примечание
- Вадим Козин
  - Вадим Козин в Челябинске
    - Из дневника В. А. Козина
    - Примечания
- Вера Комиссаржевская
  - «Ландыш серебристый»
    - Замужем за графом
    - Триумф и трагедия
    - Комиссаржевская и тотализатор
    - Примечание
- Марина Ладынина
  - Аристократка духа
    - Станиславский видел в ней будущее МХАТа
    - Ладынина и НКВД
    - «Свинарка и пастух» – номинант «Оскара»
    - Со стихами в народ
    - Примечание
- Вольф Мессинг
  - Непознанные миры Вольфа Мессинга
    - Чудо как метод убеждения
    - Исключительные способности

- Зигмунд Фрейд и другие
- В Советском Союзе
- Примечание

- Любовь Орлова
  -
  - Любовь Орлова в Челябинске
    -
    - Урожденная Орлова
    - Зигзаги карьеры: от тапёра до кинозвезды
    - Челябинск подарил звезде кольцо
    - Примечание
- Александр Остужев
  -
  - Две жизни Александра Остужева
    -
    - Как Пожаров стал Остужевым
    - Болезнь
    - «Жизненная кода великого мастера»
    - Примечание
- Борис Пастернак
  -
  - Борис Пастернак: уральские страницы жизни
    -
    - Из музыки в литературу…
    - Уральские мотивы «Доктора Живаго»
    - Пастернак в Челябинске
    - Примечание
- Григорий Петров
  -
  - «Вместо радости дали пьянство. Вместо религии – грубое суеверие…»
    -
    - Путь к славе
    - Когда Петров читал лекции, другие профессора отдыхали
    - Отлучение
    - Челябинские жандармы о выступлениях Петрова
    - После революции
    - Примечание
- Надежда Плевицкая
  -
  - Курский соловей
    -

- Примечание
- Иван Поддубный
  -
  - Русский богатырь Иван Поддубный
    -
    - Богатырь из рода богатырей
    - Как Поддубного «заказали»
    - Приз от Нестора Махно
    - На арене цирка
    - Примечание
- Сергей Прокофьев
  -
  - «Музыку, прежде всего, надо писать большую…»
    -
    - Из вундеркиндов в гении
    - Сергей Прокофьев из Парижа
    - Жизнь в СССР
    - Примечание
- Фаина Раневская
  -
  - Спектакль под названием «Жизнь»
    -
    - Семья
    - Признание и слава
    - Месяц в Челябинске: из хроники батальной жизни Раневской
    - Вместо заключения
    - Примечание
- Лидия Русланова
  -
  - «Генералиссимус русской песни»
    -
    - Сиротка из хора
    - Три войны Лидии Руслановой
    - «Валенки» у Рейхстага
    - Тайшет – Владимирский централ
    - Челябинские хроники
    - Примечание
- Федор Сологуб
  -
  - Федор Сологуб в Челябинске
    -
    - Рождение Федора Сологуба
    - Певец смерти и безумия

        - Челябинская лекция Федора Сологуба
        - Примечание
- Петр Столыпин
    -
    - Последний солдат империи
        -
        - Брат знаменитого поэта, сын казачьего атамана
        - Государева служба: жизнь и реформы
        - Челябинские маршруты Столыпина
        - Примечание
- Евдокия Турчанинова
    -
    - Легенда Малого театра
        -
        - Жизнь, отданная театру
        - Челябинские впечатления Турчаниновой
        - Письма из эвакуации (1941–1942)
        - Примечание
- Приложение
    - Неизданное стихотворение Бальмонта
    - Левиафан
    - Кольцо Любви Орловой
    - Дело – табак

Владимир Стейгонович Боже, Екатерина Владимировна Боже
Говорят, что здесь бывали… Знаменитости в Челябинске: Очерки

Культурные ландшафты Урала / Перекрестки судеб

Серия «Культурные ландшафты Урала» названа так не случайно. Урал – это горы и степи, озера, реки и леса, это уникальная в своей полифоничности природа, путешествия среди которой чреваты чем угодно, но только не однообразием и скукой. Надеемся, что таковой же будет и наша серия. Культура Урала – это не скучно. Это ландшафт, который таит в себе бесконечную силу, глубину и мудрость.

Добро пожаловать!

Редакционный совет серии
«КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ УРАЛА»:

Владимир Рушании *(председатель редакционного совета), историк, ректор ЧГАКИ*

Владимир Боже *(зам. председателя редакционного совета), историк*

Марина Загидуллина, *филолог, профессор кафедры теории массовых коммуникаций ЧелГУ*

Александр Попов, *писатель*

Константин Рубинскии, *поэт, драматург*

Гаяз Самигулов, *историк, доцент кафедры Древней истории и этнологии Евразии ЮУрГУ*

Кирилл Шишов, *писатель*

Составление книги – *Илона Устьянцева*

От составителя

Из чего строится любой город? Разве только из камня? В каком пространстве-времени он существует? Где его границы и горизонты? Из каких встреч и судеб соткана его аура и его тайна?

Оказывается, Челябинск много чего повидал на своем веку. Знаем ли сегодня мы – простые его обитатели, – что с концертами здесь побывали Сергей Прокофьев и Александр Вертинский, а на арене челябинского цирка выступал сам Иван Поддубный… Что Петр Столыпин, навестив однажды челябинскую «переселенку», устроил разнос врачебному начальству города, а знаменитый предсказатель Вольф Мессинг проводил сеансы не где-нибудь, а в концертном зале челябинской филармонии? Оказывается, всё это было, и было еще больше, и было не так давно – на расстоянии всего-то двух-трех поколений от нас.

И своей книгой авторы дают нам возможность задуматься об этом. Извлекая Челябинск из плоскости линейного времени, они выводят город и его обитателей в измерение мифа, на свободный простор мифотворчества. «Знаменитости в Челябинске» – это не просто собрание текстов на заявленную тему. Это своего рода культурная и даже, возможно, философская провокация. Провокация в том смысле, что при первом приближении связь героев книги с Челябинском далеко не всегда очевидна.

И все же, без ложной скромности: перед нами захватывающее чтение. Перелистывая очередной очерк, жаждешь продолжения, и рука тянется к биографии Комиссаржевской, письмам Турчаниновой, и хочется перечитать записки Раневской, пересмотреть «Веселых ребят» с Любовью Орловой… Увидеть всех этих людей свежим взглядом, почти «по-родственному». Представить их – на фоне Челябинска. Взглянуть на Челябу – их глазами. Глазами Руслановой, Козина, Пастернака…

Действительно, есть особого рода магия в том, чтобы рассматривать любой город (Челябинск – лишь повод) в подобном ракурсе. Город – как перекресток судеб, как виртуальная точка схождения бесконечно непохожих человеческих вселенных.

Чтобы поддержать эту авторскую ноту, в конце книги мы даем приложение – несколько современных «апокрифов» о «великих в Челябинске» прекрасно дополняют основной массив текстов, раздвигая смысловые горизонты нашего издания.

Илона Устьянцева

От авторов

Уважаемые друзья! Предлагаемая вашему вниманию книга не совсем обычна. С одной стороны, она посвящена значимым персонажам российской истории, с другой – в публикуемых очерках в обязательном порядке присутствуют факты, свидетельствующие о пребывании этих знаменитых людей в Челябинске. И в этом есть особый глубинный смысл. По нашему горячему убеждению, любой город, являясь частью страны и мира, постоянно испытывает на себе как различные воздействия с их стороны, так в свою очередь и сам оказывает влияние на них. И если мы хотим реконструировать прошлую жизнь, то должны учитывать это.

Попытка делить жизнь на столичную и провинциальную во многом условна. В этом смысле пример Челябинска, являвшегося в течение более 180 лет небольшим уездным городком, показателен. Жители Челябинска на протяжении всей его истории соприкасались и соприкасаются с людьми, если можно так сказать, первого уровня, с теми, кто созидал и созидает российскую историю и культуру. Императоры и патриархи, государственные и политические деятели, выдающиеся актеры, музыканты, писатели, путешественники в своих биографиях имеют челябинские дни, часы, минуты. Без них они были бы немного другими, но и Челябинск без этих людей был бы также другим.

Прочитав эту книгу и узнав, что по челябинской земле ходили Петр Столыпин и Иван Поддубный, Вольф Мессинг и Вера Комиссаржевская, Борис Пастернак и Александр Керенский, вы будете по-другому относиться к своему городу. Город, который видел Константина Бальмонта, Сергея Прокофьева, Анастасию Вяльцеву, как-то язык не поворачивается называть глухой провинцией или захолустной Челябой. Именно для того, чтобы можно было чуть с другой стороны посмотреть на Челябинск, и написана эта книга.

Владимир Боже

Екатерина Боже

Константин Бальмонт

Портрет Константина Бальмонта работы В. Серова. 1905

«Я – для всех и ничей…»

«Какой я сейчас? Да всё тот же. Новые мои знакомые, и даже прежние, смеются, когда я говорю, сколько мне лет, и не верят. Вечно любить мечту, мысль и творчество – это вечная молодость», – писал на исходе седьмого десятка жизни в одном из своих писем знаменитый русский поэт К.Д. Бальмонт. Мало о каком из поэтов серебряного века сохранились столь противоречивые воспоминания. Одним его стихи казались мелодичными, ритмичными, изысканными; другим – яркими, но вычурными и пустыми. В период апогея его славы, пришедшейся на конец XIX – первые годы XX века, в городах и весях Российской империи создавались кружки бальмонтистов и бальмонтисток, боготворивших поэта. Его стихи переписывали и заучивали наизусть. Между тем жизненный путь Константина Бальмонта не был усыпан розами.

Бальмонт или Баламут?

Родился будущий поэт 3 [15] июня 1867 года в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии, в дворянской семье. В автобиографии он писал: «У меня нет точных документов касательно моих предков. Но по семейным преданиям, предками моими были какие-то шотландские или скандинавские моряки, переселившиеся в Россию. Фамилия Бальмонт очень распространенная в Шотландии». Видеть корни фамилии в Шотландии (по аналогу с фамилией М.Ю. Лермонтова, предком которого считается шотландец Лермонт), по всей видимости, было приятно Бальмонту, и он с удовольствием придерживался этой версии. В наше время не все согласны с таким объяснением происхождения фамилии поэта. По сведениям П. Куприяновского, биографа Бальмонта, прадедом Константина Дмитриевича был херсонский помещик Иван Андреевич Баламут. Его сыну Константину (дед поэта) при записи на военную службу эту фамилию заменили на Бальмонт как более благозвучную. Семья будущего поэта была не чужда литературным занятиям. Писали стихи, но не публиковались его дед и тетки; мать Вера Николаевна сотрудничала с провинциальными газетами.

Годы учебы не были для Константина Бальмонта безоблачными. Он, как и многие из его сверстников, попал под влияние революционных идей. Следствием этого стало исключение из Шуйской гимназии (в 1886 году он окончил Владимирскую гимназию) и Московского университета (1887).

Высшего образования он так и не получил.

«Предо мною другие поэты – предтечи…»

Первые стихи Бальмонта появились в 1885 году в журнале «Живописное обозрение». В конце 1880-х поэт в основном занимается переводами западноевропейской литературы (Г. Гейне, Н. Ленау, А. Мюссе и др.). В печати Бальмонт иногда выступал под псевдонимами Гридинский (журнал «Ежемесячные сочинения») и Лионель («Северные цветы»). К 1900 году в Москве складывается кружок символистов (В. Брюсов, Ю. Балтрушайтис, С. Поляков и др.), в деятельности которого немаловажное участие принимает Бальмонт. Из стихотворных сборников поэта наиболее известными были: «В безбрежности» (1895), «Тишина» (1898), «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903). Пробовал он себя и в качестве детского поэта, выпустив в 1905-м «Фейные сказки», посвященные дочери Нине («Нинике»). Книга оказала заметное влияние на известных детских поэтов К.И. Чуковского и С.Я. Маршака. Всего же за свою жизнь Бальмонт издал 35 книг стихов, 20 книг прозы, множество переводов. Его произведения высоко оценивали современники. Максим Горький называл поэта «гениальным виртуозом формы». После личного знакомства с ним (1901) он написал: «Познакомился с Бальмонтом. Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад…» Валерий Брюсов вторил ему, говоря: «Равных Бальмонту в искусстве стиха в русской литературе не было». В то же время спад в творчестве Бальмонта, пришедшийся на конец первого десятилетия XX века, был встречен его коллегами-литераторами чрезмерно строго. Александр Блок в 1909 году написал о новых его стихах: «Это почти исключительно нелепый вздор… В лучшем случае это похоже на какой-то бред, в котором, при большом усилии, можно уловить (или придумать) зыбкий лирический смысл… есть замечательный русский поэт Бальмонт, а нового поэта Бальмонта больше нет».

«Сильный тем, что влюблен…»

С детских лет Бальмонт был необычайно влюбчив. В автобиографии он писал: «Первая страстная мысль о женщине – в возрасте 5-ти лет, первая настоящая влюбленность – 9-ти лет, первая страсть – 14-ти лет». В более зрелом возрасте в жизни Бальмонта было четыре наиболее близких ему женщины (от них он имел детей): Лариса Гарелина, Екатерина Андреева, Елена Цветковская, Дагмар Шаховская. «Блуждая по несчётным городам,

одним я услаждён всегда – любовью», – писал поэт в одном из своих стихотворений.

Брак с Л. Гарелиной (заключен в 1889 году) стал одной из жизненных трагедий поэта и привел к попытке суицида в 1890 году: он бросился на мостовую из окна третьего этажа. Следствием этого стали многочисленные переломы, год постельного режима и легкая хромота на всю жизнь. В этом браке у Бальмонта родился сын Николай (1890–1924), поэт и музыкант.

Супружество с Е. Андреевой (1896) было гораздо более счастливым. Даже после расставания бывшие супруги поддерживали отношения, находясь долгие годы в переписке. И только в 1934 году, когда советским гражданам запретили переписываться с родными и близкими, проживающими за границей, связь эта прервалась. В браке с Андреевой у Бальмонта родилась очень любимая им дочь Нина (1900–1989, в замужестве Бруни).

Третьей (на этот раз гражданской) женой поэта стала Е.К. Цветковская, вместе с которой в 1920 году он покинул Россию и жил до конца своих дней. В этом браке у него родилась дочь Мирра (1907–1970, в замужестве Аутин). Отношения с четвертой (также гражданской) женой Д. Шаховской завязались в Париже. Эстонская баронесса Дагмар Лилиенфельд (Шаховская) родила поэту двух детей: Жоржа (род. в 1922) и Светлану (род. в 1925). По стечению обстоятельств они не могли быть вместе, но поэт поддерживал с Шаховской постоянную переписку. До наших дней дошло 858 писем и открыток, относящихся преимущественно к 1922–1924 годам.

Именно в любви Бальмонт черпал свое вдохновение. В. Брюсов, анализируя его творчество, писал: «Поэзия Бальмонта славит и славословит все обряды любви, всю ее радугу. Бальмонт сам говорит, что, идя по путям любви, он может достигнуть „слишком многого – всего“!»

Константин Бальмонт и Южный Урал

Бальмонт много путешествовал, и современники уверяли, что он посетил больше стран, чем все русские писатели вместе взятые. На его счету было два кругосветных путешествия, он бывал во многих уголках мира – в Египте и Австралии, Америке и Западной Европе. Путешествия давали ему темы для новых произведений, позволяли углубить свои обширные познания в языках. Литератор А.П. Ладинский, вспоминая о Бальмонте, писал, что «Гомера он читал по-гречески, Тацита – по латыни, Сервантеса – по-испански, Гюго – по-французски, Шекспира – по-

английски, Стриндберга – по-шведски». Приняв активное участие в первой российской революции (1905), Бальмонт вынужден был уехать из страны и довольно долго жил во Франции (1906–1913). После объявления амнистии в честь празднования 300-летия Дома Романовых поэт вернулся на Родину. В сентябре-декабре 1915 года и с февраля по май 1916 года он совершал поездки по России, во время которых выступал с чтением лекций и стихов. В ходе своего российского тура в 1916 году поэт приехал в Челябинск, где 13 марта в зале Челябинской женской гимназии прочитал лекцию «Лики женщины в поэзии и жизни». Лекцию пришло послушать много челябинцев, особенно молодежи. Публика тепло встретила поэта. При этом первый профессиональный писатель Челябинска критический реалист А. Г. Туркин, не принимавший символизма как литературного течения, отнесся к выступлению Бальмонта негативно, что нашло свое выражение в рецензии, опубликованной им в газете «Голос Приуралья». Главным недостатком поэзии Бальмонта, по мнению рецензента, было несоответствие тем и образов его выступления реалиям жизни. Тихий голос «солнечного Бальмонта», повествующего о «женщинах мгновения» и «женщинах жизни», в военных условиях, когда «рядом поднимались хищные серые будни земли», показался Туркину фальшивым, и он отметил, что его современникам «надо что-то другое».

Бальмонт не успел прочитать эту рецензию, уехал и уже больше никогда на Южный Урал не приезжал. Между тем мысленно он неоднократно стремился оказаться здесь, но связано это было не с тем, что ему приглянулись природа или люди. В Миасском заводе с 1917 по 1920 годы жила его семья – жена Е. А. Андреева и дочь Нина. Поэт несколько раз собирался приехать навестить их, но сделать этого ему не удалось. Обменивались письмами. Трогательно заботились друг о друге. Случалось, что Екатерина Алексеевна, работавшая в библиотеке, отправляла Бальмонту посылки с продуктами. А поэт перед отъездом за границу просил наркома А.В. Луначарского оказать содействие возвращению жены и дочери в Москву.

Уехав в 1920 году за границу, Бальмонт жил вне родины до конца жизни. Тосковал:

> «Но пусть пленителен богатый мир окрест,
> Люблю я звездную России снежной сказку
> И лес, где лик берез, венчальный лик невест…»

С 1937 года у Бальмонта прогрессирует психическое заболевание, поэт скитается по парижским приютам, в одном из

которых (в Нуазиле-Гран) 23 декабря 1942 года его жизнь оборвалась.

Примечание

Впервые очерк опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 14 июля 2006 года.

Александр Вертинский

Александр Вертинский

«Мое искусство было отражением моей эпохи…»

Александр Вертинский… Черный Пьеро, трогательный и беззащитный… Не поэт, не певец, не драматический артист, но в то же время и первое, и второе, и третье. Он появился в российской культурной жизни тогда, когда она была наполнена, казалось, до краев гениями и талантами, но не потерялся среди них, а стал одним из узнаваемых лиц эпохи. Он пел на русском языке, но его также с восторгом принимали в Китае и Северо-Американских Соединенных Штатах, в Бессарабии и во Франции. Он не имел никакого музыкального и театрального образования, но поражал своим творческим гением величайших профессионалов. Знаменитый актер Василий Качалов, когда его спросили, в чем, по его мнению, состоит мастерство Вертинского, ответил: «Прежде всего, в выразительности его пения, в блестящем владении искусством интонации, в образности жеста, в умении какими-то своеобразными средствами, главным образом движением пальцев создавать образы, перевоплощаться. Такого умения владеть руками, таких „поющих рук“ я не знаю ни у одного из актеров. Конечно, и мимические его свойства поразительны».

Но это только одна сторона творческой кухни Вертинского, сторона внешняя, но была и внутренняя – мир его чувств, мыслей, переживаний. Услышав «классического» певца Леонида Собинова, он задал себе вопрос: «О чем он поет? Ведь это уже стертые слова! Они ничего не говорят ни уму, ни сердцу». И старался петь по-другому и о другом. Современники называли его «певцом состояний». Как-то Леонид Осипович Утесов сформулировал свое кредо на эстраде, заявив: «Я пою не голосом, а сердцем». Вертинский задолго до него понял, что голос всего лишь инструмент. Эпатируя публику своим внешним обликом, манерой держаться, он в то же время делился с ней самым сокровенным, болью своей души, и публика отвечала ему доверием и привязанностью.

Человек богемы

А начиналось всё в Киеве, где 8 (21) марта 1889 года в семье адвоката Николая Петровича Вертинского родился сын Александр. Судьба его изначально складывалась несчастливо. Когда Саше исполнилось три года, умерла его мать, а еще через

два года – отец. Сироту взяла на воспитание тетка по матери. Видимо, она предполагала дать ему достойное образование. Однако учеба в гимназии с ее древними языками, системным изучением различных наук не нашла отклика в душе юного Вертинского. Он пропускает занятия, приходит на уроки неподготовленным и очень скоро оказывается в числе исключенных. При этом он сближается с кружком интеллигенции, собиравшимся на квартире преподавательницы гимназии Софьи Николаевны Зелинской и ее мужа Николая Васильевича Луначарского, брата будущего наркома просвещения.

Встречи с Николаем Бердяевым, Михаилом Кузминым, Марком Шагалом, Натаном Альтманом и другими деятелями российской культуры подтолкнули Вертинского к занятиям литературой и театром. Он начал писать небольшие рассказы, миниатюры для киевских газет, ходить на концерты и спектакли. В поисках заработка продавал открытки, грузил арбузы, был корректором в типографии и даже помощником бухгалтера в гостинице, откуда вскоре был уволен «за неспособностью». Тогда же он становится частью киевской богемной молодежи. Покупает на рынке поношенный фрак и создает свой первый сценический образ – молодого, разочаровавшегося в жизни гения. Тогда же он решает, что место гениев не в Киеве, а в Москве и, скопив 25 рублей, уезжает в древнюю российскую столицу.

Москва пала к ногам юного Вертинского далеко не сразу. В 1913 году он попытался поступить в Московский художественный театр. Пройдя отборочные туры, попал в «пятерку» претендентов. Но на заключительном этапе конкурса начинающего актера забраковал К. С. Станиславский, которому не понравилось, что Вертинский сильно картавил. Осенью того же года Александр поступил в труппу театра М.А. Арцыбушевой, а годом раньше дебютировал в кино.

Началась его артистическая жизнь. В Москве Вертинский сблизился с футуристами, был дружен с В. В. Маяковским. Ему нравилось эпатировать обывателя оригинальным внешним видом (он мог пройтись по улице в куртке с помпонами вместо пуговиц, с набеленным лицом и моноклем в глазу). Не устоял он и перед «проклятием эпохи» (так в начале XX века называли кокаин). Страсть Вертинского к наркотику зашла столь далеко, что у него стали случаться галлюцинации, и он вынужден был начать лечение.

Чтобы вырваться из кокаинового плена, Вертинский уехал на фронт (в разгар Первой мировой войны). Назвав себя «брат Пьеро», он записался на санитарный поезд № 68, курсировавший между Москвой и передовой. Делал перевязки раненым и пел для

них.

В 1915 году, вернувшись с фронта после легкого ранения, он начинает регулярную концертную деятельность. Исполняемые им в костюме Пьеро в кабаре и театрах миниатюр «ариетки» («Жамэ», «Сероглазочка», «Маленький креольчик» и др.) неожиданно становятся популярными. Критики недоумевали. Пресса ругала. Но это только увеличивало число поклонников «Русского Пьеро». В 1916 году Вертинский был уже известным артистом. А к 1917 году с гастролями побывал во многих городах и весях Российской империи. Падение Временного правительства совпало с его первым бенефисом. В 1917 году он написал известный романс «Я не знаю, кому и зачем это нужно», посвященный гибели в Москве трехсот юнкеров. В этом романсе были такие строчки:

«Но никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне…»

По сохранившимся легендам, Вертинского вызвали в ЧК и потребовали объяснений. «Вы же не можете запретить мне их жалеть!» – будто бы заявил артист. «Надо будет – и дышать запретим!» – ответили не склонные к сантиментам чекисты.

В конце 1917 года певец уезжает с гастролями на юг России, а затем вместе с остатками Белой армии покидает страну на пароходе, отходящем в Константинополь.

Дорога домой

В отрыве от России Вертинский прожил 23 года. В Турции ему посчастливилось купить паспорт на имя греческого гражданина Александра Вертидиса (так звучала фамилия на греческом). В 1922–1934 годах артист жил и выступал в Европе. В Польше он познакомился с еврейской девушкой Рахиль, на которой женился. При регистрации брака в Берлине невесту записали как Ирен Вертидис. Счастливой их семейная жизнь не была, и супруги в скором времени расстались. В 1927 году Вертинский поселился во Франции. Выступал на престижных площадках. Интерес к нему проявили и в Америке, куда он прибыл в 1934 году. В Голливуде певцу предложили снять фильм о его судьбе, но, испытывая трудности с английским, он отказался. Жизнь Вертинского за границей складывалась достаточно удачно: он дружил с певцом Ф. Шаляпиным и актером

И. Мозжухиным, обедал с миллионерами, познакомился с Чарли Чаплином, записывался на пластинки. При всем этом он не мог забыть о России, в его репертуаре появляется множество ностальгических песен:

«Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова…
Летний сад, Фонтанка и Нева…»

В 1935 году Вертинский приехал в Китай. В Шанхае с аншлагами прошли двадцать его концертов (для сравнения: Шаляпин смог дать только два). Там же он стал совладельцем ночного клуба «Гардения» и познакомился со своей второй женой Лидией.

Лидия Владимировна Циргвава родилась в Харбине, ее отец служил в управлении Китайско-Восточной железной дороги. Девочке было десять лет, когда Владимир Константинович умер, и они с матерью переехали в Шанхай. Весной 1940 года состоялось знакомство 17-летней Лили и 51-летнего Вертинского. На склоне лет Вертинского посетило действительно сильное и глубокое чувство. Видеться с возлюбленной он мог только по выходным, а в другие дни писал ей нежные и трогательные письма.

Против их брака была настроена мать избранницы – ее пугала разница в возрасте. Но 26 апреля 1942 года свадьба Вертинских состоялась. Брак был удачным, Вертинские прожили пятнадцать счастливых лет. 28 июля 1943 года у них родилась их первая дочь Марианна; а 19 декабря 1944 года – Анастасия. Впоследствии обе дочери стали известными актрисами.

Уехав из России в гражданскую войну, Вертинский неоднократно пытался вернуться обратно. Но этому всегда что-то препятствовало. В марте 1943 года он направил очередное письмо на имя В.М. Молотова с просьбой о возвращении: «Жить вдали от Родины теперь, когда она обливается кровью, и быть бессильным ей помочь – самое ужасное». Через два месяца из СССР пришел положительный ответ и визы для семьи Вертинских. Так Александр Николаевич с женой, дочерью и тещей вернулись на Родину.

Работа на износ

В России Вертинскому пришлось ко многому привыкать. После возвращения в Москву его прикрепили к Всероссийскому

гастрольному концертному объединению (ВГКО). Из многочисленного репертуара артиста существовавший тогда цензурный орган репертком утвердил чуть более тридцати песен, было установлено и количество ежемесячных выступлений – 24 концерта. Началась гастрольная жизнь артиста, которого родина как бы заставила отрабатывать проведенные на чужбине годы. За 14 лет Вертинский не раз объездил страну с севера на юг и с запада на восток. Лидия Вертинская вспоминает: «Это было какое-то сознательное уничтожение артиста и человека. Мы ничего не могли понять… летом, в жару, его посылали на гастроли в Ташкент, а зимой – обязательно куда-нибудь на север, в Норильск или на Камчатку».

Концерты проходили при полных аншлагах, а билеты на них достать было почти невозможно. И это при том, что, несмотря на всероссийскую популярность артиста, он не имел никакого звания. Существовал и негласный запрет на информацию о нем. В то же время Вертинского не тронули в период известных гонений на эстраду в послевоенные годы, после принятия печально знаменитых постановлений ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и об опере «Великая дружба». Рассказывают, что его «покровителем» был сам «отец народов» И.В. Сталин. Лидия Вертинская вспоминает, что однажды на концерт Александра Николаевича пришла коммунистка Р.С. Землячка, которая уже на следующий день позвонила А.С. Щербакову (ведавшему репертуарным отделом при ЦК) и предложила обязать Вертинского выступать с «более советским» репертуаром. Когда Сталину доложили об этом, он будто бы сказал: «Зачем создавать артисту Вертинскому новый репертуар? У него есть свой репертуар. А кому не нравится – тот пусть не слушает». По слухам, у Сталина даже была пластинка Александра Николаевича. В конце 1940 годов в партии началась борьба с формализмом в искусстве. Поступали нелицеприятные отзывы и о творчестве Вертинского с самыми горячими предложениями, но Сталин по-хозяйски распорядился: «Дадим артисту Вертинскому спокойно дожить на Родине».

В ходе своих многочисленных гастрольных поездок Александр Николаевич бывал и на Южном Урале. Документально удалось установить факт его пребывания здесь в 1955 году. Газета «Челябинский рабочий» опубликовала тогда краткое объявление: «Летний театр городского сада им. А.С. Пушкина. 17, 18 и 19 июня 1955 г. концерты А. Вертинского. Начало в 8 ч. вечера».

В Челябинск артист приехал из Магнитогорска, где часть встречающих едва не приняла его за ожидаемого индийского премьера Джавахарлала Неру. Южный Урал поразил Вертинского

производственной мощью: «Магнитогорск – город заводов и фабрик. Сотни труб дымят целый день…» А вот его слова о самом концерте: «Концерт был в парке, в летнем театре. Шел дождь, грохотало радио и трубил оркестр. Да еще паровозы свистели истерично и длинно… Сам себе удивляюсь, что допел до конца».

Следующим в гастрольном туре был Челябинск. У артиста остались двойственные впечатления от пребывания здесь. С одной стороны: «Один этот богатейший седой Урал чего стоит! Весь мир мы можем снабдить своими богатствами, и всё еще останется много!.. Видишь город Магнитогорск или Челябинск, весь утыканный высокими зажженными свечами. Это – огонь из заводских труб. Точно факелы… Я не бываю на этих заводах, но актеры МХАТа рассказывали мне, что можно оглохнуть и ослепнуть от грохота и скрежета огня – переходя по узкому мостику среди этих стальных чудовищ – машин из цеха в цех… Вчера спел здесь первый концерт у „Угольщиков“. Огромный и роскошный дворец культуры (Дворец культуры угольщиков в г. Копейске. – *Прим. авт.)*. Очень благодарная, внимательная публика. Прием чудесный. Сегодня я пою на ЧТЗ». С другой стороны, впечатления от следующих концертов у Вертинского были не такими радужными, выступать в городском саду ему не понравилось, к тому же последний концерт из-за жары вообще не состоялся.

…Умер Александр Николаевич Вертинский на гастролях в Ленинграде. 21 мая 1957 года в гостинице у него начался сердечный приступ. По глупой случайности под рукой не оказалось таблетки…

Сегодня интерес к жизни и творчеству артиста велик. Регулярно появляются многочисленные публикации о нем, издаются книги воспоминаний. 21 октября 1982 года в Крымской астрофизической обсерватории была открыта и зарегистрирована малая планета, получившая его имя. Живы и его песни, которые можно послушать на CD-дисках как в авторском исполнении, так и в исполнении других российских певцов (В. Ободзинский, Е. Камбурова, Б. Гребенщиков и др.). Жизнь Александра Вертинского в российской культуре продолжается.

Примечание

Впервые очерк был опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 11 августа 2006 года.

Анастасия Вяльцева

Анастасия Вяльцева

Челябинский концерт Анастасии Вяльцевой

Имя Анастасии Вяльцевой (1871–1913) накрепко слилось с эпитетом «несравненная». Переполненные залы, дорогие билеты и грампластинки, заведенная публика, крушащая мебель и не желающая отпускать своего кумира, – всё это в начале XX века принесло ей такую славу, которая и сегодня не позволяет усомниться в том, что степень ее таланта была первой величины. Рассказывают, что знаменитый борец Иван Поддубный любил в начале XX века шутить, будто в России на самом деле лишь три знаменитости – Максим Горький, Анастасия Вяльцева и он. И это об эпохе, в которую творили Чехов, Толстой, Маяковский, Блок, в театре выступала Вера Комиссаржевская, со сцены звучали голоса Федора Шаляпина, Леонида Собинова и популярных эстрадных исполнителей – Вари Паниной и Надежды Плевицкой. Между тем, Поддубный был во многом прав. Когда в 1913 году певицы не стало, в последний путь, по подсчетам современников, ее провожало около 150 тысяч человек. И когда кто-то отметил, что даже Чехова так не хоронили, в ответ прозвучало: «Чехов писал для немногих, а Вяльцева пела для всех».

«Публика бесновалась и певица много бисировала…»

В Челябинске певица побывала на пике своей популярности. Единственный ее концерт прошел в Народном доме (ныне – ТЮЗ). До революции это был лучший зал в городе. В начале октября 1910 года в местной газете «Голос Приуралья» появилась реклама: «11 октября 1910 г. Концерт знаменитой певицы Анастасии Вяльцевой. При участии артиста русской оперы А.Е. Боброва (баритон), А. К. Максанина (баритон) и композитора А.В. Таскина. Билеты (продаются) в Народном доме». Конечно же, челябинцы слышали о Вяльцевой, читали о ней в газетах, у некоторых, имевших патефоны, были ее пластинки, поэтому желающих попасть на концерт было немало. Однако цены на билеты охладили пыл многих. «В противоположность другим городам, предварительная продажа билетов идет не особенно бойко», – отмечали вездесущие журналисты. Челябинск находился в напряжении до последнего дня. Состоится ли концерт?

Челябинцы не очень-то любили тратить много денег на культурный досуг. Знаменитый трагик Рафаил Адельгейм

выступал при полупустом зале, а Вильгельм Гартевельд, собиратель и пропагандист каторжного фольклора (предтеча нынешнего «шансона»), и вовсе вынужден был отменить концерт из-за того, что было продано слишком мало билетов. Ожидать можно было всего. Но необходимый рубеж был взят. И вот, Вяльцева в Челябинске! Зеваки ожидают ее приезда в Народный дом, счастливые обладатели билетов проходят в зал…

Концерт начался – и вошел в анналы челябинской истории. В появившейся 13 октября 1910 года в «Голосе Приуралья» рецензии сообщалось: «Благодаря повышенным ценам, сбор концерта достиг, как передают, небывалой здесь суммы 1300–1500 рублей. Оставались все же свободные места, так что сбор нельзя назвать полным». Концерт прошел, разумеется, «с успехом, публика бесновалась и певица много бисировала, исполняя требуемые романсы». При этом рецензент не преминул отметить, что, на его взгляд, у певицы не было какого-то особенно сильного голоса и что Челябинск слышал куда более мощные и яркие голоса… Однако кто помнит эти голоса? Приезд же Вяльцевой стал событием. В чем причина этого? В ее таланте, в харизме или в чем-то другом? Вот об этом «другом» и хочется поразмышлять, потому что пример Вяльцевой демонстрирует нам образец того, что мы сегодня склонны относить к достижениям современного шоу-бизнеса, а ни в коей мере не к эстраде начала XX века.

Рождение звезды

Речь идет о «раскрутке» талантливого, способного человека, о том, чем сегодня занимаются продюсеры. Мы упорно придерживаемся мифа, что в предреволюционный период таланты были природными, естественными. Нам кажется, что вышел такой талант на сцену, услышали его зрители, и родилась звезда. Может, так оно и бывало, но подобная байка, похожая на прекрасную сказку, явно не про Вяльцеву. И это при том, что в многочисленных публикациях она нередко сравнивается с Золушкой. Как же так – из крестьян, а кем стала?! Между тем, как отмечается в ряде публикаций, крестьянское происхождение сказалось на Вяльцевой минимально. Отец ее был крестьянином, но работал в городе, а потому будущая звезда с детских лет впитывала атмосферу городской культуры. У юной Анастасии не было поставленного голоса, поэтому, прежде чем о ней стали говорить как о певице эстрады, прошли годы. Желание же выступать на сцене у нее было всегда. Поэтому в 13-летнем возрасте она попыталась поступить в оперетту. В Киеве, где жила в это время Вяльцева, гастролировала опереточная труппа И.Я.

Сетова и А.Э. Блюменталь-Тамарина. Первая попытка попасть на сцену не принесла будущей звезде желаемого. Мест в хоре не было, зато ее приняли в балет. Но двигалась она плохо, никаких танцевальных навыков не имела, а потому вполне заслуженно была освистана публикой. Не смогла Вяльцева играть и в опереттах. Как выяснилось, для нее было проблемой одновременно двигаться и петь.

В 1893 году Анастасия Вяльцева перебирается в Москву (театр «Аквариум»), а затем в Петербург (труппа С. Пальма). Но и здесь успех не сопутствовал ей. Очевидно, именно провалы убедили молодую, красивую и честолюбивую девушку в том, что ей надобно учиться. Однако на это нужны были деньги, а их у Вяльцевой не было. И она, как и многие другие способные люди, могла просто не суметь раскрыться и тривиально кануть в безвестность. К счастью, на нее обратил внимание Н.И. Холева, адвокат, меломан и директор литературно-артистического кружка. Он первым разглядел в Вяльцевой талант, достойный серьезного внимания. По предложению Холевы и при его финансовой поддержке Вяльцева стала брать уроки у председателя Петербургского вокального общества С.М. Сонки. Знавшие в те годы Анастасию Дмитриевну отмечали, что она занималась старательно и с упорством. Она понимала, что это ее шанс, возможно единственный, и упускать его не желала. Вскоре голос зазвучал совсем по-другому, и певица почувствовала это. В последующие годы она училась и у других педагогов, в том числе в Италии. По совету того же Холевы, певица определилась и с репертуаром, став сольно исполнять романсы. При этом акцент был сделан на романсы, где не было горестных переживаний, а звучали слова радости и любви.

Оказав Вяльцевой помощь в совершенствовании и постановке голоса, Холева стал активно работать с прессой и рекламировать певицу. Вяльцева как старательная ученица восприняла и эти уроки своего благодетеля, в последующем никогда не упуская возможности подбросить газетчикам яркую информацию о себе. На нее, казалось, работало всё – природная красота, богатые наряды, модные прически, замужество и даже технический прогресс. Когда в России начал победное шествие граммофон, Вяльцева уделила грамзаписи особое внимание, благодаря чему значительно расширила слушательскую аудиторию и стала известна всей Российской империи. Став знаменитой, певица рачительно подошла к свалившемуся на нее счастью. Билеты на ее концерты нередко стоили в несколько раз дороже, чем у других исполнителей. При этом залы были полны. В значительной мере это было связано с тем, что певица отошла от бытовавшей в

начале XX века практики проведения концертов с определенной программой. Она живо откликалась на пожелания публики, легко изменяла канву концерта, и слушателям это нравилось. Задолго до знаменитых «битлов» русская певица Вяльцева так научилась строить свой концерт, что публика впадала в транс, ломала мебель, кричала, свистела, визжала, требовала возможности общения со своим кумиром. Присутствие полиции на концертах Вяльцевой в больших городах было обычным делом. Пресса много писала об этом и тем самым еще больше рекламировала певицу. Многие изначально шли на концерты, ожидая от них эмоциональной встряски. Коллеги по сцене упрекали Вяльцеву в том, что она по-американски рекламирует себя. Но поделать с этим ничего не могли. На их глазах исполнительница романсов Вяльцева преображалась и становилась звездой, легендой, мифом. Справедливости ради надо отметить, что талант ее был велик, однако известность была на порядок выше.

«Я буду петь столько, сколько они попросят…»

Выйдя из низов общества и став знаменитой, Вяльцева большое внимание уделяла материальной стороне своей жизни. Подобно Федору Шаляпину, говорившему, что «бесплатно только птичка поет», она стремилась доходами компенсировать затраченные ею усилия, надеясь поменять с помощью денег свой общественный статус. С 1902 года начинается ее активная гастрольная деятельность. В орбиту ее внимания попали все сколько-нибудь крупные города империи. Ее гонорары достигали баснословных размеров – до 1200 рублей за концерт. Годовые же доходы только за выступления перевалили за сто тысяч рублей. Чтобы представить себе, что это за сумма, скажем, что учитель начальной школы получал в эти годы от 180 до 240 рублей, а ведущие чиновники губернского уровня от пяти до семи тысяч рублей в год. При этом она работала честно, исполняя порой в концерте до пятидесяти песен. Говорила: «Я слуга моей публики. Они пришли меня послушать, они заплатили деньги – я буду петь столько, сколько они попросят».

Богатство Вяльцевой неуклонно росло. За 150 тысяч рублей ею было куплено поместье у графов Игнатьевых. Она владела также несколькими доходными домами в Санкт-Петербурге. Занималась благотворительностью, жертвовала крупные суммы на детские и сиротские учреждения, поддерживала местные отделения Союза русского народа, сторонником которого был муж Вяльцевой – полковник В. В. Бискупский. При этом в быту отличалась скромностью. Исключение было сделано только для

концертных костюмов и особого вагона, изготовленного специально для нее в Бельгии. В нем знаменитая певица и гастролировала по всей стране (таких вагонов было всего два в России, второй – у императрицы).

Пережив бедность, Вяльцева рационально подходила к своему дару, надеясь плодами насыщенной гастрольной деятельности обеспечить свою старость. Но старости не случилось. Выступая в Курске и исполняя романс «Чайка», певица неожиданно замерла и рухнула без чувств на сцену. Зрители посчитали, что это произошло от избытка эмоций. Но всё оказалось страшнее. Врачи поставили диагноз – белокровие, рак крови. Были применены самые современные лекарства, проведено прямое переливание крови (донором выступил муж Вяльцевой). Однако болезнь победить не удалось. 5 февраля 1913 года Анастасия Вяльцева в возрасте 42 лет покинула этот мир.

Примечание

Впервые очерк опубликован в журнале «Челябинск-сити» (2008, № 8).

Лазарь Каганович

Лазарь Каганович

Человек в футляре

Лазарь Каганович… Когда читаешь его воспоминания, невольно возникает мысль о том, что автор будто бы застыл в своем развитии задолго до того мига, когда решился поведать миру о себе. Идеологические догмы, вознесшие его на вершину коммунистической власти, остались для него непреходящей ценностью. Именно из них он соорудил удобный для себя футляр, который должен был спрятать его человеческие чувства и переживания, попытки понять то время, в которое он жил, его представления о добре и зле, правде и лжи. Застегнутая до последней пуговицы личина «рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника» должна была явить миру солдата партии, борца за светлые идеалы, для которого главное – классовая целесообразность. По его уверениям, коммунистическая идея «выше, значительнее, могущественнее личных моментов и жизни». Для реализации этой идеи он многое делал. Поэтому, когда он говорит, что «каким был до революции пролетарием-большевиком, таким остался…», не очень-то верится. Скорее можно согласиться с его дочерью, предварившей воспоминания отца статьей «Творец эпохи». «Творец», в отличие от «пролетария», за многое отвечает, а этого-то, наверное, Кагановичу и не хотелось.

Нет сомнений в том, что он был одним из наиболее значительных деятелей сталинской эпохи, решавших важные хозяйственные, военные и иные задачи, как нет сомнений и в том, что он был одним из ярых сталинистов-опричников, организовавших «большой террор» тридцатых годов. Сегодня установлено, что подпись Кагановича стоит под расстрельными списками на 36 тысяч человек, в числе которых были 21 нарком и 23 члена ЦК партии. По количеству подписанных расстрельных списков (188) Каганович занимал четвертое место среди членов Политбюро, уступая только Ворошилову, Молотову и Сталину. В 1933 году на пленуме ЦК он сказал характерную фразу: «Мы мало расстреливаем». Чтобы расстреливать больше, он выезжал в Ярославскую, Ивановскую области, Донбасс, неоднократно бывал и в Челябинской области. Из перепуганного Челябинского обкома в Москву ушло предложение о переименовании областного центра в Кагановичград. И кто знает, посмотри на это прошение по-другому Сталин, стали бы жители нашего города кагановичградцами. Поэтому не будем доверять пенсионеру Кагановичу и его байкам, а посмотрим на его жизнь через призму

имеющихся в нашем распоряжении источников и попробуем составить об этом человеке собственное мнение, равно как и о челябинских страницах его биографии.

Железный нарком

Лазарь Каганович родился 10 (22) ноября 1893 года в ныне не существующей деревне Кабаны Киевской губернии в многодетной небогатой семье. Из тринадцати детей у его родителей выжило шесть – одна девочка и пять мальчиков. С большими трудностями Лазарю (Лейзару) удалось получить начальное образование. Занимался самообразованием, мечтал сдать экзамены за гимназию и поступить в Киевский университет, но мечтам этим не суждено было сбыться. В 13 лет расстался с семьей и выехал в Киев, чтобы найти себе работу. Жил там под присмотром старшего брата Михаила. Работал грузчиком на мельнице, сопровождающим грузов на железной дороге, кожевенником, а затем сапожником, рабочим пробкового, мыловаренного заводов – везде, где была хоть какая-то работа, позволявшая сводить концы с концами. Придя на очередную такую работу – на кондитерскую фабрику, – он решил, что это и есть его призвание. Стал подмастерьем, мечтал о том, что станет мастером. Может быть, и стал бы им. Но и эта мечта лопнула. Безработица. Снова кожевенный завод. Безысходность. Мысль: «Не до жиру – быть бы живу». Протоптанная не одним поколением колея. И кто знает, как бы пошла жизнь дальше, если бы в 1911 году Лазарь не сблизился с большевиками. Именно этот шаг повлиял на всю его последующую жизнь.

Из воспоминаний Кагановича о той поре его жизни: «Помню стальной кастет, который мне сделал Вася-металлист. „У тебя, – говорил он, – рука крепкая, и он тебе подойдет“. Он мне пригодился, когда однажды, нагруженные листовками, я и Наум Голод спускались вечером по Андреевскому спуску, где народу почти не было, а за нами неотступно следовал шпик…»

В 1915 году Кагановича впервые арестовали, произошло это на вокзале, куда он пришел с другими большевиками проводить арестованных соратников в ссылку. «Допросы были жестокими; здоровенные жандармы неоднократно избивали нас до крови, но допросы ничего им не дали… Я был одет плохо и изобразил из себя деревенского парня, приехавшего в Киев искать работу. „А чего же ты махал рукой, да еще фуражкой?“ – допытывались они, не веря моим утверждениям. На это я им по-деревенски отвечал: „Уси махалы, и я махав, я думав, шо воны мобилизованные, и их отправляют на фронт“». Ничего не доказав, Кагановича выслали

по этапу в деревню. Но до деревни Каганович не добрался, с помощью друзей брата Михаила освободился и нелегально вернулся в Киев, а затем перебрался в Юзовку, где и встретил 1917 год.

В последующем его жизнь развивалась, как и у многих советских руководителей ленинско-сталинской эпохи. В 1917 году ему исполнилось 24 года. Умный, энергичный, волевой, он был не обременен каким-либо позитивным жизненным опытом, образованием, рефлексией. Поэтому не вступал в теоретические дискуссии, а исполнял волю партии, решал любые задачи, которые перед ним ставили старшие товарищи. Послужные списки бесстрастно зафиксировали его движение по иерархической лестнице: «В 1917 по направлению ЦК РСДРП руководил проведением переворота в Гомеле, председатель Полесского обкома РСДРП, был избран членом Учредительного Собрания от большевиков, делегат 3 – го Всероссийского съезда советов, член ВЦИК, в 1918 комиссар организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, затем председатель губкома и губисполкома Нижнего Новгорода, в 1920 нарком РКП Туркестанской республики, член РВС Туркестана и председатель горсовета Ташкента».

В 1922 году В.М. Молотов, знакомый Кагановича по Нижнему Новгороду, ходатайствует за него перед Сталиным, после чего карьера Лазаря Моисеевича так же победно протекает уже в Москве. Он возглавляет организационно-распределительный отдел ЦК РКП (б). В условиях обострения внутрипартийной борьбы за власть эта должность была чрезвычайно важной. Она была связана со счетными комиссиями, с кадрами, а кадры и тогда, по выражению Сталина, решали всё. С 1924 года Каганович – член ЦК партии, с 1926-го – секретарь ЦК ВКП (б), занимавший в 1925–1928 гг. должность первого секретаря КП(б) Украины, а в 1930–1935 – первого секретаря Московского горкома ВКП(б). Можно говорить о том, что Каганович прочно вошел в верхушку партийной номенклатуры, но что еще важнее, он стал человеком ближайшего круга Сталина. Более того, перед войной был период, когда его место в советской элите было сразу за Хозяином. Многие исследователи жизни Кагановича отмечали, что он не провалил ни одного поручения Сталина, какими бы они ни были – партийными или хозяйственными. Его имя носили населенные пункты, предприятия, первый советский троллейбус (ЛК-1). Лазарь Каганович был настоящим трудоголиком, не брал отпусков, порой совмещал единовременно несколько важнейших хозяйственных и партийных постов (например, наркомов путей

сообщения, тяжелой и нефтяной промышленности). Умел выделять главное и концентрировать на нем усилия подчиненных. Он не был кабинетным чинушей и хорошо знал те направления работы, за которые отвечал. Это, безусловно, делало его сильным руководителем. Но навряд ли он удержался у кормила власти, если бы не обладал двумя качествами, за которые его особенно ценил Сталин – это личная преданность вождю и непримиримость к его врагам.

Знаменитый историк В.О. Ключевский как-то написал: «Для осуществления идеалов необходима энергия действия, энтузиазм убеждения: при осуществлении их неизбежны борьба, жертвы». Думается, что под этой мыслью подписался бы и Лазарь Каганович. Вот только представления о том, каким может быть масштаб жертв, у историка и у «железного наркома», по всей видимости, были разные. Отвечая на вопросы Феликса Чуева, Каганович как-то бросил:«…легко сейчас судить, когда нет нужды в твердой руке и в борьбе, и в жестокости». Ему же признался: «Мы виноваты в том, что пересолили, думали, что врагов больше, чем их было на самом деле…», но при этом был уверен: «Пятая колонна была у нас. Пятая колонна была. Если бы мы не уничтожили эту пятую колонну, мы бы войну не выиграли. Мы были бы разбиты в пух и прах».

Любопытны доводы, которые, по мнению Кагановича, должны были доказать правильность репрессий, например, руководства армии. Вот что он говорит по этому поводу Чуеву: «И все-таки какая-то группировка командного состава была. Не могла не быть. Она была. Вся эта верхушка в Германии проходила службу, была связана с немцами. Мы получили сведения, у Сталина были данные, что у нас есть связанная с фашистами группа. Называли Тухачевского и Якира. Тухачевский был когда-то в плену в Германии и бежал из плена… Что многие из них носили у себя в портфеле жезл Наполеона – это несомненно. Тухачевский был, по всем данным, бонапартистских настроений. Способный человек. Мог претендовать».

Как видно из приведенной цитаты, у Кагановича расстояние между предположением о возможной вине тех или иных деятелей и утверждением, что такая вина, несомненно, была, – минимальное. Фактически никаких реальных сведений у него нет. Вся получаемая им информация – от Сталина, и причина уничтожения человека – тоже от Сталина (способный человек и может претендовать на власть). И это страшно, так как показывает, что в СССР не было человека № 2, а был один диктатор, который решал всё: миловал или карал, переселял народы и уничтожал целые социальные слои. Кто-то к этому

диктатору подстраивался, пытался играть на его слабостях (например, Л.П. Берия), а кто-то полностью в нем растворялся, выполняя любую его волю. Таким был Лазарь Каганович. Это делало его страшным человеком даже для ближайших сподвижников Сталина. Не случайно уже в брежневские времена В.М. Молотов как-то сказал о нем: «Среди нас Каганович был 200-процентным сталинистом».

Перед войной Сталин несколько охладел к своему «железному» воздыхателю, Лазаря Моисеевича вдруг стали обижать – то букета цветов пионеры не вручат, то портрета Кагановича рядом с портретом Сталина не окажется. Возможно, Сталин просто проверял, насколько бескорыстен Каганович в служении ему, а может быть, посчитал, что тот слишком много знает и пора его убирать. Спасла война. Транспорт, руководимый наркомом, работал хорошо, неплохо справлялся со своими задачами и Совет по эвакуации. И награда нашла героя – в 1943 году Каганович стал Героем Социалистического труда. Входил в советы ряда фронтов и единственный из членов Политбюро имел боевое ранение.

Но напряжения во взаимоотношениях со Сталиным никуда не ушли. Кагановича, например, в 1945 году не пригласили на Парад Победы, а в 1949-м – на заседание, посвященное 70-летию Сталина. Феликс Чуев как-то спросил у него: «А вы допускаете, Лазарь Моисеевич, что поживи Сталин еще немного, и могли с вами расправиться, с Молотовым…» В ответ прозвучало: «Не могу сказать. Нельзя так: если бы да кабы». Не хотел расставаться Лазарь Моисеевич с мыслью, что он и его кумир Сталин всегда были в одной связке.

После окончания войны, в 1947 году, Кагановича вернули в Киев, где он встал во главе республиканской партийной организации, но задержался ненадолго. В том же году мы вновь видим его на должности заместителя Председателя Совета Министров СССР, исполняющим также обязанности Председателя Госснаба СССР, новой структуры, созданной в то время. Должность эта была весьма и весьма ответственной, но политическое влияние Кагановича стало значительно меньшим. Уже позднее, при ответе на вопросы Ф. Чуева, у него как-то вырвалось: «Сталин в последние годы допустил в оценке людей ошибки. Он приблизил к себе Хрущева, Маленкова и Берию, а Молотова, Кагановича и Ворошилова отодвинул…»

После смерти Сталина Каганович поддержал Хрущева против Берии, хотя и не очень уверенно. А в 1957 году вместе с Молотовым и Маленковым попытался отрешить Никиту Сергеевича от власти. Эта попытка завершилась крушением

карьеры Кагановича. Он был выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК партии за фракционную деятельность, отправлен на Урал директором Уральского калийного комбината, а в 1961 году за участие в репрессиях и вовсе исключен из партии и отправлен на пенсию. После этого он прожил еще долгую жизнь, которая, наверное, показалась ему вечностью, так как в ней он был уже не «творцом эпохи», а созерцателем. Писал воспоминания. Пытался восстановиться в партии, обращался по этому поводу с письмами к генеральным секретарям и съездам КПСС. Клялся в них верности марксизму-ленинизму, обещал, что продолжит борьбу «со всеми видами оппортунизма, ревизионизма, догматизма и национализма». Он продолжал жить в том времени, которое безвозвратно ушло, и не понимал этого. Жизнь Лазаря Кагановича длилась почти век, он умер на 98 году и был предан огню в Донском крематории г. Москвы.

Подводя итоги этой жизни, журнал «Огонек» не без пафоса констатировал: «Лазарь Каганович пережил двух царей, Александра Керенского, Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Георгия Маленкова, Никиту Хрущева, Леонида Брежнева, Юрия Андропова, Константина Черненко. Он прожил жизнь настоящего коммуниста и умер большевиком».

Челябинские визиты Лазаря Кагановича

Каганович и Челябинск долгие годы жили вдалеке друг от друга. Уездный Челябинск вошел в жизнь многих соратников Кагановича по партии пересыльной тюрьмой, каторжным трактом в Сибирь, партийными заданиями, а в его – нет. Не совпали их пути и в Гражданскую войну, когда здесь решалась судьба власти большевиков. Они пересеклись уже в советские годы, когда Челябинск стал крупным областным центром, а Каганович – видным деятелем сталинского режима.

В те годы не были в моде официозные визиты с посещениями театров и музеев. Высоких визитеров интересовали по преимуществу цифры и сроки. Применительно к Кагановичу уже расхожим штампом стала фраза: «Для подхлестывания репрессий Каганович выезжал в Челябинскую, Ярославскую, Ивановскую области, Донбасс». Как нам кажется, в этой фразе есть определенная натяжка. Каганович все же не работал в НКВД/ОГПУ, а потому выезжал на места для решения определенных проблем. При этом способов их решения в его арсенале было немного, и главным, конечно же, был силовой. Может быть, поэтому и сложилось такое впечатление.

Став во главе железнодорожного транспорта, он многое

сделал для его бесперебойного функционирования, улучшил материальное снабжение отрасли и ее работников, позаботился о подготовке кадров, по его инициативе был учрежден и профессиональный праздник – День железнодорожника. При этом, по имеющимся в литературе сведениям, с санкции Кагановича были арестованы и сгинули в лагерях тысячи железнодорожников, им были написаны десятки писем в НКВД, в которых он требовал немедленного ареста «врагов народа». Среди них были и челябинцы. Но первый выявленный нами приезд Л.М. Кагановича был связан не с железной дорогой.

1933 год вошел в историю СССР как голодный. Тогда вновь, как и в 1921–1922 годах, дошло до людоедства. Сегодня опубликованы документы, которые говорят о том, что подобные случаи имели место не только на Украине, но и в других районах СССР, в том числе и в Челябинске. Сталин с целью показать, что власть контролирует ситуацию, задумал не только этот голод победить, но и в 1934 году отказаться от карточной системы. Однако сделать это было не просто, и в какой-то момент планы вождя оказались под угрозой срыва. В связи с чем Сталин в письме к Кагановичу писал: «Если Вы допустите малейшее благодушие в хлебозаготовках, мы можем сесть в этом году на мель». В Челябинскую область, как и в другие тревожные районы страны, были направлены столичные чиновники самого высокого уровня (Яковлев, Чернов, Юркин, Соме), здесь побывала бригада Саратовского зернового института под руководством академика Тулайкова. Но ситуация в крае изменилась незначительно. 30 сентября 1934 года Политбюро ЦК партии утвердило постановление СНК и ЦК партии о ходе хлебозаготовок в Челябинской области. В нем вина за их срыв возлагалась на Челябинский обком партии и лично на его первого секретаря К.В. Рындина. Во внимание не было взято то обстоятельство, что документ об образовании Челябинской области был принят только 17 января 1934 года и фактически связи областных структур с местными еще не были отлажены. В ходе переписки между Кагановичем и Сталиным появилась идея направить в Сибирь и на Урал чекистов, Г. Ягоду или его первого заместителя Я. Агранова. Однако силовики не слишком расстарались и, сославшись на занятость, отправили вместо себя Г.Б. Прокофьева, также числившегося в ранге заместителя Генриха Ягоды.

На этом фоне Каганович, понимая значение поставленной Сталиным задачи, проявил инициативу и выразил намерение самостоятельно посетить Челябинскую область. 4 октября 1934 года было оформлено соответствующее поручение Политбюро ЦК.

5 октября Каганович выехал, а 7 октября прибыл в Челябинск.

По прибытии в областном центре не задержался, а сразу же отправился в отстающие хозяйства Увельского района. После чего, вернувшись в Челябинск, вместе с М.А. Черновым и К.В. Рындиным подготовил, а 9 октября отправил Сталину на согласование проект постановления Челябинского обкома партии «О ходе хлебозаготовок в Челябинской области». Небезынтересно, что в этом постановлении имелся раздел «не для печати», в котором предлагалось ускорить следствие и передать в суд дела о контрреволюционных группах, организовавших саботаж хлебозаготовок, поломку машин и расхищение общественной собственности. Прокурору Челябинской области предлагалось провести несколько показательных процессов с применением к виновным в срыве хлебозаготовок высшей меры наказания. Каганович в письме к Сталину предложил образовать Тройку в составе Рындина, Чернова и Шохина и в течение месяца разрешить ей утверждать смертные приговоры. Маховик репрессий заработал. Уже 20 октября 1934 года газета «Челябинский рабочий» опубликовала статью «Бывшие колчаковцы анненковские каратели – организаторы саботажа хлебозаготовок, приговорены к расстрелу». В эти же октябрьские дни 1934 года в Челябинск прибыла выездная Тройка по партийной чистке.

Интересен результат этой поездки Кагановича. Докладывая о ней Сталину, Лазарь Моисеевич не преминул поблагодарить его за то, что он направил его в эту командировку, отметив при этом, что «в Челябинской области и в Западно-Сибирском крае дело не только в неумении практически и своевременно организовать заготовки, но и в неправильном политическом подходе к заготовкам… Секретари райкомов и начальники политотделов в большей части подходят к заготовкам как деляги и не видят, что под видом партизан в колхозах сидят кулаки».

Хлебозаготовки в Челябинской области были завершены к 25 октября 1934 года, а показатели в сравнении с 1933 годом превышены на 4 млн. пудов. Хлебная кампания 1934 года позволила Сталину лишний раз более пристально посмотреть на своих соратников. В ходе нее все получили свои плюсы и минусы. Точнее, плюс заработал только Каганович. Минусы же достались Яковлеву, Чернову, Рындину, проявлявшим нерешительность и мягкотелость в выполнении заданий Сталина, а также Г. Ягоде и Я. Агранову, которые устранились от выполнения этого задания. Не так много лет пройдет после описываемых событий, и все эти минусы трансформируются в смертные приговоры названным чиновникам. Живым останется только Каганович.

К слову, своей жесткостью и репрессивными мерами

Каганович вывел из-под удара Рындина, и вождь челябинских большевиков не мог не понимать этого. В 1936 году он попытался отплатить Лазарю Моисеевичу весьма характерным для того времени образом, предложив переименовать Челябинск в Кагановичград, для чего написал письмо Сталину. Вот текст этого письма, хранящегося ныне в Президентском архиве Российской Федерации:

«Тов. Сталин!

Прошу Вашего указания по следующему вопросу. В течение последних полутора лет перед областными организациями ставится вопрос о переименовании города Челябинска. Эти предложения высказывались отдельными товарищами и на пленуме областного комитета партии, и на собраниях городского партийного актива. Челябинск в переводе на русский язык означает слово „яма“. Поэтому часто при разговорах слово „Челяба“ употребляется как что-то отрицательное, отсталое. Название города устарело, оно не соответствует внутреннему содержанию города. Город за годы революции, и в особенности за годы первых пятилеток, коренным образом изменился. Из старого казацко-купеческого городишка город превратился в крупнейший индустриальный центр. Вот почему старое название города не соответствует сегодняшнему действительному положению. Поэтому мы просим Вас разрешить переименовать город Челябинск в город Кагановичград. Переименование хорошо бы провести на предстоящем областном съезде советов. С коммунистическим приветом Рындин. 19.09.1936». Но Сталину такая идея не понравилась, и эта инициатива канула в лету.

Последующие выявленные приезды Кагановича в Челябинск носили рабочий характер и также не были окрашены в розовые тона. В военном 1943 году он прибыл в Челябинск для того, чтобы решить вопрос с выпуском необходимого количества танков. В интервью, данном 4 марта 2011 года челябинскому корреспонденту Светлане Симаковой, офтальмолог, академик РАМН Алевтина Бровкина вспоминала, что ее отец Ф.Н. Дадонов в 1943 году был переведен в Челябинск на должность второго секретаря обкома ВКП(б) и отвечал за оборонную промышленность. «Была какая-то проблема с выпуском танков, и Каганович приехал в Челябинск в своем вагоне. В этот самый вагон он вызывал руководителей. Отец рассказывал, что он вызвал его к себе – на столе револьвер, и он матом: „Если завтра танки не будут отправлены на фронт, лично расстреляю!“ Но всё вовремя было готово и отправили».

После войны перед экономикой страны встали другие проблемы – восстановление промышленности, перевод ее на

мирные рельсы и в то же время создание атомной промышленности и атомной бомбы. Обстановка была тревожной. Американцы под занавес Второй мировой войны продемонстрировали возможности нового оружия и были на тот момент монополистами. Традиционно к решению задач были привлечены силовики. О роли в создании атомной промышленности Лаврентия Берии сказано уже немало слов. Но, как выясняется, не обошлось и без Кагановича. Челябинские ученые В.Н. Новоселов и В.С. Толстиков пишут в своей книге «Тайна сороковки»: «В сентябре 1946 года приехал член Политбюро, заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.М. Каганович. Он курировал тяжелую промышленность и регион Урала. В Челябинске Каганович бывал довольно часто. После его посещения 11 октября 1946 года вышел приказ МВД о разделении строительства № 859 и Челябметаллургстроя».

Последний приезд Кагановича в Челябинск произошел в печальном для него 1957 году, когда в результате внутрипартийной борьбы он оказался на обочине большой политики. Но это будет летом, а 1 февраля 1957 года он еще при всех регалиях и должностях прибыл в Челябинск, встретился с руководством области и 2 февраля вместе с первым секретарем Челябинского обкома КПСС Н.В. Лаптевым осмотрел Еманжелинский цементный завод, за несколько дней до этого введенный в эксплуатацию. В тот же день вернулся в Челябинск и вечером улетел в Москву. Больше его челябинцы не видели.

Для Кагановича начинался новый период жизни, главным содержанием которого стало написание воспоминаний о себе и той эпохе, которой он принадлежал. Говорят, что над воспоминаниями Каганович работал чуть ли не каждый день и что их объем насчитывает более двух тысяч страниц. На их основе было издано несколько книг. Но читать их неинтересно. В них нет жизни, нет людей, нет поисков и сомнений, радости и обид. В них нет и Челябинска, города, который мог носить его имя и где он неоднократно бывал. И это взаимно, Челябинск тоже почти забыл этого человека. Каждый визит Кагановича сюда был не бесполезным, но доброй памяти о себе не оставил, а у злой памяти – век короткий.

Александр Керенский

Александр Керенский

Челябинский вояж Керенского

Он родился 22 апреля в Симбирске в семье педагога, окончил юридический факультет университета и после падения царизма стал правителем России… Эта фабула жизненного пути Александра Керенского, «министра-председателя» Временного правительства, поразительна тем, что она вполне соотносится и с другим, куда более известным политиком – Владимиром Лениным. Но фабула – не жизнь. В ней нет деталей, а именно детали и создают биографию.

У Керенского биография была непростой и противоречивой, поэтому он всегда воспринимался окружающими неоднозначно. Одни видели в А.Ф. Керенском героя и славного сына России, для других он был «фанфароном и негодяем». При этом и те, и другие признавали его историческим деятелем, повлиявшим на ход как российской, так и мировой истории. Этой противоречивостью и интересен нам Керенский, тем более что в его биографии были и «челябинские страницы».

Становление

Будущий глава Временного правительства родился 22 апреля 1881 года в семье сына дьякона Федора Михайловича Керенского (1838–1913). Отец Александра Федоровича окончил духовную семинарию, но, не пожелав идти по духовной стезе, стал учителем. Первоначально он преподавал в уездных училищах, а после окончания в 1869 году историко-филологического факультета Казанского университета – и в средних учебных заведениях Казани и Вятки. В 1879 году Ф.М. Керенский перевелся в Симбирск, где на протяжении десяти лет работал директором мужской гимназии. Именно здесь у него и родился сын Александр.

Семья была дружная и религиозная. «Ранние годы предстают в моем сознании в виде идиллических картинок домашней жизни», – вспоминал позднее Александр Федорович о жизни в отцовском доме. В детстве он чуть было не стал инвалидом. В возрасте шести лет у него начал развиваться туберкулез бедренной кости, но решительные действия родителей, обратившихся к казанским профессорам, позволили излечить болезнь. В восемь лет Александр Керенский вместе с семьей выехал в Ташкент – столицу Туркестанского края, куда перевели работать отца и где он занял вначале пост инспектора народных училищ Туркестанского края, а затем высокое место попечителя

учебного округа. В этот последний период жизни в родительской семье Александр сблизился с отцом. Ему импонировало любимое изречение отца «Меньше слов, больше мыслей», он любил разговаривать с ним, ценил его мнение. В юности будущий лидер новой России был вполне лояльным к самодержавию и в воспоминаниях признавался, что «20 октября 1894 года, в день смерти Александра III, я долго заливался горючими слезами, читая официальный некролог, воздававший должное его служению на благо Европы и нашей страны». Неприятие сложившегося в Российской империи политического режима пришло к нему лишь в бытность студентом Санкт-Петербургского университета. Бесконечные споры, ощущение пьянящей свободы, встретившие юношу в столице, изменили и его взгляды, и его мировоззрение. Проявившееся увлечение народниками и эсерами поставило его в оппозицию «официальной политической линии». Для него, как и для значительной части студентов, убийство министра просвещения Боголепова бывшим студентом Карповичем стало «актом великого духовного героизма». Вскоре Керенский перешел и официальный предел дозволенного – выступил перед собравшимися студентами с призывом помочь народу в его освободительной борьбе. Ректор был лаконичен: «Молодой человек, не будь вы сыном столь уважаемого человека, внесшего такой большой вклад в служение стране, я немедленно выгнал бы вас из университета». Керенский был отправлен в отпуск в Ташкент, где у него состоялся тяжелый разговор с отцом. Между ними впервые не возникло взаимопонимания, и это расстраивало обоих. Но дороги назад для младшего Керенского уже не было, он впервые почувствовал, что такое слава, и был пленен ею сразу и без остатка («В глазах молодых людей я выглядел героем и буквально млел от их восторгов»). Он продолжил учебу, в 1904 году завершил ее, но уже ясно понимал, что не будет заниматься наукой, о чем мечтал, поступая в университет. Убийство бывшим студентом Созоновым министра внутренних дел Плеве заставило его пережить «смесь радости, облегчения и ожидания великих перемен» и определило его будущее. Он вступил в коллегию адвокатов, желая «иметь возможность участвовать в качестве защитника в политических процессах и таким образом приступить к выполнению своих политических и профессиональных обязанностей».

«Миасский экс», или Что делал Керенский в Челябинске

Поначалу деятельность А.Ф. Керенского сводилась к

юридическим консультациям, в том числе и бесплатным для беднейших слоев населения. В период первой русской революции он вошел в комитет по оказанию помощи жертвам «кровавого воскресенья». Сотрудничал с эсеровским печатным органом «Буревестник», пытался выйти на боевую организацию социалистов-революционеров, с целью принять участие в заговоре против царя.

«К 1905 году я пришел к выводу о неизбежности индивидуального террора. И я был абсолютно готов, в случае необходимости, взять на свою душу смертный грех и пойти на убийство того, кто, узурпировав верховную власть, вел страну к гибели», – писал он в своих воспоминаниях.

21 декабря 1905 года во время обыска на квартире у Керенского были обнаружены листовки «Организации вооруженного восстания», и он был посажен в знаменитую тюрьму «Кресты». Четыре месяца, проведенные в тюрьме, нисколько не напугали его, а лишь убедили в верности избранных им целей. В те дни для него, как и для многих представителей российской интеллигенции, образы революционера и террориста-разбойника слились в единое целое. А потому, будучи по образованию юристом, он решил оказывать юридическую помощь тем, кто, как он считал, героически боролся с самодержавной системой.

Первым его успехом в адвокатской карьере было дело 1906 года в Ревеле (ныне Таллинн), где он защищал крестьян, разграбивших поместье местного барона. Используя то обстоятельство, что преступления крестьян меркли перед сразу же последовавшей над ними расправой, в ходе которой многих из них подвергли порке, а нескольких человек даже застрелили, молодой адвокат добился оправдания большинства из обвиняемых. Зал бурно приветствовал вынесенный приговор. По прибытии в Петербург Керенский был принят в Петербургское объединение политических адвокатов. После успеха в Ревеле его стали активно приглашать на самые различные политические процессы, и, как он сам признавался, вплоть до избрания в Государственную Думу в 1912 году он редко бывал в Петербурге, объездив всю страну. В ходе одной из таких поездок он и оказался в Челябинске. Сохранившиеся документы и дореволюционная челябинская пресса свидетельствуют о том, что Керенский ошибался, указывая впоследствии, будто слушания прошли в Златоусте. Так, челябинская газета «Голос Приуралья» 18 сентября 1910 года, рассказывая о городских новостях, сообщала своим читателям: «Вчера начали съезжаться защитники обвиняемых по делу об ограблении ст. Миасс. Прибыли

присяжные поверенные санкт-петербургской судебной палаты Н.Д. Соколов, П.М. Кашинский, А.Ф. Керенский, С.Г. Турутин…»

Суть рассматриваемого дела состояла в следующем. На Урале после 1905 года широкое распространение получила деятельность боевиков. По подсчетам исследователей, ими было проведено более сотни экспроприаций (или «эксов», как называли их сами участники). Смысл их проведения состоял в захвате оружия, взрывчатки, а также денег и ценностей, которые должны были идти на пополнение касс преимущественно левых партий. В ходе этих акций, на деле являвшихся самыми натуральными грабежами, нередко гибли ни в чем не повинные люди. И, конечно, защищать боевиков было непросто ни с юридической, ни с моральной точек зрения. «Второй миасский экс», состоявшийся 26 августа 1909 года, был как раз делом такого рода. Тщательно спланированный, он включал в себя и подготовку участников, и распределение обязанностей между участниками «экса», и отход на паровозе, который осуществляла специальная «паровозная бригада». В результате предпринятого боевиками налета на почтовый поезд в районе станции Миасс было захвачено 24 килограмма золота и около 50 тысяч рублей. В результате «экса» было убито семь человек (помощник начальника станции, два железнодорожных сторожа и четыре стражника). Судебные заседания прошли с 20 по 30 сентября 1910 года в помещении воинских бань. В зал заседаний были допущены только ближайшие родственники обвиняемых (не более трех на каждого подсудимого). Было допрошено около ста свидетелей. В городе были предприняты беспрецедентные меры по обеспечению безопасности. Здание воинских бань было оцеплено воинским караулом. Обвиняемых ежедневно доставляли из тюрьмы под охраной роты солдат и казаков. Обвинения были предъявлены 22 участникам экспроприации (пять из которых были женщины). Семи из них были вынесены смертные приговоры, семерых приговорили к каторжным работам, восемь человек были оправданы. Защита ходатайствовала о помиловании приговоренных к смерти, следствием чего стала замена смертных приговоров каторжными работами. По сведениям Анны Гейфман, автора книги «Революционный террор в России. 1894–1917» (М., 1997), Керенский получил за участие в этом деле огромный гонорар – десять тысяч рублей. Для сравнения укажем, что его отец – действительный статский советник (по табели о рангах это соответствовало генеральскому чину), занимая крупную государственную должность, мог заработать такие деньги лишь года за полтора. Так что поездкой в Челябинск «борец с самодержавием» мог быть доволен во всех смыслах.

Калиф на час

На 1912–1917 годы пришелся пик профессиональной и политической деятельности А.Ф. Керенского. В 1912 году он стал депутатом Государственной Думы и возглавил думскую фракцию трудовиков, вступил в масонскую ложу и вошел в Верховный Совет масонов России. Выступил с рядом инициатив, имевших широкий общественный резонанс, возглавил думскую комиссию по расследованию обстоятельств Ленского расстрела, активно выступил против фабрикации дела Менделя Бейлиса. Его популярность росла день ото дня. Наивысшего же пика она достигла в период Февральской революции 1917 года. В первые месяцы после падения царизма он единовременно являлся товарищем председателя Петроградского совета и министром юстиции Временного правительства. Один из лидеров партии эсеров Виктор Чернов отмечал, что во многом это объяснялось тем, что Керенский был единственным человеком «в составе первого Временного правительства, который шел навстречу революции, не упираясь, а с подлинным подъемом, энергией и искренним, хотя и несколько истерически-ходульным пафосом…»

Он не боялся толпы. Проявив личную храбрость, спас нескольких царских сановников, которых народ, получивший от верховной власти свободу, собирался, нимало не стесняясь, попросту линчевать. Научился удивительно тонко чувствовать состояние толпы и с помощью популистской демагогии манипулировать ею. Он легко менял кресла, став министром по военным и морским делам, а затем и министром-председателем Временного правительства. В своих выступлениях много обещал. Не боялся брать на себя решение любых вопросов, но, не разбираясь в них, часто поступал по-дилетантски. И его популярность, приобретавшая порой почти болезненные формы (чего стоит лишь серия жетонов с его изображением и текстом «Славный, мудрый, честный и любимый вождь свободного народа»), стала катастрофически падать. Он оказался калифом на час. В решающий момент его не поддержала армия, Временное правительство не удержало власть, победили большевики, и он вынужден был покинуть страну.

Более полувека он прожил в эмиграции. Сначала во Франции, а с 1940 года – в Америке. Писал мемуары, исторические исследования, публиковал документальные материалы по истории русской революции. Работал библиотекарем. Был убежден, что большей свободы, чем в период его руководства страной, Россия не знала. А завершая свою жизнь, пришел почти к толстовству, написав, что «…за всё приходится платить… Человек

должен научиться жить, руководствуясь не ненавистью и жаждой мщения, а любовью и всепрощением». Наверное, мечтал, чтобы простили и его.

Он умер в Нью-Йорке 11 июня 1970 года, а его могила находится в Лондоне.

Примечание

Впервые очерк опубликован в журнале «Челябинск-сити» (2008, № 3).

Вадим Козин

Вадим Козин

Вадим Козин в Челябинске

Вадим Козин, вне всякого сомнения, был одним из самых популярных российских певцов XX столетия. Его репертуар насчитывал более трех тысяч песен, включая и около трехсот сочиненных самим певцом.

На пике славы в 1930–1940 годы Грампласттрест выпустил более пятидесяти пластинок с его записями, в числе которых были такие известные шлягеры, как «Дружба», «Осень», «Прощай, мой табор», «Маша» и др.

Переполненные концертные залы, выступления перед членами советского правительства, а в 1943 году – вместе с Марлен Дитрих, Морисом Шевалье и Изой Кремер – концерт перед участниками исторической Тегеранской конференции. Его песни стали настоящими лирическими музыкальными символами предвоенной поры…

Точная дата рождения Вадима Алексеевича Козина неизвестна. Согласно справке из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, он родился 21 марта 1905 года по старому стилю. Сам же Вадим Козин называл другую дату – 21 марта 1903 года, указывая, что возраст ему специально убавила мать, чтобы в голодный послереволюционный год получить для него детский продуктовый паек. Отец певца был купцом, а мать – цыганской певицей. Исследователь его жизни и творчества Борис Савченко пишет, что бабкой Вадима Алексеевича была легендарная цыганская певица Варя Панина. Поэтому не случайно Вадим Козин во все времена своей музыкальной карьеры с удовольствием исполнял цыганские песни и романсы, таборные песни – грустные и веселые, трогающие душу.

После революции для семьи Козина наступили нелегкие времена, Вадим работал грузчиком в порту, по вечерам – тапером в кинотеатрах. Вокальному искусству учился в хоровом кружке Ленинградского монетного двора. С 1924 года Козин начинает петь всё в тех же кинотеатрах. В 1931 году его принимают на постоянное место в концертное бюро Дома политпросвещения Центрального района Ленинграда, а спустя два года – на работу в Ленгосэстраду, где он выступал под псевдонимом Вадим Холодный. Нельзя сказать, чтобы критика баловала его в это время положительными отзывами. В период «развернутого наступления социализма по всему фронту» его репертуар ассоциировался с мещанством и цыганщиной. Зрителю же в эпоху громких маршей пришлись по душе его лирическая манера пения,

его запоминающийся голос, его пронзительные цыганские песни.

В 1936 году Козин переезжает в Москву для работы в Союзконцерте. Его биограф Борис Савченко пишет об этом периоде жизни певца: «Афиши, аншлаги, овации – вот мир, в котором он жил, создавая всё новые и новые прекрасные песни, чтобы щедро дарить их с эстрады своим восхищенным поклонникам. Казалось, слава его легендарной бабки – Вари Паниной – возродилась в нем…» В исполнении Козина обрели новую популярность «Утро туманное», «Мой костер», «Калитка», «Коробейники»..

Перед войной Вадим Козин много гастролировал по стране. Записывался на радио. Огромную зрительскую симпатию приобрели песни, сочиненные и самим Вадимом Козиным.

1941 год. Началась Великая Отечественная война. Козин поет в действующей армии, на боевых кораблях, в госпиталях. После одного из концертов на передовой генерал Баграмян вручил артисту орден Красной Звезды.

В годы войны Козин побывал с гастролями и в Челябинске. Его концерты с успехом прошли с 28 декабря 1941 по 5 января 1942 года в Театре оперетты (ныне дворец культуры ЧЭМК на ул. Российской) и в драмтеатре (ныне ТЮЗ).

Ему аккомпанировал известный артист Давид Ашкенази. Кроме Козина в концертах принимали участие скрипач Д. Кричевский и мастер художественного слова В. Бельцева.

16 мая 1944 года В.А. Козин был арестован и осужден Особым совещанием при НКВД СССР «за пропаганду и агитацию» на восемь лет исправительно-трудовых лагерей. В конце 1945 года он прибыл в Магадан. Начался долгий магаданский период его жизни. Оставаясь заключенным, он выступал в культбригаде и Эстрадном театре Маглага, был в нем режиссером эстрады. В начале сентября 1950 года с формулировкой «за хорошую работу и примерное поведение» В. А. Козин был освобожден, но остался на Колыме. Работал художественным руководителем ансамбля песни и пляски им. Ф. Дзержинского в Магадане, начальником клуба 7-го транзитного городка, старшим библиотекарем Магаданской областной библиотеки им. А.С. Пушкина. 26 февраля 1955 года был зачислен артистом Магаданского областного музыкально-драматического театра им. М. Горького.

Возобновились гастроли по стране. В сентябре того же 1955 года певец вновь побывал в Челябинске. Жил в гостинице «Южный Урал», выступал в драматическом театре и театре ЧТЗ. Гулял по городу, день за днем фиксируя в дневнике всё, что привлекало его внимание. Дал несколько концертов в городах Челябинской области – в Миассе, Магнитогорске, Златоусте, Сатке. Зрители принимали концерты артиста с восторгом.

Казалось, начинающая набирать обороты хрущевская оттепель дала новый шанс Козину. Но в 1960-м году последовал арест и второй тюремный срок, на этот раз по 152 статье, за гомосексуальные действия.

Освободившись из тюрьмы, Козин выступал редко. Записывал свои песни на магнитофон. Работал всё в том же Магаданском театре. В 1985 году на фирме «Мелодия» был выпущен первый диск-гигант, в который вошли многие известные песни артиста. О нем вспомнили. Многие знаменитости стали приезжать к нему в Магадан. Козин равнодушно смотрел на происходящее. Не пошел и на юбилейный вечер, посвященный его 90-летию, организованный в Магадане Иосифом Кобзоном.

А 19 декабря 1994 года Вадима Алексеевича Козина не стало. Жизнь завершила свой бег. В ней было много ошибочного, суетного, несправедливого, но было и то, что с лихвой перекрыло всё это. Права пословица: «Жизнь коротка (даже такая длинная, как у Вадима Козина), а искусство вечно». На дворе XXI век, а по радио нет-нет да прозвучит: «Поет Вадим Козин…»

Из дневника В. А. Козина

15.09.55. Челябинск

В лесах, мимо которых мы проезжали, уже ясно ощущается наступление осени. Листья деревьев пожелтели и побагровели. Жаль, что раньше не занимался фотографией. Попадаются удивительно красивые места, олицетворяющие русскую природу и истинно русский ландшафт. Труднообозримые дали колхозных полей, сменяющиеся лугами и лесами…

…Приехали с большим опозданием… Через полчаса я уже находился в гостинице «Южный Урал», коми. № 81. Номер небольшой, чистенький, ординарный. Сойдет.

16.09.55

Я вспоминаю эту гостиницу в дни войны: холодная, неуютная, безо всяких ковров и драпировок. Правда, очень смутно вспоминаю свой номер. Помнится, в грязной ванной не было горячей воды. Мы что-то выпивали с одним военным-танкистом, который не получил номера, и он спал у меня на диване. Я не узнал города, так он изменился. Там, где находилось кладбище, всё застроено жилыми домами (имеется в виду Казанско-Богородицкое кладбище, располагавшееся южнее здания бывшего магазина «Ритм». – *Прим, авт.*).

…Походил по городу. Он заметно вырос. Поговаривают, что в нем проживает с миллион человеческих душ.

18.09.55.

…Завтра должен зайти Леонард Варфоломеев, который безуспешно пытался попасть в Щепкинское училище. Дошел до 3-го тура, а с 3-го его выкатили, дав прочесть «Сокола» Горького. Парень по внешности подходит. Высокий, несколько худоват, но с годами округлится. С горя он обрился и поступил в медицинский институт на хирургическое отделение, а сейчас пока мобилизован в колхозы на копание картофеля. (Впоследствии Л.И. Варфоломеев стал народным артистом РФ. – *Прим, авт.)*

19.09.55

…Сходил в гастроном. Там, около молочного отдела, стояла огромная очередь, преимущественно из женщин, они стояли за комбижиром. Масла челябинки давно уже не видали! Почему такая нехватка продуктов? Отчего население не имеет в достатке такого важного продукта, как масло? Если за этим суррогатом стоит такая очередь, что же тогда делается в магазине, когда бывает масло?

21.09.55

…Челябинский городской театр, в котором я работал в 1941 году, отреставрирован (ныне здание ТЮЗа. – *Прим. авт.*). Содержится в большом порядке, начиная с физических уборных. Сцена хорошо оснащена. Зал просто и строго отделан в виде прямоугольника, по бокам которого, в углублениях стен, устроены четыре ложи. Есть балкон. Очень хорошая акустика. Рояль старый, «Рёниш», я еще под него пел.

Примечания

Впервые очерк был опубликован в газете «Итоги 74» 17 декабря 2005 года.

Фрагменты из дневника публикуются по книге: Вадим Козин. Проклятое искусство. – М.: Вагриус, 2005.

Вера Комиссаржевская

Вера Комиссаржевская

«Ландыш серебристый»

Бывший директор императорских театров князь Сергей Михайлович Волконский, характеризуя в своих мемуарах театральный мир России конца XIX – начала XX веков, писал: «Среди всего этого цвел ландыш серебристый – Комиссаржевская. В стороне от интриг, безразличная к газетной критике, вся в своих ролях, ушедшая в свое искусство. Характера мягкого, покладистая, безобидная, в этом мире театральном, где к чему ни прикоснись – наболевшая рана самолюбия, она была само спокойствие, сама ясность, сама простота. Маленькая, тоненькая, хрупкая, не очень красивая, даже с несколько перекошенным лицом, с очаровательной озаряющей улыбкой, с прелестным голосом и, что так редко в женских голосах на нашей сцене, без всякой вульгарности – таковы природные данные Комиссаржевской…»

Она поздно начала театральную карьеру, но быстро приобрела успех у зрителей. Популярность ее была необыкновенной. Тысячами по всей стране разлетались открытки с ее портретами и фотографиями сцен из спектаклей. В 1909 году в ходе гастрольной поездки по Сибири, незадолго до своей гибели, Вера Федоровна Комиссаржевская побывала и в Челябинске, подарив жителям нашего города незабываемые впечатления и радость от соприкосновения с ее талантом.

Замужем за графом

Вера Федоровна родилась 27 октября 1864 года в семье известного оперного певца, солиста Мариинского театра, Ф.П. Комиссаржевского. Поэтому неудивительно, что с детских лет ей пришлось соприкоснуться с миром искусства и театра. В дом Комиссаржевских часто приходили знакомые отца из театральной и музыкальной богемы (например, известный композитор М.П. Мусоргский), звучала музыка, оперные арии, поэтические строчки. И когда маленькую Верочку взрослые спрашивали, кем бы она хотела быть в будущем, она нередко говорила, что видит себя артисткой, правда, с этим желанием соседствовали на равных и другие, например, стать извозчиком или доктором.

Взрослея, как вспоминали родственники, Вера Федоровна уже не стремилась связать свою судьбу с театром и не высказывала желания заниматься артистической карьерой профессионально. И только жизненные обстоятельства вынудили ее к этому. Развод родителей, уход из семьи любимого отца вызвал у Веры

Федоровны не только тяжелые переживания, но и заставил думать, как жить дальше. В семье, кроме нее, было еще две девочки. И мать, несмотря на то что продала доставшееся ей в наследство имение, едва сводила концы с концами. Поначалу выход из этой ситуации виделся в удачном браке. В 1883 году 19-летняя Комиссаржевская выходит замуж за графа Владимира Леонидовича Муравьева, художника-любителя. Но семейное счастье оказалось для Веры Федоровны миражом. Муж любил выпить, а выпив, скандалил, распускал руки. Молодые часто ругались. А вскоре, в 1885 году, и вовсе развелись, поскольку выяснилось, что сестра Веры Федоровны Надежда забеременела от Муравьева.

Не в силах перенести случившееся, Вера Федоровна решилась на самоубийство, приняла яд, но ее спасли и поместили в психиатрическую лечебницу с диагнозом «острое помешательство». Она месяц лечилась, а затем родственники вывезли ее в Липецк, где будущая великая актриса медленно возвращалась к жизни.

Эта трагедия подтолкнула Комиссаржевскую к театру. Чтобы преодолеть кризис, она начинает посещать занятия у известного актера В.Н. Давыдова. Ее педагог писал в последующем, что Комиссаржевская быстро развивалась, поражая его «своей чуткостью, восприимчивостью и наблюдательностью».

В 1890 году Вера Федоровна со своей сестрой Ольгой переезжают жить к отцу, который к этому времени развелся и решил сделать из своей старшей дочери певицу. У Веры Федоровны было красивое контральто, производившее на слушателей сильное впечатление. Однако и тут жизнь внесла свою коррективу: хроническое заболевание горла заставило Комиссаржевскую отказаться от певческой карьеры и обратить свой взор на драматический театр.

Триумф и трагедия

В 1893 году, когда ей исполнилось 29 лет, Комиссаржевская принимает решение стать драматической актрисой. К этому возрасту многие известные актрисы были уже на пике своей славы. Она же только начинала. Это было не просто. Особенно в столице. Чтобы приобрести опыт, Вера Федоровна едет в провинцию, где в труппе Н.Н. Синельникова в Новочеркасске, в комедии Г. Зудермана «Честь» она сыграла свою первую роль на профессиональной сцене. Дебютантка сразу же обратила на себя внимание. Одна роль следовала за другой. С 1894 года она выступала уже в Вильно у К.Н. Незлобина, где за два года сыграла

60 (!) ролей. Видевшие ее в это время отмечали в ее игре простоту, душевность, лиризм. 1 мая 1896 года Комиссаржевская была принята в состав труппы знаменитой столичной Александринки. Путь, пройденный ею за три года, был гигантским. На сцене Александринки Вера Федоровна Комиссаржевская сыграла несколько этапных для себя ролей. Например, в том же 1896 году она за два года до постановки «Чайки» в Московском художественном театре исполнила роль Нины Заречной. А.П. Чехов считал, что роль эту должна была сыграть знаменитая М.Г. Савина, но после ознакомления с ролью Мария Гавриловна отказалась. Роль была передана Комиссаржевской, которая сыграла ее так, что автор признал ее трактовку образа непревзойденной. В одном из писем, написанных сразу же после премьеры «Чайки», несмотря на холодный прием спектакля прессой и зрителями, Антон Павлович сообщал: «Моя „Чайка“ идет 17 окт(ября). Комиссаржевская играет изумительно». Одаренность Веры Федоровны отмечала и Савина.

Комиссаржевская играла в Александрийском театре шесть сезонов. Без преувеличения можно сказать, что за эти годы ее талант окреп и приобрел новые грани. Несмотря на то что в ее репертуаре было много проходных, неглубоких ролей, в 1896–1902 годах ею были сыграны и роли, снискавшие ей славу. Кроме уже упоминавшейся «Чайки», это роль Ларисы в «Бесприданнице» А.Н. Островского, Маргариты в «Фаусте» Гёте, Мери в «Пире во время чумы» А.С. Пушкина и др. Вместе с этими ролями Комиссаржевская взрослела и всё более и более мечтала о создании собственного театра.

1 августа 1902 года она оставляет Александрийский театр и подписывает контракт с антрепренерами А.Н. Кручининым и С.Ф. Сабуровым на гастрольную поездку по России. Это были большие гастроли, длившиеся почти два года и охватившие обширную территорию от Украины до Поволжья и Урала, от Молдавии до Кавказа. Известность Комиссаржевской благодаря этим поездкам стала действительно всероссийской, и 15 сентября 1904 года она объявляет об открытии собственного театра. Среди ролей, сыгранных ею в нем, – Нора в «Кукольном доме» Ибсена, Соня в «Дяде Ване» А.П. Чехова, Варвара Михайловна в «Дачниках» Максима Горького и др. Начало деятельности театра Комиссаржевской стало культурным событием в России, вызвавшим неподдельный интерес всей литературной и театральной общественности. Максим Горький писал в письме к Е.П. Пешковой: «Моя пьеса („Дачники“. – *Прим, авт.)* пойдет у Комиссаржевской… Театр Комиссаржевской – дело новое,

солидное, и кажется, будет хорошо поставлено».

Однако очень скоро эйфория прошла, и Комиссаржевская стала ощущать на себе и все минусы самостоятельного существования – не хватало глубокого и яркого драматургического материала, талантливых режиссеров и актеров, возникли финансовые проблемы. К переживаниям по поводу судьбы собственного театра прибавилась тревога за Россию. Комиссаржевская сочувственно встретила первую русскую революцию. Отменила в знак солидарности с революционными событиями несколько спектаклей, участвовала в актерском митинге в Панаевском театре, в концертах, сборы от которых пошли в фонд помощи бастующим.

В 1906 году Комиссаржевская решается круто изменить жизнь своего театра. Приглашает режиссера-экспериментато-ра В.Э. Мейерхольда, набирает новую актерскую труппу. Однако этот творческий союз принес печальные плоды. «Мейерхольд создал в театре атмосферу, в которой я задыхаюсь всё это время и больше не могу», – признавалась актриса. Многие видные деятели русской культуры всячески призывали Комиссаржевскую расторгнуть этот противоестественный союз. Уже упоминавшийся князь С.М. Волконский писал в своих мемуарах: «Этот фигляр театральный, сумевший испортить и отравить всё, к чему ни прикасался, взялся за Комиссаржевскую… она была изломана, исковеркана…» Театр всё более и более увеличивал долги. Для Комиссаржевской это стало настоящей трагедией. Она решительно взялась за исправление ситуации и в итоге расторгла договор с Мейерхольдом. «Путь, ведущий к театру кукол, – это путь, к которому вы шли всё время, – объясняла актриса в открытом письме к режиссеру. – Я смотрю будущему прямо в глаза и говорю, что по этому пути мы вместе идти не можем, путь этот ваш, но не мой…» В ответ Мейерхольд откликнулся целым рядом публикаций в прессе. 20 декабря 1907 года состоялся суд чести, на который режиссер вызвал Комиссаржевскую. Однако этот общественный суд не поддержал уязвленного Мейерхольда, признав его требования к актрисе безосновательными.

Театр Комиссаржевской вновь оказался на распутье. Чтобы заплатить долги, Комиссаржевская принимает решение организовать большие гастроли как по стране, так и за границей. Начался последний драматический этап жизни великой актрисы.

Комиссаржевская и тотализатор

Весной 1908 года театр Комиссаржевской выехал на гастроли в Америку.

Выступления прошли в Нью-Йорке, Филадельфии, Бруклине и других городах Северо-Американских Соединенных Штатов. Американские журналисты, писавшие о них, особо выделяли Веру Федоровну Комиссаржевскую, называя ее одной из талантливейших актрис мира. В то же время неискушенная американская публика, не слишком разбиравшаяся в тонкостях театральной игры, нередко шла на спектакли театра только по причине распространившегося слуха, что Комиссаржевская – графиня по мужу. На спектакле «Дикарка» был организован тотализатор, публика делала ставки на то, подойдет ли актриса к стогу сена на правой стороне сцены или нет. Следствием чего стал фактический срыв спектакля. Когда Вера Федоровна приближалась к стогу сена, неистовствовала одна часть зала, а когда она удалялась от него – другая. Ничего не понимавшая актриса доиграла спектакль в полуобморочном состоянии.

Американские гастроли не принесли Комиссаржевской ожидаемой прибыли; антрепренер, их организовавший, скрылся с деньгами, и столь нужные театру средства пришлось зарабатывать в России.

В 1909 году театр Комиссаржевской направляется в гастроли по Дальнему Востоку и Сибири. В ходе этой напряженной поездки Комиссаржевская побывала и на Урале. Прежде, в 1903 году, ее выступления видели оренбуржцы, а в 1904 году – екатеринбуржцы и пермяки. В 1909 году Вера Федоровна посетила с гастролями Челябинск.

В Народном доме челябинцы увидели Комиссаржевскую в «Кукольном доме» Ибсена, а затем, 3 июня, – в пьесе Зудермана «Огни Ивановой ночи». В рецензии на спектакль «Кукольный дом», опубликованной в газете «Голос Приуралья», автор, скрывшийся за инициалами «В.Г.», передает то потрясение от игры знаменитой актрисы, которое пережили челябинцы. В ней он пишет: «Талантливые люди очень просты и жизненны. У них нет ни одного фальшивого штриха, ни одной искусственной, шаблонной нотки в выражении чувств. Всё делается как-то просто и мило. Так и у г-жи Комиссаржевской: у нее выходит до того естественно и просто, что затрудняешься сказать – играет она Нору, или живет сама, пользуясь Норой как символом для выражения своих мук, своего глубоко трагического „я“. То, что она **играет** и что **дает** этой игрой, так нераздельно слито, так полно выражено, что нет возможности провести грань между искусством и жизнью… Комиссаржевская это такая мощная сила, что живому человеку не устоять против такого бьющего по сердцу тарана».

Гастроли позволяли заработать средства, необходимые для

погашения долгов, но не решали творческих проблем, которые стояли перед театром. Поэтому после гастролей Вера Федоровна вознамерилась взять тайм-аут, распустить театр и принять решение о том, что и как ей дальше делать. 15 ноября 1909 года она написала письмо труппе театра: «…по окончании этой поездки я ухожу из театра. Надолго ли, навсегда ли – зависеть это будет не от меня. Я ухожу потому, что театр в той форме, в какой он существует сейчас, – перестал мне казаться нужным, и путь, которым я шла в исканиях новых форм, перестал мне казаться верным…»

В это время Комиссаржевская с театром находилась в Харькове и в соответствии с контрактом должна была еще выступить на Кавказе и в городах Средней Азии. Ташкент был последним городом гастрольного тура. Актриса с интересом знакомилась с восточной культурой, посещала восточные базары, покупала местные украшения, тюбетейки, кумганы.

Здесь она неожиданно почувствовала недомогание. Попросила заменить спектакль на более легкий и любимый «Бой бабочек» Зудермана. Доиграла спектакль, едва не лишившись чувств, и самостоятельно сесть в фаэтон уже не смогла. Прибывший в гостиницу врач констатировал черную оспу. 10 февраля 1910 года Веры Федоровны Комиссаржевской не стало.

Примечание

Впервые очерк был опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 13 октября 2006 года.

Марина Ладынина

Марина Ладынина

Аристократка духа

Легендарная Марина Ладынина была самой титулованной советской киноактрисой. Народная артистка СССР, лауреат пяти Сталинских премий (у любимицы Сталина Любови Орловой было только две), лауреат премии «Золотой витязь» Первого международного кинофестиваля славянских и православных народов, высшей кинематографической награды «Ника» в номинации «За честь и достоинство». А если к этому прибавить выдающиеся внешние данные, крепкое здоровье (она прожила 94 года, в лучшие свои годы могла переплыть Днепр в самом широком его месте) и поистине всенародную любовь, то следует назвать жизнь Ладыниной очень успешной и продуктивной.

Станиславский видел в ней будущее МХАТа

Родилась она 11 июня 1908 года в деревне Скотинино Смоленской губернии. Неблагозвучное название деревеньки не нравилось Марине Алексеевне, и она в своих анкетах указывала другое место рождения – село Назарово под Ачинском в Сибири, куда семья с маленькой Мариной перебралась, спасаясь от голода, вскоре после ее рождения.

Отец Ладыниной был малограмотным, мать – неграмотной. Жили они тихо и незаметно, стараясь не привлекать к себе людского внимания. Уже когда их дочь стала знаменитой, у отца нередко спрашивали, не родственница ли им Марина Ладынина, и в ответ звучало: «Однофамилица». Марина была другой, с самых ранних лет ее тянуло к книгам, лицедейству и славе. Она вспоминала: «Мне кажется, я родилась с желанием стать актрисой. Без меня не обходился ни один детский праздник, юбилейный вечер, любительский спектакль. Я играла на балалайке в оркестре народных инструментов, пела, плясала… Когда на базарной площади выступали цыгане, я выскакивала из толпы зрителей и плясала вместе с ними». В шестилетнем возрасте, в Елабуге она сыграла главную роль в детском спектакле «Птичий переполох» и получила в подарок от одного из мальчиков розу – первые цветы на театральной ниве. В последующем цветов будет куда как больше.

Маруся (как звали Марину Алексеевну в семье) бредила театром. И весной 1929 года, поработав около пяти лет сельской учительницей, круто поменяла жизнь, поступив в московский Государственный институт театрального искусства (ГИТИС). Храбрость была вознаграждена. Члены комиссии, в которую

входили такие театральные мэтры, как Михаил Тарханов и Иван Москвин, сделали пометку в приемной ведомости: «Особо одаренная». А после двух лет обучения в ГИТИСе с ней заключил контракт МХАТ.

Художественный руководитель одного из лучших театров страны гениальный К. С. Станиславский заметил ее во время стажировки в театре и дал поручение своим помощникам: «Пришлите мне эту девочку. У нее глаза актрисы. Я хочу себя проверить». Действительно, первые театральные роли закрепили за Ладыниной славу одной из самых ярких молодых талантливых артисток. Станиславский писал своей сестре из-за границы: «Как там Ладынина? В ней я вижу будущее МХАТа…»

На театральную актрису Ладынину обратили внимание и кинорежиссеры. Ладынина снялась в эпизодической роли в фильме Ю. Желябужского «Просперити», а затем в 1935 году, по признанию самой актрисы, в «очень интересных драматических ролях» в фильмах «Вражьи тропы» (реж. И.К. Правов и О.И. Преображенская) и «Застава у Чертова брода» (реж. М.Л. Билинский). Марина Ладынина имела все основания считать, что после этих фильмов она станет известной широкой зрительской аудитории, но их судьба сложилась неудачно. «Возможно, меня „узнали“ бы и после этих двух картин, особенно после „Заставы“, где мои съемки были очень эффектны, но фильм по идеологическим соображениям запретили к широкому показу, а во время войны и вовсе потеряли», – вспоминала она.

Руководство МХАТа отпускало Ладынину на киносъемки не без переживаний. В. И. Немирович-Данченко говорил ей: «Ну, что же, сняться надо иногда, заработать там, и всё такое. Но никогда не забывайте, что вы – наша, никогда не бросайте театр». Однако играть в театре актрисе пришлось недолго. Причиной этого стала ее личная жизнь. После непродолжительного брака с Иваном Любезновым, будущим известным актером, Ладынина влюбилась в итальянца. Любовь была взаимной, и молодые люди собирались пожениться. В Италии в это время у власти находились фашисты во главе с Бенито Муссолини. Поэтому контакты актрисы с иностранцем не остались незамеченными. Ее забрали на Лубянку.

Ладынина и НКВД

Ладыниной предложили сотрудничать с органами. Лиана Полухина, автор книги «Марина Ладынина и Иван Пырьев», сообщает, что вызывали ее неоднократно, предлагая различные варианты этого сотрудничества, включая выезд в Италию. Но Марина Алексеевна не соглашалась. Будучи не из слезливых, она,

сидя на Лубянке, ревела и в ответ на все предложения твердила: «Арестуйте, ссылайте…» Арестовывать Ладынину не стали, но сказали, что ни во МХАТе, ни в студии Ю. Завадского (с которой актриса уже подписала контракт) работать она не будет.

Ладынина вспоминала, что, оставшись без работы и средств к существованию, она брала у знакомых что-нибудь постирать, ставила с домработницами к праздникам домашние спектакли. Одним словом, выживала, как могла.

Это не добавило ей лояльности к существующему режиму. Объективно служа ему, она понимала всю его порочность. Историк кино и подруга Ладыниной Майя Туровская указывала, что Марина Алексеевна была «достаточно антисоветски настроена». Этого не отрицала и сама актриса. Вспоминая о 1930 годах, она прямо говорила, что эта «эпоха уродовала мозги и жизнь у целого огромного народа». Бесстрашная по натуре, она поступала с точки зрения обывателя как минимум неосторожно. Например, регулярно отправляла в лагерь посылки с книгами сценаристу Аркадию Добровольскому, осужденному по печально известной «антисоветской» 58-й статье. И кто знает, как бы сложилась ее судьба, если бы она не встретилась с режиссером Иваном Пырьевым.

«Свинарка и пастух» – номинант «Оскара»

Иван Пырьев, в которого актриса влюбилась сразу же, как только познакомилась с ним, сделал из нее, может быть, помимо ее воли, символ советской женщины, героической в труде, верной и страстной в любви. Фильмы Пырьева с Мариной Ладыниной в главной роли: «Трактористы» (1939), «Свинарка и пастух» (1941), «В шесть часов вечера после войны» (1944), «Сказание о земле сибирской» (1947), «Кубанские казаки» (1949) – собирали многомиллионную аудиторию и были любимы народом. В постсоветский период в их адрес было сказано немало критических слов, создателей фильмов обвиняли в том, что они на потребу власть предержащим создавали хвалебные «сказки» о социалистической действительности, в то время как в стране свирепствовали репрессии, голод, отсутствовала минимальная свобода. Характерные оценки дает этим фильмам в своей книге «Кумиры российской эстрады» (2003) известный историк эстрады Борис Савченко. Высоко оценивая артистическое обаяние и вокальные данные Марины Ладыниной, он не преминул указать, что снималась она в основном в «розово-голубых» фильмах И. А. Пырьева, и что ей удалось «вдохнуть живую человеческую интонацию» в «фальшивый киномир крупнейшего советского

комедиографа».

Позволим себе не согласиться с уважаемым автором. Не надо подходить к фильмам Пырьева вульгарно-социологически и видеть в его произведениях лишь надуманное отражение окружающей действительности. Фильмы Ивана Александровича – произведения искусства, а потому живут по собственным законам, да и посвящены они не производственной тематике, не межличностным отношениям в социалистическом трудовом коллективе, а совсем другому. Это мечты и фантазии на тему любви, дружбы, верности, долга. Именно поэтому герои фильма «Свинарка и пастух» говорят стихами, а события фильма «В шесть часов вечера после войны» происходят в будущем. В труднейший период российской истории фильмы Пырьева и Ладыниной позволяли уйти от мерзости настоящего и переместиться, пусть на мгновение, совсем в другой мир и другие отношения. Они помогали выжить, и в этом их главное значение.

Известный композитор Тихон Хренников, вспоминая о том, какое впечатление произвел фильм «В шесть часов вечера после войны» на наших солдат в действующей армии, писал: «Трудно передать реакцию людей. Вы не можете себе представить, как все были потрясены картиной. Идет война, завтра бойцы пойдут в бой за Берлин, а сегодня они видят на экране Салют Победы над Красной площадью. Безусловно, это давало дополнительный стимул к скорейшему окончанию войны, к проявлению героизма. И все восхищались Ладыниной! Действительно, она блестяще сыграла в этой картине… Когда картина с невероятным успехом прошла по экранам, сотни людей назначали свидания на Большом Каменном мосту в шесть часов вечера. Марина Ладынина – и до этого знаменитая актриса – стала национальной героиней. Ее боготворили, ей подражали, девчонки стремились быть на нее похожи».

Небезынтересно, что и в Америке фильмы Пырьева не остались незамеченными. Владимир Зельдин, сыгравший пастуха в фильме «Свинарка и пастух», вспоминая о Марине Ладыниной, писал: «Она мне рассказала, что фильм „Свинарка и пастух“ в Америке под названием „Они повстречались в Москве“ был номинирован на „Оскар“. Этого я не знал. Потом она мне показала иностранную газету, где было написано, что в этом фильме играют великолепные актеры, отлично танцующие, владеющие вокалом и так далее… Для Америки это кино, оказывается, стало событием».

При этом сама Марина Ладынина считала, что роли в кино не позволили ей реализоваться в полной мере. В одном из интервью она говорила: «Я снялась во многих фильмах Ивана Пырьева, но

творческое наполнение, дающееся актеру от Бога, талантом, не было у меня удовлетворено этими ролями. Были они, в основном, комедийные и, в общем-то, довольно однозначные, хоть и трудоемкие. А я – актриса лирико-драматического склада, и мне очень хотелось играть, например, Нину в „Маскараде“, Катерину в „Грозе“, – не пришлось… В.И. Немирович-Данченко, помня меня по МХАТу, говорил Пырьеву: „Вы портите нам хорошую актрису. Она играет у вас не те роли“. Но… он был мой муж, и я его любила, да и картин тогда снималось мало…»

Со стихами в народ

Марина Ладынина и Иван Пырьев жили вместе с 1936 года. В 1938 году у них родился сын Андрей (Андрей Ладынин), в последующем кинорежиссер, поставивший ряд детективов. По сохранившимся воспоминаниям современников и по признанию самой Марины Алексеевны, звездная пара жила счастливо. При этом официально оформлять свои отношения Ладынина и Пырьев не спешили и зарегистрировались лишь в 1955 году. А вскоре их союз дал трещину. В 1959 году Пырьев влюбился в юную актрису Людмилу Марченко (ее он снял в роли Настеньки в фильме «Белые ночи»), и эта влюбленность прервала его взаимоотношения с Мариной Ладыниной, официально завершившиеся в 1964 году разводом.

К этому времени Марина Ладынина уже не снималась в кино, играла в нескольких спектаклях Театра студии киноактера, но этого ей было мало. Ладынина попыталась вернуться в театр. Однако, как выяснилось, сделать это было совсем непросто. Она вспоминала: «Я обращалась в разные театры и с ужасом убедилась, что даже моя популярность не являлась для меня „плюсом“. „Я с удовольствием взял бы тебя, – говорил мне следующий режиссер, – но меня разорвут на части мои первые актрисы – жена и любовница“. „Или я, или она“, – ставила ультиматум прима театра имени Вахтангова Рубену Симонову. У других главных режиссеров находились еще более „веские“ причины для отказа…» Тут-то и проявился сильный характер Марины Ладыниной, которую друзья не случайно называли «аристократкой духа». На шестом десятке лет она решает идти в другой, незнакомый ей жанр – жанр эстрадного выступления.

«На эстраде я осуществила, наконец, то, к чему стремилась всю жизнь: соединила хорошую литературу и музыку. Это был для меня период долгий и трудный (первое время я дико боялась выходить одна на сцену)… Но, одновременно, – счастливый. Я ни от кого не зависела – была и сценаристом, и режиссером, и

исполнителем своих программ», – вспоминала она. Начались гастроли, с которыми Марина Алексеевна объехала почти всю страну. Играла сцены из полюбившихся зрителям фильмов, с упоением читала стихи Александра Блока, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Роберта Бернса. Замечательно пела. Композитор Тихон Хренников, вспоминая о ней, писал: «Голос был великолепный. Не такой сильный, как нужно для оперы, но очень приятного тембра». В ее исполнении песня «Каким ты был» стала поистине народной. Ее узнавали и радостно приветствовали. В Челябинске Марина Ладынина бывала неоднократно – дважды в 1964 году, а затем, в начале 1970-х годов, почти ежегодно – в 1971, 1972, 1973. Выступала вместе с другими артистами кино во дворце спорта «Юность», на стадионе «Труд». Наиболее длительными были гастроли, состоявшиеся в феврале 1964 года, когда Ладынина выступала вместе со своей подругой Лидией Руслановой. Знаменитые артистки дали два концерта в зале филармонии, а затем неделю радовали челябинцев творческими встречами в клубах города.

Марина Алексеевна Ладынина прожила долгую жизнь и умерла 10 марта 2003 года. В ее жизни были взлеты и самые высокие знаки общественного признания, но были и годы затишья, забвения. Однако актриса смогла преодолеть все трудности, обиды и на закате жизни с удовлетворением говорила: «Я много думаю о том, как трудно мне было остаться самой собой. И то, что мне это все-таки удалось, – считаю своей самой большой победой».

Примечание

Впервые очерк опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 25 августа 2006 года.

Вольф Мессинг

Вольф Мессинг

Непознанные миры Вольфа Мессинга

Он был материалистом. Обижался, когда в его «психологических опытах» усматривали лишь фокусы или шарлатанство. Видел в необъяснимости своего дара плохо изученные способности человека. Писал: «Тайна рождения в мозгу человека идеи, мысли – и сегодня еще величайшая тайна природы. Рефлексы, первая и вторая сигнальные системы – это только самые дальние подходы к расшифровке этой тайны». Но люди, приходившие на его «вечера», считали себя свидетелями чуда, а человека на сцене – волшебником. Он ушел из этого мира вместе со своей тайной – Вольф Мессинг, знаменитый пророк и экстрасенс, человек-легенда, объехавший с гастролями полмира и дважды побывавший в Челябинске…

Чудо как метод убеждения

Он родился 10 сентября 1899 года в небольшом еврейском местечке Гора-Калевария в Польше, которая в то время входила в состав Российской империи. Его отец, садовник, был религиозным до фанатизма человеком, при этом напрочь лишенным чувства любви к ближнему. Вспоминая об отце, Вольф Мессинг писал, что «к нему нельзя было прийти пожаловаться на то, что тебя обидели. За это он бил беспощадно, обиженный был для него вдвойне и втройне виноватым за то, что он позволил себя обидеть. Это была бесчеловечная мораль, рассчитанная на то, чтобы вырастить из нас зверят, способных удержаться в жестком и беспощадном мире». Четырем сыновьям часто доставалось от отца, он не спускал им ни малейшей провинности. Когда Вольфу исполнилось шесть лет, его отдали в низшее начальное еврейское училище (хедер), где он обучался грамоте и зубрил наизусть молитвы из Талмуда. Память у него была хорошая, и как один из самых успешных учеников он был рекомендован для обучения в иешиботе – учебном заведении, готовившем духовных служителей. Родители не возражали, но сам Вольф ни в какую не соглашался. Уговоры и все попытки изменить его точку зрения ничего не давали. Кто знает, кем бы он стал, если бы не произошло чудо…

Однажды поздно вечером, возвращаясь домой, Вольф столкнулся на ступенях дома с гигантом в белом одеянии. Приглядевшись, он разглядел огромную бороду, скуластое лицо, мерцающие глаза. Незнакомец, воздев руки к небу, низким голосом сказал: «Сын мой! Свыше я послан к тебе… предречь

будущее твое во служение Богу. Иди в иешибот! Будет угодна Богу твоя молитва!» Нетрудно представить себе, какое впечатление произвело это явление «небесного вестника» на девятилетнего мальчика: пораженный, он упал у дверей своего дома, потеряв сознание. А когда пришел в себя, над ним громко читали молитвы отец и мать. После случившегося Вольф Мессинг уже не сопротивлялся и поступил в иешибот.

Учеба и жизнь вдали от семьи не приносили ему радости, но учиться он продолжал. Нередко вспоминались ему и слова встреченного у дома старца: «Иди в иешибот… Свыше я послан к тебе…»

Прошли два года учебы, когда Вольф снова встретил того же незнакомца, на этот раз в молитвенном доме, где жил. Старец явился сюда переночевать. Гигантский рост, широкие скулы, огромная борода и голос… Этот голос Вольф не спутал бы ни с каким другим. Всё стало ясно – отец договорился с незнакомцем, и тот сыграл роль «небесного вестника». Но как отец, говоривший столько о честности, мог обмануть его?! «Как мог Бог не покарать нечестивца, осмелившегося присвоить себе право говорить от его имени?» Физическое ощущение происшедшей несправедливости привело юного Вольфа к страшному выводу – Бога нет. Взломав кружку пожертвований «на Палестину», он «с опустошенной душой и сердцем» отправился навстречу новой неведомой ему жизни. В чудеса он больше не верил. А между тем они только начинались!

Исключительные способности

О том, как Мессинг узнал, что обладает необыкновенными способностями, рассказано во многих книгах, газетных и журнальных публикациях. А вот что пишет об этом сам Вольф Григорьевич: «Вошел в полупустой вагон первого попавшегося поезда. Оказалось, что он шел в Берлин. Залез под скамейку, ибо билета у меня не было… и заснул сном праведника… Случилось то, что неизбежно должно было случиться и чего я больше всего боялся: в дверь вошел кондуктор. Поезд приближался к Познани. Кондуктор осторожно будил заснувших пассажиров, тряся их за плечо, и проверял билеты. Так небыстро, но неизбежно он приближался ко мне. По временам он наклонялся и заглядывал под скамейки… Под скамейками лежали мешки и узлы пассажиров. И поэтому он заметил меня, только когда заглянул непосредственно под мою скамейку.

– Молодой человек, – у меня в ушах и сегодня еще звучит его голос, – ваш билет!..

Нервы мои были напряжены до предела. Я протянул руку и схватил какую-то валявшуюся на полу бумажку – кажется, обрывок газеты… Наши глаза встретились. Всей силой страсти и ума мне захотелось, чтобы он принял эту грязную бумажку за билет… Он взял ее, как-то странно повертел в руках. Я даже сжался, напрягся, сжигаемый неистовым желанием. Наконец, он сунул ее в тяжелые челюсти компостера и щелкнул ими… Протянув мне назад „билет“, он еще раз посветил мне в лицо своим кондукторским фонарем со свечкой. Он был, видимо, в полном недоумении: этот маленький худощавый мальчик с бледным лицом, имея билет, зачем-то забрался под скамейку… И подобревшим голосом сказал: „Зачем же вы с билетом – и под лавкой едете?.. Есть же места… Через два часа будем в Берлине…“».

Испытав радость от столь неожиданно завершившейся встречи с кондуктором, Мессинг поначалу не понял, какими способностями обладает. Да и времени особо радоваться не было. Оказавшись в Берлине, он должен был зарабатывать на хлеб насущный. А это у него не очень-то хорошо получалось. И однажды мальчика, упавшего в голодный обморок, посчитали умершим и привезли в морг. Лишь благодаря внимательности одного из студентов-медиков, заметившего сердцебиение, Мессинга не похоронили. Но и вернуть его к жизни оказалось непросто. Только на третий день берлинский профессор Абель вывел его из летаргии. Именно этот психиатр и невропатолог первым обратил внимание на открывшуюся у его пациента необыкновенную способность управлять своим организмом. Психологические опыты, проводимые Абелем, выявляли всё новые и новые способности Мессинга. «Тренируйтесь, развивайте ваши способности! Не давайте им заглохнуть и забыться!» – наставлял он новоявленного медиума. И Вольф Мессинг старался следовать этому совету. Выполнял мысленные распоряжения людей, лежал на грани жизни и смерти в прозрачном холодном гробу в «Берлинском паноптикуме», учился отключать болевые ощущения, когда ему прокалывали иглой насквозь шею, занимался самообразованием, особое внимание уделяя психологии.

С 1914 года Вольф Мессинг начал выступать на цирковой арене. У зрителей собирали различные предметы, ссыпали в одну кучу, перемешивали. Задачей Мессинга было раздать вещи хозяевам.

А с 1915 года он стал выступать с психологическими опытами, сделавшими его всемирно известным.

Интерес к «психологическим опытам» Мессинга проявляли различные люди. От домохозяек и обыкновенных бюргеров до людей выдающихся. Он совершил турне по Европе и с успехом выступал в Париже, Лондоне, Риме, посетил Южную Америку, Австралию, ряд азиатских государств. Многие его номера напоминали фокусы. Так, по улицам Риги он разъезжал на автомобиле с завязанными глазами. К Мессингу обращались с различными запросами – он искал пропавших людей, драгоценности, регулировал семейные отношения. Неудивительно, что люди неординарные, а потому отнюдь не легковерные, пытались разобраться, с чем же они имеют дело. Вольф Григорьевич встречался с руководителем Польши Юзефом Пилсудским и индийским «гуру» Мохандасом Карамчандом Ганди, с создателем теории вероятности Альбертом Эйнштейном и знаменитым психиатром Зигмундом Фрейдом. Их мысленные приказания были оригинальными, но не выходили за рамки обычной деятельности Мессинга. Так, Ганди мысленно предложил ему взять со стола флейту и подать ее человеку, который, начав играть, вызвал из корзины с узким горлышком змею. У Пилсудского Мессинг нашел спрятанный за портьерой портсигар, а Фрейд мысленно предложил экстрасенсу взять с туалетного столика пинцет и, подойдя к Эйнштейну, выдернуть из его великолепных усов три волоска.

Общение Фрейда и Мессинга длилось более двух лет. Он вспоминал, что Фрейда-человека не любили: «Он был желчен, беспощадно критичен, мог незаслуженно унизить человека». Но к Мессингу относился с теплотой и помог ему углубить природные данные, научив внутренне концентрироваться, используя самовнушение и гипноз. Вольф Григорьевич с благодарностью принял эту помощь. Он вообще с большим вниманием и интересом относился к природе своих способностей и механизму их проявления. Тем более что в их числе были и такие, которые он сам себе не мог объяснить. К таковым относились, например, телепатия и пророческий дар. В своей книге Вольф Мессинг вспоминал, как в тридцатые годы в Польше к нему пришла женщина с просьбой узнать что-нибудь о судьбе брата, уехавшего на заработки, и о котором более двух лет не было никаких известий. Рассказал он и о своих предсказаниях: «Я смотрю на карточку брата бедной женщины… И вдруг вижу его словно сошедшего с карточки. Чуть вроде бы помолодевшего. В хорошем костюме… И говорю: „Не волнуйтесь, пани. Ваш брат жив. У него были трудные дни, сейчас стало лучше. Вы получите от него

письмо на тринадцатый день, считая сегодняшний“». Женщина рассказала о предсказании своим соседям. Узнали об этом и журналисты. На тринадцатый день в местечке, где жила женщина, собрались корреспонденты чуть ли не всех польских газет. Письмо прибыло вечерним поездом из Филадельфии. Нет нужды говорить о том, как этот случай увеличил популярность пророка. О чем только не спрашивали Мессинга и чего он только не предсказывал! В 1937 году он предсказал гибель Гитлера вследствие краха его восточной кампании. Гитлер объявил его врагом Рейха, и, когда была оккупирована Польша, портреты Мессинга были развешены повсюду. Была обозначена и награда – двести тысяч рейхсмарок за его поимку. Один из фашистских патрулей задержал Мессинга и не дал ему воспользоваться своими талантами. Удар прикладом по голове – и знаменитый предсказатель оказался в камере. Придя в себя, он путем величайшего напряжения своих сил послал всем охранникам мысленный приказ собраться у него в камере, закрыл за ними щеколду и сбежал. Именно этот случай заставил Мессинга бежать из Польши в Советский Союз, где он прожил всю оставшуюся жизнь.

В Советском Союзе

Конечно же, жить в стране, где всё непривычное и непонятное объявлялось суеверием и шарлатанством, было непросто. И хотя Мессинг неоднократно заявлял, что в СССР для него «мир расцвел новыми красками», верится в это с трудом. Тысячи раз, демонстрируя мелким чиновникам свои опыты, он с большими трудностями пробивал себе дорогу на сцену. Проверки следовали одна за другой. И вот он у Сталина в Кремле. «Вождь народов» предлагает эксперимент, который должен доказать способности экстрасенса, – получить сто тысяч рублей в Госбанке по чистой бумажке. Потом еще один – проникнуть в охраняемый кабинет. И то, и другое Мессинг проделал легко. Как после этого его оставили в живых, понять трудно. Но знавшие Мессинга в те годы вспоминали, что время от времени Вольфа Григорьевича вызывали в Кремль к Сталину и Берии. Главные большевики страны, несмотря на то что обладали даром «научного предвидения», были не прочь заглянуть в завтрашний день, используя способности Мессинга.

С началом Великой Отечественной войны Вольфа Григорьевича эвакуировали в Новосибирск, он много выступал в воинских частях, эвакогоспиталях. На пожертвованные им средства были построены два самолета для Красной Армии.

Безусловно, на всех выступлениях его спрашивали о конце войны. В 1943 году он предсказал день победы. И, как показала жизнь, оказался прав.

16 февраля 1944 года Вольф Мессинг с успехом выступил в Челябинске, в Доме Красной Армии (ныне Дом офицеров). В годы войны единственная действовавшая в те годы «большая» газета «Челябинский рабочий» не баловала читателей материалами о выступлениях артистов, приехавших в город на гастроли. Не сохранилось и документов, рассказывающих об этом событии. А потому нет-нет да и возникнут сомнения, а было ли оно? Может быть, выступление Мессинга только планировалось, но по каким-то причинам не состоялось? Но вот попадаются на глаза воспоминания находившегося в Челябинске в эвакуации писателя Владимира Хочинского, где он описывает свою встречу в 1944 году с Мессингом и Арраго (сценический псевдоним знаменитого артиста Р.С. Левитина, показывавшего на сцене «математические опыты») в челябинской гостинице «Южный Урал», и понимаешь – ничто не проходит бесследно.

Второй приезд Вольфа Мессинга в наш город пришелся уже на послевоенный период. С 20 по 22 марта 1964 года известный экстрасенс и пророк выступил в концертном зале филармонии со своими «психологическими опытами».

Концерты Мессинга пользовались неизменным успехом у зрителей. В 1971 году ему присвоили звание Заслуженный артист РСФСР. Его последнее выступление состоялось в московском кинотеатре «Октябрь». Все опыты прошли очень удачно. Он возвращался в приподнятом настроении, внезапно почувствовал себя плохо, и сердце его остановилось. Произошло это 8 ноября 1974 года.

Примечание

Впервые очерк опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 1 декабря 2006 года.

Любовь Орлова

Любовь Орлова

Любовь Орлова в Челябинске

Если бы мы решились определить самую известную киноактрису нашей страны за все годы существования кинематографа, то, безусловно, героиня настоящего очерка была бы названа в числе первых. И это несмотря на то, что список сыгранных ею ролей не так уж велик, а претенденток на почетное звание нашлось бы немало. Многие из отечественных звезд не были обделены талантом, немало среди них было и тех, кто имел большее число наград и регалий. Однако вспоминается прежде всего она – Любовь Петровна Орлова, героиня классических советских комедий тридцатых-сороковых годов прошлого столетия, народная артистка СССР и народная любимица.

Урожденная Орлова

Родилась Любовь Орлова 29 января 1902 года в дворянской семье. О ее корнях в изданной литературе существует немало легенд. Так, Дмитрий Щеглов, автор книги «Любовь Орлова. Жизнь и творчество» (2002), сообщает, что в числе ее предков и родственников был не только знаменитый фаворит Екатерины II граф Григорий Орлов, но и многие удельные и великие князья России, английские и шведские короли, немецкие графы и татарские мурзы, а также десять канонизированных Русской православной церковью святых. Между тем, сведения эти, как показали последние изыскания генеалогов, не соответствуют действительности.

Отец Любови Петровны – Петр Федорович Орлов – принадлежал к дворянству Полтавской губернии. Окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище (1888). Однако в армии прослужил недолго, из-за слабого здоровья выйдя в отставку. Служил в железнодорожном (а не в акцизном, как ошибочно считает Виталий Вульф, – см.: Серебряный шар. – М., 2006) ведомстве. Незадолго до крушения самодержавия (20 января 1917) получил довольно высокий чин статского советника, что по табели о рангах соответствовало званию полковника. Мать – Евгения Николаевна, урожденная Сухотина, была племянницей Михаила Сергеевича Сухотина – зятя Льва Толстого (женой дяди была старшая дочь знаменитого писателя мемуаристка Татьяна Львовна Сухотина-Толстая). По дворянским меркам, семья Орловых была среднего достатка: кроме жалования главы семейства (в 1916 году, например, около четырех тысяч рублей) ее благосостояние обеспечивали четыре имения (три достались по

наследству Петру Федоровичу, одно – Евгении Николаевне). В семье было две дочери – Нонна (Анна) и Любовь. Средств на их воспитание вполне хватало. Обе дочери окончили гимназию. В доме царил культ искусства. Отец обладал красивым голосом, мать неплохо играла на фортепиано, поэтому нередко в свободное время они дуэтом исполняли те или иные музыкальные произведения. Девочки также обучались музыке. Нонна играла на скрипке, Люба – на фортепиано. Участвуя в детской оперетте «Грибной переполох», будущая кинозвезда удостоилась похвалы самого Федора Ивановича Шаляпина. По сохранившимся преданиям, он поднял ее на руки и, поцеловав, сказал, что эта девочка, безусловно, станет артисткой. Между тем мать Любы не помышляла о подобной карьере для своей дочери. В ее планы входило дать дочерям образование, соответствующее их социальному слою, и, найдя удачную партию, выдать замуж. Однако, как говорится, люди предполагают, а жизнь располагает.

Будучи азартным игроком, незадолго до революции Петр Федорович проиграл в карты все имения, доставшиеся ему по наследству. Это был серьезный удар, но жалованья главы семьи и оставшегося имения Сватово в Московской губернии должно было хватить для реализации планов матери. Кто знал, что жизнь готовит Орловым новые испытания. 1917 год перечеркнул все патриархальные устремления этой дворянской семьи, лишившейся, как и многие тогда, всяческой опоры в жизни.

Зарплаты отца перестало хватать, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Орловым пришлось покинуть столицу и переселиться в подмосковный Воскресенск, где они пережили трудную годину благодаря приусадебному участку и корове, чье молоко в тяжелом бидоне юная Люба Орлова возила на продажу в Москву.

Зигзаги карьеры: от тапёра до кинозвезды

В отличие от многих современных ей звезд советского кино, Орлова получила неплохое «профильное» образование. Училась в консерватории по классу фортепиано, окончила хореографическое отделение театрального техникума, брала уроки актерского мастерства у театральных педагогов Е.С. Телешёвой, К. И. Котлубай и др. Нелегкое материальное положение, как это ни странно звучит, помогло ей закрепить получаемые знания на практике. Во время учебы она подрабатывала тапером в кинотеатрах («Унион», «Арс» и др.). Там же будущая звезда дебютировала и с танцевальными номерами. Поэтому, когда в 1926 году девушка была принята в

Музыкальную студию при МХАТе, она не потерялась и довольно быстро прошла путь от рядовой хористки до ведущей актрисы студии. Злые языки (в театральной среде их всегда было немало) утверждали, что причиной столь стремительного взлета стали личные отношения с руководителем студии В.И. Немировичем-Данченко и роман с его сыном Михаилом. Не беремся судить об этом, отметим лишь, что если бы Л.П. Орлова была лишена таланта и не имела успеха у зрителей, вряд ли подобные связи помогли бы ей. А ее успех у зрителей был несомненный, на всех видевших ее тогда она производила большое впечатление. Григорий Александров, впервые увидевший Любовь Петровну в спектакле «Перикола», позднее вспоминал: «Я увидел, что Орлова играет как хорошая драматическая актриса, превосходно поет и танцует».

К моменту этой встречи режиссера и актрисы ей было уже 32 года, и она имела за плечами немалый жизненный опыт. В 1926 году она вышла замуж за заместителя наркома земледелия Андрея Каспаровича Берзина. Казалось, мечта матери о выгодном замужестве Любаши реализовалась. Однако в 1930 году Берзина арестовали по «делу Чаянова», и это лишний раз показало Орловым всю шаткость положения любого человека в СССР. Выехать же из страны, где террор набирал всё большие обороты, было уже непросто. Возможно, мелькнувшая надежда на эмиграцию вызвала отношения, завязавшиеся у Любови Орловой с неким Францем, австрийским предпринимателем или дипломатом (точных данных об этом нет). Уже самих фактов связей с «врагом народа», а затем и с иностранцем в тридцатые годы было более чем достаточно, чтобы перечеркнуть не только карьеру, но и жизненный путь бывшей дворянки. Однако «славные наркомвнудельцы» Орлову не тронули. В силу их занятости ли или по другим причинам, сейчас сказать трудно, но актриса не только продолжила свою жизнь, но и начала стремительное восхождение по ступенькам славы. Этому в немалой степени способствовало ее знакомство с режиссером Григорием Александровым (1933). Фильм «Веселые ребята», поставленный им в 1934 году, сразу же сделал ее знаменитой. На съемках этого фильма, проходивших в Гаграх, Орлова приняла жизненно важные для себя решения – рассталась со своим гражданским мужем-иностранцем, отклонила ухаживания влюбившегося в нее знаменитого кинооператора Владимира Нильсена и ответила на любовь женатого Александрова. После завершения съемок они поженились и прожили вместе сорок лет. Результатом их совместных трудов стали фильмы, составившие классику советского кино: «Цирк» (1936), «Волга-Волга» (1938),

«Весна» (1946) и др.

Фильмы Александрова с Орловой в главной роли любили в СССР, кажется, все. Тысячи и тысячи людей осаждали клубы, где выступала Любовь Орлова. Александров вспоминал: «Как ее встречали всюду, где бы она ни появлялась! Как родную, как желанную, как дочь и сестру…» Не остались равнодушными и вожди. Сталин, посмотрев фильм «Веселые ребята», глубокомысленно изрек: «Посмотрел, точно в отпуске побывал». Не удивительно, что награды не заставили себя ждать. Звания и лауреатства посыпались на Орлову как из рога изобилия. Ей позволяли то, чего не позволяли никому. Она свободно выезжала за границу, почти не посещала кремлевских «вечеринок», а потому без особой внутренней «ломки» могла петь: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

В 1955 году Орлова вернулась на театральные подмостки. Для нее сделать это было совсем не просто. Имея опыт игры в музыкальных спектаклях и фильмах, в театре она соприкоснулась с совсем другим драматургическим материалом, требовавшим тонкого психологизма, точного жеста и интонации. На протяжении почти двадцати лет у Юрия Завадского (в театре им. Моссовета) Любовь Петровна играла отнюдь не простые роли. Ее Лидия («Сомов и другие»), Нора, Лиззи («Лиззи МакКей»), Патрик Кэмпбэлл («Милый лжец») и миссис Сэвидж («Странная миссис Сэвидж») запомнились зрителям. Публика с энтузиазмом шла на спектакли с ее участием, и Орлова оправдывала их ожидания. Челябинцы не стали исключением. В нашем городе актриса побывала дважды.

Челябинск подарил звезде кольцо

Первый ее приезд в Челябинск состоялся в декабре 1936 года и широко освещался местной прессой. На экранах с ошеломляющим успехом шли «Веселые ребята» и «Цирк». А потому увидеть «вживую» Любовь Орлову хотели многие.

График концертов и творческих встреч был напряженным. 17 и 18 декабря состоялись ее выступления в кинотеатре «Сталь». Зал кинотеатра был переполнен. Любовь Орлова исполнила ряд романсов композиторов Мусоргского, Даргомыжского, Чайковского, Глинки, а также песни из полюбившихся зрителям кинофильмов. Корреспондент «Челябинского рабочего» Л. Владис отмечал, что «вокальные достоинства их исполнения замечательно дополнялись мимической игрой артистки, сумевшей воссоздать перед зрителями их любимые образы». В Челябинске, в полном соответствии духу времени, прошло и

несколько творческих встреч заезжей знаменитости с трудящимися ферросплавного и тракторного заводов, с железнодорожниками и строителями. Актриса дала несколько концертов в Магнитогорске, а затем вновь возвратилась в наш город, где в Драматическом театре 26 декабря 1936 года еще раз выступила перед зрителями.

Встреча с тракторостроителями имела особенный резонанс. О причинах этого рассказывал в своих воспоминаниях К. Мирошниченко, бывший во время приезда Орловой в Челябинск начальником литейного цеха ЧТЗ. Вот что он писал:

«…ЧТЗ переходил на выпуск новой модели трактора с быстроходным дизельным двигателем. Американская фирма „Катерпиллер“ на выпуск первых десяти тысяч таких машин затратила около восьми лет с довольно длительной остановкой производства. Челябинские тракторостроители этот же путь прошли за три года, не останавливая работы. Но ритм выпуска нередко нарушался, нет-нет и прервется поток деталей на главный конвейер сборки. Чаще всего темп сдерживали литейщики. Не хватало поршневых колец – небольших деталей, выпускаемых отдельным участком литейного цеха. Участок этот изо дня в день недодавал из-за брака большое количество колец. И вот в те дни в Челябинск с концертами приехала Любовь Петровна Орлова, замечательная киноактриса. Выступала она и в клубе ЧТЗ. Были заполнены все места и проходы, зрители сидели на полу у сцены, но зал не вместил и десятой доли желающих. На другой день актриса попросила ознакомить ее с заводом. Пояснения по литейному цеху давал я. А при прощании, воспользовавшись случаем, попросил выступить для литейщиков. Любовь Петровна пообещала специально вернуться через неделю из Магнитогорска и дать на заводе еще два концерта. Вернувшись в цех, я зашел на участок поршневых колец и сообщил: „Орлова согласилась спеть для литейщиков, но с какими глазами идти на концерт, не знаю – колец не хватает, подводим завод“. Один из рабочих (к сожалению, не помню его фамилии) ответил: „Были бы билеты на концерт, а за кольца не беспокойся“… Сказано – сделано. В день концерта я вручил рабочим участка билеты на лучшие места, а они вместо обычных девяти-десяти тысяч колец дали рекордную выработку – почти двенадцать с половиной тысяч штук. И предложили преподнести Л.П. Орловой рекордное кольцо. Его отполировали и захромировали, на одной стороне выгравировали слова: „Нам Ваша песня строить и жить помогает. Л.П. Орловой – литейщики ЧТЗ“; на другой: „12310 рекордное кольцо в честь Вашего приезда“ и дата. После исполнения „Марша веселых ребят“ на сцену поднялась наша цеховая

делегация во главе со старейшим литейщиком Петровым и вручила актрисе кольцо. Какая была овация!.. Любовь Петровна сказала: „Спасибо“ и не могла сдержать слез, потом добавила: „Я лучше спою“. И как она тогда пела!..»

1 мая 1937 года в главной газете Советского Союза «Правде» было опубликовано стихотворение Виктора Гусева, излагавшее эту историю и начинавшееся словами:

«Объехав с концертами Свердловск и Пермь,
И многие города,
Экспрессом в Челябинск, на энский завод,
Приехала кинозвезда…»

Известная челябинская журналистка Лия Вайнштейн заинтересовалась этой историей ив 1969 году смогла встретиться с Любовью Петровной, которая рассказала ей в те дни, что она бережно хранит подарок челябинцев и что история с «челябинским кольцом» имела продолжение. После войны, возвращаясь с кинофестиваля в Венеции, они с Александровым остановились в Париже и провели пресс-конференцию. На ней среди прозвучавших вопросов был и вопрос о том, преподносят ли в СССР подарки кинозвездам. «Я на мгновение задумалась. А затем сказала: – Я однажды получила кольцо, цену которого даже трудно определить. Журналисты переглянулись, как мне показалось, удивленно и недоверчиво. И тогда я рассказала историю, происшедшую в Челябинске, историю рабочего подарка. В зале на мгновение настала тишина. А затем – гром аплодисментов», – вспоминала актриса. В последние годы увидело свет несколько книг, посвященных жизненному пути Л.П. Орловой, и почти в каждой из них в том или ином объеме рассказана история про то, как в Челябинске актрисе подарили рекордное поршневое кольцо.

Второму приезду Л.П. Орловой в Челябинск повезло значительно меньше. О нем нет публикаций не только в названных книгах, но и в челябинских краеведческих изданиях. Второй раз Любовь Петровна приехала в Челябинск в июле 1955 года в рамках гастролей Театра им. Моссовета в нашем городе. В том году Орлова только вошла в труппу театра, поэтому челябинская пресса уделила ей минимум внимания. В публикациях, посвященных этим гастролям, звучат фамилии В.П. Марецкой, Ф.Г. Раневской, Р.Я. Плятта, Н.Д. Мордвинова и ничего не говорится об Орловой. У нас даже возник вопрос, а была ли актриса во время этих гастролей в Челябинске? Вопрос этот сняла рецензия на спектакль «Сомов и другие», опубликованная в

«Челябинском рабочем». Ее автор В. Викторов отмечает, что роль Лидии Сомовой играет Л.П. Орлова, которая «до сих пор была известна челябинцам только по кино и концертам», и что «Л. Орлова своей искренней и мастерской игрой оставляет большое впечатление».

Когда сравниваешь реакцию городской общественности на два разделенных десятилетиями приезда Орловой в Челябинск, невольно ловишь себя на мысли, что что-то не так. Еще недавно собиравшая огромные залы, в свой второй приезд Орлова оказалась почти незамеченной. Но потом понимаешь, что это символично. Театральная актриса так никогда и не затмила в ней актрису кино. Орлова продолжала неплохо играть спектакли, мечтала о новых удачных фильмах, но ее звездный час был уже позади. 26 января 1975 года ее не стало. В 1983 году покинул этот мир и Григорий Александров. С каждым днем всё меньше и меньше остается людей, которые помнят ее театральные роли, но лучшие фильмы с участием Любови Орловой продолжают жить и, думается, будут жить еще долго.

Примечание

Впервые очерк опубликован в журнале «Челябинск-Сити» (2008, № 2).

Александр Остужев

Александр Остужев

Две жизни Александра Остужева

В жизни радость часто соседствует с грустью и болью. Приносить радость, испытывая страдания и боль, – удел мужественных и сильных людей. Одним из них был знаменитый актер Александр Алексеевич Остужев. На заре своей популярности он стремительно стал терять слух. Глухота, казалось, в очередной раз продемонстрирует несправедливость мира, и талант, данный человеку в избытке, так и останется нереализованным. Но Остужев повторил подвиг гениального Бетховена и остался в искусстве. Восторженные зрители, в том числе и челябинские, не раз устраивавшие овацию любимому актеру, часто не подозревали, что их кумир играет спектакли, почти не слыша реплик партнеров. Вместе с героями Александра Алексеевича они плакали, смеялись, тихо грустили. А спустя годы вспоминали о выпавшем на их долю счастье – видеть игру гениального актера.

В театре прошла главная жизнь Остужева – с людьми и для людей. В этой жизни он стал победителем, человеком известным, популярным, любимым. О другой, внутренней и домашней жизни знаменитого артиста можно только догадываться. Вспоминая об Остужеве, Евгений Весник писал: «Мне казалось, что его слабый слух был причиной больших психологических переживаний и даже страданий. Он был замкнутым, очень скупо говорил, редко появлялся на людях и производил впечатление человека одинокого». Кто знает, может быть, именно благодаря этой невидимой людям жизни, Остужев и достиг в своих трагедийных ролях потрясающей глубины. Ведь какими бы разными не были выпавшие на долю Остужева жизни, обе они умещались в одном уме, в одной душе и в одном сердце.

Как Пожаров стал Остужевым

Александр Остужев родился 16 апреля 1874 года в семье железнодорожного машиниста в Воронеже. Поначалу жизнь его текла в рамках того слоя, из которого он происходил. Учился в техническом училище, чтобы получить специальность, но из-за конфликта с педагогом, отвечавшим за поведение учащихся, был отчислен с третьего курса. Работал. Увлекся театром. Играл в любительских спектаклях, с 1895 года – в антрепризе А.М. Медведева. Талант его проявился сразу, поэтому, когда в Воронеж приезжали гастролеры, его нередко приглашали в состав временных трупп.

В 1895 году в Воронеже выступал артист Малого театра А. Южин, который, увидев игру начинающего актера, помог ему поступить в 1896 году на драматические курсы при Московском театральном училище. Его педагогом стал известный российский актер и режиссер А.П. Ленский.

21 октября 1898 года Александр Алексеевич был включен в труппу легендарного Малого театра, в которой играл вплоть до 1949 года. Небольшой перерыв им был сделан лишь в сезоне 1901–1902 годов, когда он выступал в театре Корша. Именно в этом театре артист приобрел свой звучный псевдоним. Его настоящая фамилия была Пожаров. Во время одного из спектаклей публика с галерки бурно приветствовала игру Александра Алексеевича криками «Браво!» и «Пожаров!». Зрителям же в партере послышалось, будто кричат «Пожар!». Недолго раздумывая, публика в суматохе и панике начала быстро покидать зал, образуя в проходах давку. Капельдинерам и артистам стоило большого труда успокоить людей. Как следствие, владелец театра потребовал от артиста сменить фамилию, дабы навсегда избежать подобных недоразумений. В ходе коллективного обсуждения коллеги предложили Александру Алексеевичу несколько вариантов псевдонимов, связанных с его настоящей фамилией, – Огнёв, Костров, Пламенев, но артист решил остановиться на псевдониме «Остужев». Под этой фамилией к нему и пришла слава.

Александр Остужев с успехом играл различные роли – Ромео («Ромео и Джульетта»), Незнамова («Без вины виноватые»), Буланова («Лес»). В пьесе А.Н. Островского «Доходное место» его партнершей была знаменитая М.Н. Ермолова. Он играл с азартом, необыкновенным темпераментом. Евдокия Дмитриевна Турчанинова вспоминала: «Никто на сцене не умел так страстно и нежно любить, как Остужев. Сила, глубина и искренность остужевских переживаний и его обжигающий, подобно огню, темперамент заставляли самого Остужева сгорать в огне страстей воплощаемых им сценических образов. Он жил на сцене, растрачивая себя без остатка, не умея быть холодным и расчетливым художником, строго контролирующим свои силы и возможности и видящим себя со стороны „незримым контрольным оком“. Его партнерам приходилось зорко следить, чтобы не пострадать от цепких, сильных рук Остужева, способных сжать ваши, подобно клещам, до боли… В „Бое бабочек“ Зудермана, будучи партнершей Остужева, я после каждого спектакля была „пострадавшей стороной“: муслиновые рукава платья, которое я надевала по пьесе на костюмированный бал, оказывались порванными, а мои руки в синяках».

Сильный голос Остужева, необыкновенного тембра, буквально завораживал зрителей. При этом мало кто знал, что этому предшествовали длительные занятия. Так, отдыхая в имении Южина, он обычно на заре и на закате уходил в лес и там так «вопил», что мужики, бывшие на покосе, однажды, всё побросав, в ужасе бежали, решив, что в лесу завелся леший.

Не получив хорошего общего образования, Александр Алексеевич всю жизнь занимался самообразованием – и слыл большим интеллектуалом, знатоком в самых различных областях знаний.

Болезнь

В 1908 году, вследствие болезни Меньера, Александр Остужев начинает терять слух и к 1910 году почти полностью глохнет. Чтобы продолжить жизнь в театре, он разработал собственную систему слуховой ориентации. Евдокия Дмитриевна Турчанинова вспоминала: «Очень рано, в расцвете лет и таланта, Александр Алексеевич Остужев начал терять слух. Надо только представить себе его отчаяние, когда он впервые это обнаружил. Многие и очень многие на его месте растерялись бы, растворились бы в этом отчаянии, но Остужев не опустил рук и не опустился сам, а с удвоенной, утроенной силой и энергией начал работать над собой. Он не бросил сцены. Он не искал снисхождения. Он работал, запоминая наизусть роли своих партнеров, ловя реплики по губам партнеров во время спектаклей и, не слыша себя, умел соразмерять звук своего пленительного голоса. Зритель, зачарованный талантом Остужева, и не думал о том, какой героический подвиг происходит у него на глазах, когда глухой актер потрясает его своей игрой…»

Евгений Весник, видевший артиста позднее, в начале Великой Отечественной войны, вспоминал: «Остужев говорил громко, и ему отвечали очень громко, потому что он плохо слышал. Мало кто знал, что Остужев, общаясь с партнером, произносил свои реплики не по звуку голоса, а по смыканию его губ, а если он был на подмостках один, и текст его зависел от разного рода машинерии, то – по сигналу, дававшемуся суфлером, загоравшейся лампочкой или взмахом руки».

Болезнь не смогла лишить Остужева любимого дела, он продолжал жить активной жизнью в театре, создавая всё новые и новые великолепные образы, с восторгом встречаемые зрителями и критикой, – Освальда («Привидения»), Чацкого («Горе от ума»), Хлестакова («Ревизор»), Теодоро («Собака на сене»), Мешема («Стакан воды»), Квазимодо («Собор Парижской Богоматери»).

Большой и заслуженный успех А.А. Остужев имел в ролях Отелло и Уриэля Акосты в одноименных спектаклях. В советский период жизни артист был удостоен самых высоких государственных наград. Он был кавалером двух орденов Ленина. В 1937 году за выдающийся вклад в театральное искусство получил звание народного артиста СССР, а в 1943 году стал лауреатом Сталинской премии. При этом главной наградой его жизни были театр и любовь зрителей. Свидетелем поразительного проявления этой любви в Челябинске стал Евгений Весник.

«Жизненная кода великого мастера»

Вместе с училищем им. Щепкина Евгений Яковлевич Весник, будущий народный артист России, был эвакуирован в 1941 году в Челябинск. Отсюда он ушел на фронт, успев сыграть несколько эпизодических ролей в Малом театре. В книге его воспоминаний несколько страниц отведено Александру Алексеевичу Остужеву, который произвел на мемуариста большое впечатление. В Челябинске Весник стал свидетелем триумфа Остужева, названного им «самым благозвучным аккордом жизненной коды великого мастера». Челябинцы должны знать эти строчки, потому что свидетельствуют они не только об одной из вершин в биографии Александра Остужева, но и о событии в культурной жизни города, которое не имеет аналогов в челябинской истории.

«1942 год. Челябинск. Спектакль Малого театра „1812 год“. Зрительный зал полон – аншлаг. На спектаклях с участием Александра Остужева не могло не быть аншлага, нигде и никогда.

В роли есть текст о том, что Москва освобождена от врага и снова русская! И хотя речь шла о войне 1812 года, Остужев произносил его с таким вдохновением, вкладывая в него свое гражданское отношение к тогдашней военной ситуации, с такой физической и голосовой отдачей, что нам, стоявшим за кулисами, было страшно за него, пожилого человека. А зрители в едином порыве вскочили со своих мест и устроили длительную овацию, сломавшую и ход, и темп, и ритм спектакля… Я в этом спектакле исполнял безмолвную роль камер-лакея Наполеона и оказался счастливым свидетелем происходившего. Помню раненного молодого солдата-фронтовика с костылем, пытавшегося влезть на сцену. Помню крики „ура“ зрительного зала, скандированное „Ос-ту-жев“, „Ос-ту-жев“…

Александр Алексеевич должен был по ходу спектакля произносить текст, однако сделать этого никак не мог. Он уходил со сцены, снова выходил и снова уходил: овация не стихала. Тогда опытный и находчивый помощник режиссера, ведущий

спектакль, решился на сокращение оставшегося текста Остужева и закрыл занавес. Артисты продолжили спектакль, но под овации, которые только минуты через две наконец-то смолкли. Люди расселись по своим местам, и спектакль благополучно завершился. Но! Когда артисты разгримировались, вышли через служебный ход на улицу, ожидавшая их толпа окружила Остужева, подняла на руки и понесла! Понесла в гостиницу, где он жил (Остужев жил в гостинице «Южный Урал», в 135 номере. – *Прим. авт.)*. Я понял, что только в эти минуты кончился этот поистине уникальный спектакль, в котором финальную точку поставили не артисты, не режиссер, а зрители! Уникальный спектакль! Уникальный зритель! Уникальнейший артист – Александр Алексеевич Пожаров-Остужев».

После описанного Евгением Весником спектакля Александр Алексеевич еще много раз выходил на сцену и покинул театр только в 1949 году, когда ему исполнилось 75 лет. 1 марта 1953 года Остужев ушел из жизни, оставив современникам и потомкам пример необыкновенной силы духа, без которой его талант вряд ли бы принес людям столько волнительных минут счастья…

Примечание

Очерк впервые был опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 6 октября 2006 года.

Борис Пастернак

Борис Пастернак

Борис Пастернак: уральские страницы жизни

Просматривая фотографии Бориса Пастернака, не перестаешь удивляться. Сколько бы лет ему не было, на фото он везде одинаков. Причиной тому глаза. Большие и грустные. Фаина Раневская вспоминала, что как-то Анна Ахматова сказала ей: «Фаина, вам 11 лет и никогда не будет 12», а затем, поглядев на Пастернака, бросила: «А ему всего четыре годика». Ошибалась. С раннего детства он был взрослым. Кажется, в нем никогда не было детской беззаботности и уверенности в доброте этого мира. В автобиографических записках он признавался, что не раз в шесть, семь, восемь лет был близок к самоубийству. Его душа с рождения была страдающей. Поэтому жилось ему трудно. Метался в противоречиях, отвергал то, что казалось ему его предназначением, пытался найти смысл в том, в чем его не было, отчаивался, раздирал себя в клочья, чтобы в следующий миг с упорством летящего на свет мотылька двигаться дальше. Как в известной стихотворной строчке Николая Заболоцкого, его душа трудилась «и день и ночь, и день и ночь». Поэтому, где бы Пастернак ни находился, что бы ни делал – это не было пустой тратой времени. Всё работало на глубину познания жизни. Не стали исключением в этом кропотливом труде и дни, прожитые им на Урале.

Из музыки в литературу…

Борис Леонидович Пастернак родился в 1890 году в Москве, в семье известного художника и талантливой пианистки. С детства соприкасался с миром и людьми искусства. Квартира Пастернаков была при Училище живописи, ваяния и зодчества. Поэтому из окна своей кухни он имел возможность наблюдать, как трудится вернувшийся из Италии скульптор Паоло Трубецкой, автор известного памятника императору Александру III, как на улице распаковывают картины передвижников и несут их в училище на выставку… Став постарше, Борис помогал отцу, развлекая разговорами позировавших ему знаменитостей, например, историка В.О. Ключевского и поэта Э. Верхарна. В квартире у Пастернаков бывал Лев Толстой. Вместе с отцом Борис ездил на станцию Астапово в трагические дни, когда завершился жизненный путь великого писателя. Безусловно, всё это формировало внутренний мир молодого человека.

Однако не литература на первых порах пленила душу Бориса Пастернака, а музыка. В родительском доме нередко проходили концерты с участием его матери – урожденной Розы Кауфман, пожертвовавшей своей музыкальной карьерой, чтобы воспитывать детей (их у Пастернаков было четверо – два мальчика и две девочки). Как вспоминал сам Борис Леонидович: «К звуку фортепиано в доме я привык, на нем артистически играла моя мать. Голос рояля казался мне неотъемлемой частью самой музыки». С раннего детства он пробовал играть на фортепиано, пытался сочинять собственные мелодии. Но в ту пору это оставалось на уровне любительства. Подлинная страсть к музыке пришла к Борису Пастернаку под влиянием известного композитора А. Скрябина – соседа по даче. Очарованный обаянием личности композитора, свежестью его суждений, юноша на протяжении шести лет параллельно с обучением в гимназии изучал теорию композиции в Московской консерватории под руководством опытных педагогов – Ю.Д. Энгеля и Р.М. Глиэра и видел свое будущее в музыке. «Судьба моя была решена, путь правильно избран. Меня прочили в музыканты», – вспоминал он годы спустя. Его кумир – вернувшийся из Швейцарии Скрябин – отметил молодое дарование («…выслушал, поддержал, окрылил, благословил меня»). Казалось бы, чего еще надо? Но в Борисе Пастернаке уже жило то, что он потом так замечательно сформулирует: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». По мнению Пастернака, он не обладал достаточной фортепианной техникой, чтобы достичь каких-либо значимых результатов («При успешно подвинувшемся сочинительстве я был беспомощен в отношении практическом. Я едва играл на рояле и даже ноты разбирал недостаточно бегло»). Ко всему прочему, у него отсутствовал абсолютный музыкальный слух. И Борис Пастернак совершает мужественный, почти фантастический шаг – уходит из музыки. «Музыку, любимый мир шестилетних трудов, надежд и тревог, я вырвал вон из себя, как расстаются с самым драгоценным. Некоторое время привычка к фортепианному фантазированию оставалась у меня в виде постепенно пропадающего навыка. Но потом я решил проводить свое воздержание круче, перестал прикасаться к роялю, не ходил на концерты, избегал встреч с музыкантами».

В 1906 году Пастернак поступает на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Увлекается феноменологией Эдмунда Гуссерля, для углубления своих познаний едет в Марбург, чтобы учиться у главы неокантианцев Г. Когена. Успехи его в изучении

философии были также очевидными. Вот уж, действительно, талантливый человек талантлив во всем. Однако и философия не стала его призванием. В жизни Бориса Леонидовича всё большую и большую роль начинает играть литература. Его первые стихотворения тогда отметил С.Н. Дурылин, человек на Южном Урале известный. В 1923–1924 годах за свои религиозно-философские взгляды он был определен на поселение в Челябинск, где стал одним из основателей челябинского краеведческого музея, исследователем археологического и этнографического прошлого нашего края. Б. Л. Пастернак позднее так охарактеризовал роль Сергея Николаевича в своей жизни: «Это он переманил меня из музыки в литературу, по доброте своей, сумев найти что-то достойное в моих первых опытах».

В 1913 году стихи Пастернака впервые были опубликованы в печати. По рекомендации Дурылина они были включены в альманах «Лирика». Среди опубликованного было и такое ныне широко известное стихотворение, как «Февраль! Достать чернил и плакать…». Так в литературе появилось новое имя, масштабы которого еще предстояло оценить.

Уральские мотивы «Доктора Живаго»

В своих литературных пристрастиях Борис Пастернак изначально тяготел к символизму, ориентируясь на творчество таких поэтов, как Александр Блок, Андрей Белый, Иннокентий Анненский, Вячеслав Иванов и др. Он познакомился и сблизился с Андреем Белым, Борисом Садовским, Эллисом, Юргисом Балтрушайтисом, Эмилием Метнером, Сергеем Бобровым и другими литераторами, объединившимися вокруг издательства «Мусагет». В 1914 году увидел свет его первый поэтический сборник «Близнец в тучах», получивший высокую оценку Валерия Брюсова; также его стихи произвели впечатление и на Федора Сологуба, присутствовавшего на одном из поэтических вечеров. Но к этому времени символизм для Пастернака был уже днем вчерашним. Поэтому с годами отношение самого автора к первой своей книжке значительно ухудшилось.

В 1914 году в группе «Лирика», в которую входил и Пастернак, произошел раскол, вследствие чего образовалась новая группа «Центрифуга», продекларировавшая переход на футуристические позиции. Пастернак вошел в нее, равно как Сергей Бобров и Николай Асеев. К этому периоду относится его сближение с В.В. Маяковским, которого он знал еще по совместному обучению в гимназии. Масштаб таланта последнего чуть было не привел к очередному крутому повороту в судьбе

Пастернака, он серьезно задумался о том, оставаться ли ему в литературе. В автобиографической повести «Охранная грамота» он написал об этом прямо: «Я сознавал себя полной бездарностью… Если бы я был моложе, я бросил бы литературу». С другой стороны, Пастернак почувствовал свое сходство с Маяковским – «технические совпадения, сходное построение образов, сходство рифмовки», поэтому, чтобы не повторять его и не казаться эпигоном, стал «подавлять в себе задатки, с ним перекликавшиеся, героический тон… и стремление к эффектам». Это дало свои результаты, при этом, как отмечал сам Пастернак, сузило его «манеру и ее очистило». Стихи, написанные им летом 1917 года и вышедшие в сборнике «Сестра моя – жизнь» (1922), его вполне удовлетворяли.

В предреволюционные годы у Пастернака развивается интерес и к прозе. В немалой степени этому способствовала его жизнь на Урале, с которым у него оказался связан совершенно иной, непохожий на всё предыдущее опыт. В январе 1916 года он выехал в Пермскую губернию, где ему предложили поработать помощником управляющего химических заводов Бориса Збарского, талантливого ученого, известного тем, что позднее именно он разработал технологию бальзамирования тела В.И. Ленина. Пастернак прожил около полугода в поселке Всеволодо-Вильва, а затем несколько месяцев в Тихих горах на Каме на химических заводах Ушковых (Елабужский уезд Вятской губернии), где перебравшийся туда Збарский подыскал для него должность в военно-учетном столе.

В одном из писем к отцу Борис Леонидович писал: «Здесь имеется провинциализм и больше, уездовщина, и больше глухая уральская уездовщина неотстоянной густоты и долголетнего настоя. Но всё это или многое уже уловлено Чеховым, хотя надо сказать, нередко со специфической узостью юмориста, обещавшегося читателю смешить его. Этот дух не в моем жанре, и литературно вряд ли я мои здешние наблюдения использую. Косвенно, конечно, все эти тени и типы в состав моей костюмерной войдут и в ней останутся».

Однако впечатления от новых мест были настолько яркими, что Пастернак просто не смог их не использовать. Здесь родились стихотворения «Урал впервые», «Ивака», «На пароходе». Еще большие связи с Уралом обнаруживаются в прозаических произведениях Пастернака. Женя, героиня «Детства Люверс», родилась и выросла в Перми. Действие «Повести» происходит в другом уральском городе, Усолье. Уральскими страницами наполнен и «Доктор Живаго». В городе Юрятине, описанном в романе, отчетливо проступают пермские реалии. Героиня романа

Лара – уроженка Юрятина, в нем же разворачиваются основные события второй книги.

Находясь вдалеке от столичной суетной жизни, Пастернак решил многие важные для себя вопросы, окончательно связав себя с литературой. У него навсегда остались самые добрые воспоминания об Урале. На одной из фотографий, сделанных во Всеволодо-Вильве, он написал: «Это было одним из самых лучших времен моей жизни…» И этим всё сказано.

Пастернак в Челябинске

Октябрьская революция и перемены, произошедшие в жизни страны, поначалу воспринимались Пастернаком отстраненно. «Революция, хороша она или плоха, близка ли мне или далека, есть все-таки осмысленная и единственная реальность с какою-то своей закономерностью и логикой», – писал он родителям в сентябре 1924 года. Его стихи издавали, его голос слышали. С родителями и сестрами, выехавшими за границу, сохранялись тесные контакты: регулярная переписка, возможность посетить их. Духовный минимум, чтобы жить, был.

Наиболее талантливые из власть предержащих пытались наставить на путь истинный. Николай Бухарин, один из идеологов большевизма, в докладе на Первом съезде Союза советских писателей (1934) отмечал: «Борис Пастернак является поэтом, наиболее удаленным от злобы дня. Он, безусловно, приемлет революцию, но он далек от своеобразного техницизма эпохи, от шума быта, от страстной борьбы. Со старым миром он идейно порвал еще во время империалистической войны и сознательно стал „поверх барьеров“. Кровавая чаша, торгашество буржуазного мира были ему глубоко противны, и он „откололся“, ушел от мира, замкнулся в перламутровую раковину индивидуальных переживаний, нежнейших и тонких… Это – воплощение целомудренного, но замкнутого в себе, лабораторного искусства, упорной и кропотливой работы над словесной формой… Пастернак оригинален. В этом и его сила и его слабость одновременно, оригинальность переходит у него в эгоцентризм…»

В «Литературной энциклопедии», выходившей в тридцатые годы XX века, отмечалось: «Крупное поэтическое дарование П(астернака) обусловило за ним репутацию большого и своеобразного поэта, оказавшего влияние на советскую поэзию», но тут же говорилось и о том, что он «никогда не был субъективно против пролетарской революции. Но… не находился и в рядах активных борцов за нее». А между тем времена

менялись, и находиться вне системы, *над* ней было всё труднее и труднее. Ее надо было либо принимать и соответственно служить ей, либо отвергать и тогда быть готовым ко всему, вплоть до смерти. Ощущение, что он чужой для своей родины, что он не такой как все, мучило Пастернака. Он болезненно размышлял и искал ошибки в себе. Надеялся принять то, что не мог принять естеством своим. Чтобы убедиться в правоте своих критиков, он в мае 1931 года вошел в состав бригады газеты «Известия», включавший деятелей культуры, пожелавших познакомиться с ударными стройками первой пятилетки. В нее, кроме Пастернака, вошли публицист В. Полонский, писатели Ф. Гладков и А. Малышкин, художник В. Сварог. Бригада должна была посетить Челябинск, Магнитогорск и Кузнецк. Однако, прибыв в Челябинск, ее участники решили отказаться от поездки в Магнитогорск, увеличив свое пребывание в Челябинске до четырех дней. График работы был насыщенным. В письме к З.Н. Нейгауз, датируемом началом июня 1931 года, Пастернак писал: «Строятся действительно огромные сооруженья. Громадные пространства под стройкой, постепенно покрываясь частями зданий, дают понятье о циклопических замыслах и о производстве, которые в них возникают, когда заводы будут построены. Хотя это говорилось сто раз, всё равно сравнение с Петровой стройкой напрашивается само собой. Таково строительство в Челябинске, т. е. безмерная, едва глазом охватываемая площадь на голой, глинисто-песчаной почве, тянущаяся за городом в параллель ему. Над ней бегут грязные облака, по ней бегут облака сухой пыли и вся она на десятки километров утыкана нескончаемыми лесами, изрыта котлованами и пр. и пр. Это строят тракторный завод, один только из цехов которого растянулся больше чем на полверсты, т. е. будет ютить больше чем 2 кв. километра под одной крышей».

Но не для того только, чтобы убедиться в масштабности реализуемых проектов, приехал в Челябинск Пастернак. Он хотел знать, как и герой картины известного ему художника Н.Н. Ге, что есть истина? А потому увидел в Челябинске и другое: «…рядовая человеческая глупость нигде не выступает в такой стадной стандартизации, как в обстановке этой поездки. Поехать стоило и для этого. Мне всегда казалось, что бесплодье городского ударного языка есть искаженный отголосок какого-то другого, на котором, на местах, говорит, быть может, правда. Я уверился в обратном… Теперь мне ясно, что за всем тем, что меня всегда отталкивало своей пустотой и пошлостью, ничего облагораживающего или объясняющего, кроме организованной посредственности, нет и искать нечего, и если я и раньше никогда

не боялся того, что чуждо мне, то теперь уже и окончательно робеть не буду. Какая бы победа ни была суждена нелюбимому, полюбить это из одних соображений о его судьбе я не в силах».

Фактически выбор был сделан. Пастернак не принял системы. И в Кузнецк он уже не поехал. В Челябинске нравственный узел, мучивший его, развязался. Он вновь обрел внутреннюю свободу, которая и позволила ему создать то, что он считал трудом своей жизни – роман «Доктор Живаго».

В разгар борьбы вокруг этого романа, когда, с одной стороны, ему была присуждена Нобелевская премия, а с другой – он был исключен из Союза писателей и заклеймен как изменник родины, Пастернак писал своим сестрам: «Возвращаюсь к роману. Вы будете иметь возможность прочесть его. Быть может, он даже вам не понравится – надоедливой и чуждой философией – скучными растянутыми местами, несобранностью первой книги, серой неэффектной бледностью переходных мест. И все-таки, все-таки это большой труд, книга огромного, векового значения, судьбы которой нельзя подчинять моей судьбе и вопросам моего благополучия, но существование которой и выход в свет, где это возможно, важнее и дороже моего собственного существования».

Его не расстреляли, как Николая Гумилева, он не затерялся в лагерях ГУЛАГа, как Осип Мандельштам, не покончил счеты с жизнью, как Марина Цветаева. Он просто прожил свою жизнь, но прожил честно и талантливо. Что для времени, выпавшего на его долю, да и для любого времени, согласитесь, немало.

Примечание

Этот вариант очерка впервые опубликован в журнале «Будь в фокусе», 2011, №1.

Григорий Петров

Григорий Петров

«Вместо радости дали пьянство. Вместо религии – грубое суеверие…»

Сегодня имя священника Григория Петрова мало кому известно. Но в начале XX века оно было одним из самых громких. Князь Н.Д. Жевахов, товарищ обер-прокурора Св. Синода, вспоминая о нем, писал: «Многотысячная толпа молодежи сопровождала каждый его шаг; знакомства с ним искало как высшее общество, так и широкая публика; газеты были переполнены описаниями его лекций; издательство Сытина не жалело ни денег, ни бумаги для распространения его „сочинений“ в народе; фотографические карточки и портреты его красовались в витринах магазинов на Невском, и „общественная“ мысль была погружена в созерцание его облика, создавая ему славу».

Даже лишение сана, казалось, способствовало росту его популярности. Он стал ездить по Российской империи, читать лекции в губернских и уездных городах, его имя всё громче звучало на устах провинциальной интеллигенции. В 1911 году побывал он и в Челябинске, где его выступление привлекло внимание не только местных интеллектуалов, но и жандармерии.

Путь к славе

Кто же такой Г.С. Петров? В современных ему справочных изданиях он характеризуется как священник-публицист, проповедник, духовный писатель, профессор богословия, депутат II Государственной Думы.

Родился Петров 26 января 1867 года. В это время его родители жили в г. Ямбурге Санкт-Петербургской губернии. По всей видимости, с детских лет у Григория Спиридоновича проявились способности к наукам. Он окончил мужскую прогимназию в Нарве, что для выходца из крестьянского сословия было совсем неплохо. На этом, однако, его образование не завершилось. К 26-летнему возрасту он получил высшее богословское образование, последовательно окончив духовную семинарию, а затем и академию в Санкт-Петербурге. В 1893 году, по окончании учебы, Григорий Петров начал свою священническую службу в Михайловском артиллерийском училище в качестве преподавателя Закона Божия и настоятеля церкви при том же училище (в сан он был рукоположен еще во время учебы, в 1891 году). Обучаясь в семинарии, начал писать

статьи в периодические издания, стал очень скоро довольно известным духовным публицистом. В 1898 году увидел свет главный труд его жизни – «Евангелие, как основа жизни». Эта книга сделала священника Петрова по-настоящему знаменитым, ею зачитывались даже далекие от богословия люди. При жизни автора она неоднократно переиздавалась, выдержав двадцать изданий. Среди поклонников этой книги оказался и Максим Горький, в письме к А.П. Чехову писавший, что «в ней много души, ясной и глубоко верующей души…».

Когда Петров читал лекции, другие профессора отдыхали

Григорий Петров был популярен и как проповедник. Его сравнивали с Иоанном Кронштадтским, ныне канонизированным Русской православной церковью. При этом многие отдавали в этом сравнении пальму первенства Петрову. В отличие от «кронштадтского батюшки», стоявшего на ортодоксальных православных позициях, отец Григорий в своих воззрениях возвращался к раннему христианству, утверждая самоценность Евангелия как слова Божия. Церковь жаждала реформы, поэтому выступления Петрова выглядели революционными. Путь, предлагаемый им, должен был нравственно очистить православную церковь, освободить ее от чрезмерной зависимости от самодержавного государства.

В статье о священнике, опубликованной в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, в этой связи говорилось следующее: «Все сочинения Петрова резко отличаются от обычного типа произведений русских духовных писателей тем, что он повсюду выдвигает, в противовес внешней, обрядовой стороне христианской религии, ее внутреннее нравственное содержание; касаясь различных областей жизни современного общества, он подвергает ее беспощадной критике с точки зрения идеала праведной жизни, элементы которого он извлекает из евангельского учения. Его идеи имеют много точек соприкосновения с нравственной проповедью Льва Толстого. Тот же характер носят устные проповеди Петрова, пользующиеся не меньшей известностью, чем его печатные труды».

О том, какова была сила воздействия этого проповедника на людей, писал в своих воспоминаниях знаменитый российский государственный деятель С.Ю. Витте. Как основатель Петербургского политехнического института он часто бывал в этом учебном заведении, интересовался его материальным положением, посещал лекции. Однажды, прибыв в институт, он

спросил у его руководителей, какую лекцию мог бы послушать. На это ему ответили, что лекции читает один Петров. «Я сказал, что совсем не хочу идти на богословие, а хочу слушать какую-нибудь лекцию по механике или физике», – вспоминал Сергей Юльевич, но ему разъяснили, что «когда Петров читает свою лекцию, тогда никто больше не читает, потому что все студенты, бросив другие лекции, идут слушать Петрова». Витте ничего не оставалось, как присоединиться к слушателям. Свои впечатления он изложил в воспоминаниях: «Я пошел на лекцию Петрова; он читал лекцию по богословию, причем читал ее так увлекательно, что не только все студенты, но и все профессора, а также и я, были просто увлечены его манерой чтения. Это положительно одна из самых лучших лекций, которую я когда-нибудь в жизни слушал».

Отлучение

Конечно, далеко не всем нравились выступления священника Петрова. Особенно жесткой критике он подвергался со стороны церковной иерархии, против которой в большей своей части и был направлен пафос его критики. Уже цитировавшийся князь Жевахов в противовес Витте, видевшему в священнике Петрове «человека с громадными дарованиями», считал, что «Григорий Петров – человек неумный, необразованный… типичный „оратор“, умевший трескучими фразами прикрыть свое скудоумие». Такого человека, «одурманенного славой», посягнувшего на «исконные верования русского народа», по мысли Жевахова, безусловно, следовало удалить от церкви и лишить возможности проводить антицерковную пропаганду. В начале XX века Св. Синод предпринял активные шаги в этом направлении. В 1903 году Григорий Петров был уволен с должности преподавателя и настоятеля храма в Михайловском артиллерийском училище. В 1906 году была закрыта редактируемая им газета «Правда Божия». Против него было возбуждено несколько церковно-судебных разбирательств.

В ответ на это Г.С. Петров обратился с письмом к одному из уважаемых церковных иерархов, митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому), первенствующему члену Св. Синода. В письме он предельно честно изложил свои взгляды на современное ему состояние православной церкви. Среди многих горьких слов, написанных в этом письме, есть и такие: «Цари смотрят на государства как на свое поместье. На народы – как на свои стада. Не сами служат населению, а требуют от народа службы себе. Вместо воли народа стремятся поставить

свои желания, капризы, часто безудержную блажь. И за всё это берут с народов на свои дворцы ежегодно чудовищные миллионы, собранные грошами с обнищалого населения. И такое положение вещей считается законным, вошло в нравы. Наоборот, требование народами от царей уважения к правам населения признается чем-то преступным, безжалостно подавляется и карается… Захватили у низших классов всё: богатство, власть… даже религию. Сделали последнюю своею служанкою. А массам народа оставили нищету и невежество. Вместо радости дали пьянство. Вместо религии – грубое суеверие. И труд. Каторжный, неблагодарный, не знающий отдыха труд».

Безусловно, подобные взгляды священника были несовместимы с его пребыванием в рядах конфессии, считавшейся оплотом самодержавной власти. Церковь не могла справиться с иереем-бунтовщиком. Ссылка в Иоанно-Богословский монастырь в Лужском уезде «на клиросное послушание» лишь обострила конфликт Григория Петрова с руководством РПЦ, а потому в 1907 году ему было запрещено служить церковные службы, а в 1908 году он был лишен и иерейского сана. В 1907 году Григорий Петров был избран депутатом Государственной Думы. Лишение сана не дало ему возможности заняться политической деятельностью в составе кадетской фракции, к которой он принадлежал. В течение семи лет ему было запрещено посещать Санкт-Петербург и Москву. Оставалась журналистская и лекционная деятельность, чем бывший священник и занялся.

Челябинские жандармы о выступлениях Петрова

После лишения сана Г.С. Петров жил в Финляндии, в Крыму. Активно сотрудничал с газетой «Русское слово». Совершил множество поездок по стране. В Челябинске побывал дважды.

23 и 24 октября 1911 года он выступил здесь в «Новом клубе» на Саде-острове с лекцией «Литература и жизнь», а после возвращения из Тюмени, 1 ноября того же года, – в Народном доме с лекцией «Идейная пустота в современной литературе».

Лекции привлекли многочисленную публику, в основном интеллигенцию и молодежь. По долгу службы присутствовали на лекциях и челябинские жандармы, тщательно законспектировавшие выступления бывшего священника. И как это ни парадоксально, именно благодаря им мы можем сегодня узнать, что говорил Г.С. Петров, выступая в Челябинске. «По содержанию своему лекция не имела ничего общего с намеченной темой („Литература и жизнь“. – *Прим, авт.)»,* – отмечал жандарм-

рецензент. Однако все приводимые им примеры говорили об обратном. Лектор пытался показать, каким образом русская литература, вплоть до последнего времени бывшая «крайне ограниченной», стала первой из первых. Жандармские документы сохранили такой, например, пассаж Петрова: «Гёте слышал и шелест листьев, и шум травы», но «не слышал стона народа, изнывающего от всяких невзгод, цепей и палачей – и вот этот-то стон и вылился в произведениях современной литературы».

Григорий Петров утверждал, выступая в Челябинске, что в России «до тех пор не будет проявления свободной мысли и дела, пока народ не перестанет бояться каждого мундира или почтительно снимать шапку издали пред встретившейся кокардой». Его речь изобиловала афоризмами, и жандармы их с удовольствием воспроизводили. Так, говоря о роли интеллигенции в деле освобождения народа, он отмечал, что она (интеллигенция) часто пасует перед первым же препятствием – «замыслы орлиные, а крылья куриные, и дальше забора или навозной кучи мы подняться не можем». Аллегорически рисуя состояние России после первой русской революции, Григорий Петров отмечал, что позитивных изменений в жизни страны не будет, «пока народ не получит, не добудет полной свободы, пока народный корабль, шедший было к свободному выходу и севший на мель на пути к прогрессу, не будет сдвинут народом с этой мели».

Значительная роль в этом движении к свободе, по мнению лектора, принадлежала молодежи.

Челябинские реалисты и гимназистки, сидевшие позади Петрова на специально предоставленных им местах, несколько смущались отводимой им ролью, но в целом лекции прошли с очевидным успехом.

После революции

Падение царизма в феврале 1917 года вызвало в стране небывалую эйфорию. Манифестации, митинги, «свободные съезды духовенства и мирян». Вспомнили и о тех, кто пострадал при прежнем режиме. Имя Григория Петрова называлось в числе первых. С идеей реабилитации Г.С. Петрова и возвращения ему сана выступал на 1 – м съезде духовенства и мирян Челябинского викариатства священник В.М. Демидов, заявивший, что «Г. Петров своими проповедями, лекциями и книжками зажег священный огонь веры в тысячах русских полумертвых христиан и побудил многих молодых идеалистов пойти в народ на трудный подвиг иерейского пастырства». По предложению Демидова в адрес

Григория Петрова была направлена от имени съезда приветственная телеграмма, в которой челябинское духовенство выражало ему свое сочувствие и желало «видеть его в своей среде, как служителя великим заветам Христа, – если к тому не встречается препятствий канонического характера». Первый Поместный Собор РПЦ, прошедший в 1917–1918 годах, не нашел таких препятствий и вернул Г. С. Петрову священнический сан.

Однако Октябрьскую революцию Григорий Спиридонович не принял, эмигрировал в Сербию (1920), а затем во Францию. Читал лекции, писал статьи и книги, жил обычной своей жизнью, но вдали от России, от своей Родины, которую мечтал видеть свободной и сильной.

18 июня 1925 года его не стало, тело было кремировано, а прах вывезен первоначально в Сербию, а затем в Германию.

Его останки нашли свой вечный покой в Мюнхене на кладбище Остфридхоф.

Примечание

Очерк впервые опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 15 сентября 2006 года.

Надежда Плевицкая

Портрет Надежды Плевицкой работы Ф. Малявина. 1924

Курский соловей

Начало XX столетия нередко называют серебряным веком русской культуры. Литература, живопись, музыка переживали в те годы блистательный подъем и расцвет. Перечисление одних имен, воссиявших в те годы, заняло бы значительное время; притом что на вопрос, почему случился этот звездный час русской культуры, не ответит, наверное, никто. Возможно, это было связано с пограничным состоянием эпохи и почти физическим ощущением грядущих перемен, которым жило русское общество, а может быть, с тем, что деятели отечественной культуры вдруг уловили возможность единовременного синтеза и новомодных западных течений (например, символизм или футуризм), и традиционных восточных мировоззренческих систем (вспомним хотя бы Николая Рериха). В то же время не остались забытыми и свои, российские корни.

Именно в начале XX века по-новому удалось взглянуть на древнерусскую икону, а в музыке – на народную песню. Последняя в этот период звучала в великолепном исполнении Федора Шаляпина, Анастасии Вяльцевой и Надежды Плевицкой, которую современные справочники и словари характеризуют как «основоположницу исполнительского жанра народной песни» в России и сообщают, что ею было собрано, обработано и исполнено около восьмисот народных песен. Благодаря ей стали известными такие песни, как «Раскинулось море широко», «По диким степям Забайкалья», «Ухарь-купец», «Помню, я еще молодушкой была…» и другие, перепетые в советское время Лидией Руслановой и другими исполнителями.

Будущая певица Надя Винникова или, как ее называли близкие, Дёжка родилась в 1884 году в Курской губернии в семье отставного солдата, занимавшегося крестьянским трудом. Более точной даты ее рождения мы назвать не можем, так как в различных источниках содержатся противоречивые сведения. Днями рождения Надежды Плевицкой называются 7 и 28 сентября и даже 17 января.

В семье Винниковых было двенадцать детей, а выжили пятеро. Как писала певица в своих воспоминаниях: «Прочие волей Божьей померли». После рано последовавшей смерти отца мать решила отдать юную Дёжку в монастырь, тогда подобным образом поступали многие. Бедные родители отдавали своих детей на воспитание, послушницами. Однако девушка проявила характер и, сбежав из Троицкого монастыря в Курске, стала выступать в бродячем цирке-шапито, готовясь стать

канатоходкой. Нашедшие ее родственники посчитали это занятие недостойным для девушки и отправили Дёжку к старшей сестре в Киев, где Надежда Винникова начала петь в хоре Л. Липкина, одновременно при этом обучаясь и пению. Хор вскоре распался, и Надежда поступила в польскую балетную труппу Штейна, где познакомилась с бывшим танцором Варшавского казенного театра Эдмундом Плевицким, за которого в 1902 году вышла замуж.

Вскоре молодожены стали выступать самостоятельно, при этом Эдмунд взял на себя обязанности администратора, готовил и подписывал контракты, а Надежда выступала как певица, исполняя крестьянские и казачьи песни, романсы. Выступления Плевицкой проходили в различных местах. В Нижнем Новгороде ее пение впервые услышал и высоко оценил знаменитый певец Леонид Собинов, в одном из своих интервью назвавший ее «ярким талантом-самородком» и организовавший в 1909 году концерт Плевицкой в Большом театре, где она выступила наравне с оперными певцами. Понравилось ее пение и Федору Шаляпину. «Помогай тебе Бог, родная Надюша, пой свои песни, что от земли принесла, у меня таких песен нет, я – слобожанин, не деревенский», – сказал ей великий певец. Так пришла слава.

В 1911 году она получила контракт на сорок концертов по всей Российской империи, стала записываться на грампластинки. На нее обратил внимание даже император Николай II, перед которым ей неоднократно доводилось петь. Вспоминая о своей первой встрече с императором, певица писала: «Я пела много. Государь был слушатель внимательный и чуткий. Выбор песен был предоставлен мне, и я пела то, что было мне по душе. Спела я и песню революционную про мужика-горемыку, который попал в Сибирь за недоимки. Никто замечания мне не сделал. Он слушал меня, и я видела в царских глазах свет печальный. Когда Государя уже провожали, Он ступил ко мне и крепко и просто пожал мою руку: „Спасибо вам, Надежда Васильевна. Я слушал вас сегодня с большим удовольствием. Мне говорили, что вы никогда не учились петь. И не учитесь. Оставайтесь такою, какая вы есть. Я много слышал ученых соловьев, но они пели для уха, а вы поете для сердца. Самая простая песня в вашей передаче становится значительной и проникает вот сюда“. Государь слегка улыбнулся и прижал руку к сердцу».

Анализируя в последующем истоки популярности Плевицкой, музыковеды пришли к выводу, что ее творчество стало альтернативой звучавшему со сцены до нее салонно-театральному исполнению русских песен и цыганскому романсу. Плевицкая пела русские песни так, как пел их простой народ, перенимая соответствующую манеру пения, и нередко давала на

концерте слушателю информацию о том, где и при каких обстоятельствах исполнялась та или иная песня. У нее появились горячие поклонники, которые яростно отстаивали то направление в исполнении народной песни, которое привнесла на эстраду Плевицкая. Вот что писал, например, в начале XX столетия театральный критик А. Кугель: «По мне… не считайте Плевицкую певицей, отрицайте у нее голос – не все ли равно? Дело в том, что она чарующе прекрасно сказывает народные песни и былины… и я вижу, чувствую „калужскую дорогу“ с разбойничками, и словно обоняю братину зелена вина, которую пьет не перепьет ухарь-купец. Песни Плевицкой для национального самосознания и чувства дают в тысячу раз больше, чем все гунявые голоса гунявых националистов, взятых вместе».

В 1914–1915 годах певицу настиг кризис, начавшийся с влюбленности в поручика Кирасирского полка В. А. Шангина, а завершившийся разводом с Плевицким, бывшим более десяти лет для нее основной опорой в жизни. Нечаянно нагрянувшая любовь не принесла Плевицкой счастья. Шангин в январе 1915 года погиб на фронте, и Плевицкая осталась одна, находя утешение в работе. Она много гастролирует по стране. Челябинцам довелось видеть певицу дважды.

Первый раз она выступала 24 апреля 1914 года в Народном доме еще с Э.М. Плевицким, аккомпаниатором А. Заремой и балериной М.Д. Арто. В отклике на ее концерт рецензент газеты «Голос Приуралья» писал: «Голосовые средства госпожи Плевицкой неважны, но тем замечательнее впечатление, производимое ею. Исполнение народных песен с сохранением особенностей говора (в большинстве Курской губернии) отличается тонкой рельефной выразительностью, которая равно превосходна, как в трагических песнях („По старой Калужской дороге“), так и в песнях с юмористическим бытовым содержанием („Как на горе калина“, „Хмель ты, мой хмель“), свадебных и др. Во всех песнях красиво выстраивается задушевность чувства. Танцы г-на Плевицкого и г-жи М.Д. Арто, отличавшиеся пластичностью, производят приятное впечатление. Публики было много, и она восторженно встречала госпожу Плевицкую и требовала повторений».

Во второй раз певица оказалась в нашем городе уже после февральской революции. На сей раз ее единственный концерт состоялся 12 апреля 1917 года в Клубе железнодорожного собрания. Челябинская газета «Союзная мысль» в те дни сообщала: «Н.В. Плевицкая исполнит старые и новые излюбленные публикой романсы, а также и вновь записанные на фронте песни». Концерт начался в половине девятого вечера.

Билеты можно было приобрести в писчебумажном магазине Прокопия Иванова на Уфимской улице (в этом здании до его сноса находился впоследствии кинотеатр «Октябрь»). «Н.В. Плевицкая собрала полный сбор. Публика хорошо принимала концертантов и особенно концертантку». Более всего понравилась челябинцам в исполнении Плевицкой песня «Лучина, лучинушка». В то же время рецензент, скрывшийся за псевдонимом БЕМ, не жалел черной краски, описывая свои впечатления от концерта, наивно полагая, что знаменитой певица стала «по отношению к ней низложенного императора Николая Романова».

Разразившаяся Гражданская война поначалу не очень сказалась на жизни певицы. Она с успехом пела как для белых, так и для красных. Но в 1919 году Плевицкая попала в плен к деникинцам и выехала вместе с ними в Турцию, где сблизилась с молодым генералом Н. Скоблиным, имевшим славу отважного боевого офицера и награжденным георгиевским оружием «За храбрость». В 1922 году молодожены переехали в Париж, купив небольшой дом в его предместье.

Плевицкая много гастролировала там, где проживали более или менее значительные группы русских эмигрантов: Берлин, Белград, София, Бухарест. В 1926 году с большим успехом прошли ее выступления в Нью-Йорке. Здесь она встретилась со знаменитым композитором и музыкантом Сергеем Рахманиновым. Он записал вместе с ней в качестве аккомпаниатора некоторые песни на грампластинки (например, известную песню «Стенька Разин»), сделал для Плевицкой несколько обработок ее песен (например, обработку песни «Белелицы, румяницы»).

Еще до революции Плевицкая стала выступать на концертах в костюме крестьянки Курской губернии. В эмиграции ее сценический костюм стал символом народного, русского. Выступая перед людьми, потерявшими Родину, она как бы временно восполняла эту потерю, возвращая их душам ее ощущение, сквозь грустные и веселые русские народные песни. Нередко концерты Плевицкой заканчивались песней «Замело тебя снегом, Россия», слушая которую, по свидетельствам очевидцев, многие из присутствовавших не могли сдержать слез.

В 1937 году Плевицкая была арестована в Париже по делу похищения видного деятеля РОВС (Русский общевоинский союз) генерала Е.К. Миллера. Основным фигурантом в этом деле был Н.В. Скоблин, муж Надежды Васильевны, оказавшийся агентом НКВД и сумевший скрыться. Сама же певица была названа соучастницей похищения. Для многих эмигрантов это стало

настоящим шоком, так как Плевицкая для них олицетворяла собой память об ушедшей России. Этим и объяснялся тот широкий резонанс в эмигрантских кругах, который вызвало это событие.

Плевицкую поместили в Реннскую тюрьму под Парижем, где в 1940-м (а по другим сведениям в 1941 году) она умерла от гангрены, лишившись одной ноги.

Споры о ее вине продолжаются до сего дня. Стала ли Надежда Плевицкая жертвой любви и вынужденных обстоятельств или же действительно была агентом Сталина? Этот вопрос долгие годы не давал покоя историкам эмиграции. В настоящее время связь Плевицкой с НКВД доказана. В журнале «Родина» (2006, № 3) опубликована фотокопия расписки Плевицкой, в которой она заявляет о своем сотрудничестве «с разведкой Красной Армии». Небезынтересно, что среди тех, кто завербовал Скоблина и Плевицкую, был бывший штабс-капитан Петр Георгиевич Ковальский (агентурные клички – Сильвестров, Ёж), после возвращения в Советский Союз работавший некоторое время в Челябинске бухгалтером в Тресте по выпечке хлеба, а в 1937 году репрессированный в Донецкой области. Что подвигло певицу к сотрудничеству с разведкой Советской России, приведшему ее к гибели: корысть или ностальгия, – сказать трудно. Ясно одно: Надежда Плевицкая была и остается одной из наиболее значимых исполнительниц русской народной песни.

В 1995 году ее имя было присвоено одной из малых планет солнечной системы. И сегодня, запрокинув голову в звездное небо, вы можете быть уверены, что где-то там, среди мириад светящихся точек, есть одна, носящее имя Надежды Плевицкой, великой певицы с непростой судьбой, чьи песни, сохраненные благодаря грамзаписи, звучат для нас и сегодня.

Примечание

Впервые очерк опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 16 июня 2006 года.

Иван Поддубный

Иван Поддубный

Русский богатырь Иван Поддубный

До 1917 года его называли «гордостью Российской империи», после революции – «чемпионом чемпионов». Слава спортсмена была необыкновенной. Его знали и в далекой Америке, и в глухой российской деревеньке. Шестикратный чемпион мира по борьбе, заслуженный мастер спорта, заслуженный артист РСФСР Иван Максимович Поддубный (1871–1949) прожил долгую, насыщенную событиями жизнь, обросшую множеством мифов и легенд. Надо сказать, что за свою долгую спортивную карьеру легендарный атлет ни разу не оказался на лопатках.

Богатырь из рода богатырей

Родился Иван Поддубный на Украине, в селе Красёновка (ныне – Чернобаевского района Черкасской области), 26 сентября 1871 года. Отец его Максим Иванович был хлебопашцем и отличался большой физической силой. По воспоминаниям очевидцев, легко кидал на телегу пятипудовые мешки и соперников почти не имел. В 1940 году И.М. Поддубный, находясь в Челябинске, рассказывал корреспонденту местной газеты: «Мой отец Максим Иванович Поддубный, крестьянин Полтавской губернии, отличался феноменальной, прямо-таки сказочной силой. Он был много сильнее меня…» Это подтверждали и другие члены семьи Поддубных. Так, сестра знаменитого борца Евдокия Максимовна говорила Д. А. Жукову, одному из биографов атлета: «Тильки батя наш, Максим Иванович, був его сильнее». Мать Ивана Поддубного – Анна Даниловна – происходила из старинной казачьей семьи Науменко. Среди представителей этой семьи также было немало людей физически крепких и сильных, были и долгожители. Отец Анны Даниловны, если верить семейным преданиям, прожил 125 лет. Всего у Максима и Анны Поддубных было семеро детей – четыре сына и три дочери. Иван был первенцем.

Среди односельчан борца долгие годы ходила легенда, будто во время своего крещения младенец вырвался из рук и упал в купель. Священник, совершавший обряд, сказал: «Поздравляю вас, миряне, с сильным богатырем». Мог ли кто тогда подумать, что местный поп в полной мере угадает судьбу младенца? А между тем Иван рос и год от года становился крепче и сильнее. Сестра Евдокия Максимовна вспоминала: «Ванюшу в двенадцать рокив (лет. – *Прим, авт.*) уже все боялись. Его толкнут, а он подывится, всем туловищем повернется, и – „не лизь“».

С детских лет Иван помогал отцу в крестьянском труде, физически креп. Повзрослев, переехал в Севастополь, где устроился работать грузчиком в порту. Здесь он впервые удивил окружающих своими незаурядными физическими данными. Однажды потребовалось погрузить на баржу лошадь, но она, боясь воды, всеми силами противилась этому. Ни кнут, ни ласка не помогали. Неожиданно для всех около упрямой лошади оказался крепкий молодец, который подлез под нее и перенес на баржу. Слухи о необыкновенно сильном грузчике, а им был Иван Поддубный, быстро распространились по Крыму.

В 1895 году Поддубный перебрался в Феодосию, где стал рабочим в фирме «Ливас». В 1896 году туда приезжает на гастроли цирк Бескоровайного. В программе значились и выступления атлетов, которые гнули подковы и металлические прутья, поднимали тяжести, боролись. Иван Поддубный пришел на одно из цирковых представлений и решил принять в нем участие. О том, что из этого вышло, он вспоминал в 1940 году в Челябинске: «Я вызвался соревноваться с ними (атлетами. – *Прим, авт.*), но потерпел тяжелый для моего самолюбия провал. Конечно, это объяснялось тем, что о технике поднятия тяжестей я имел весьма слабое представление. Однако в борьбе я был счастливей, и мне удалось побороть одного за другим всех борцов за исключением Янковского, три схватки с которым завершились вничью».

Знакомые и друзья уговорили Ивана Максимовича серьезно заняться спортом. И, несмотря на то что лет ему уже было многовато, он решил попробовать. Бросил курить, перестал употреблять спиртное и активно начал тренироваться. Бег, прыжки, поднятие тяжестей, обливание холодной водой, правильное питание… С 1897 года Иван Поддубный выступает в составе труппы борцов в цирке Труцци, а затем – в цирке Никитина. С 1903 года, специализируясь на французской борьбе, он быстро занимает в ней лидирующие позиции, побеждает на чемпионатах страны, и его имя становится широко известным.

Как Поддубного «заказали»

В 1903 году по предложению графа Г.И. Рибопьера, спортсмена и мецената, возглавлявшего Санкт-Петербургское атлетическое общество, Поддубный приехал в Петербург, где ему было предложено начать подготовку к чемпионату мира по французской борьбе. Участие в нем сразу же определило Ивана Максимовича в число крупнейших спортсменов планеты. Сила русского борца была очевидной: в одиннадцати поединках он

одержал победу, и только в одном (с любимцем французской публики ле Буше) ему было присуждено поражение по очкам, хотя в нарушение правил французский спортсмен смазывал тело прованским маслом, вследствие чего легко уходил от захватов.

Поддубный жаждал матча-реванша, но хитрый француз, чувствовавший силу русского спортсмена, категорически отказывался. Вернувшись в Россию, Поддубный доказал, что среди российских спортсменов он не знает себе равных. Среди побежденных им атлетов – знаменитые Шемякин, Лурих, Янковский.

В 1904 году в цирке Чинизелли в Петербурге прошел международный чемпионат по французской борьбе, на который приехали выдающиеся борцы Поль Понс, Никола Петров и особенно ожидаемый Поддубным Рауль ле Буше. Победителем стал Иван Поддубный. Реванш состоялся, что чрезвычайно огорчило чемпиона Франции, который решил расквитаться с ненавистным ему русским спортсменом, но не на спортивном ковре.

Спустя годы Иван Поддубный вспоминал: «В начале лета 1905 года я находился во французском городе-курорте Ницце, участвовал в двухнедельном чемпионате. Как-то вечером, после выступления в цирке, я зашел в один заштатный ресторанчик, где и раньше питался, подкрепиться. Наскоро поужинав, я собрался уходить к себе на дачу. Но не успел шагнуть на порог, как дорогу мне преградили четыре подозрительные и мрачные физиономии. Дюжие парни стали говорить, что, мол, русский борец много зарабатывает и мог бы угостить бедных людей шампанским. Я заметил, что у каждого из парней в рукавах рубах спрятано по ножу, и понял, что они хотят крови, а не шампанского. Я был безоружен и решил действовать хитростью: стал держаться с парнями „по-дружески“. – Хорошо, друзья мои, – сказал я. – Вижу, что вы славные ребята, я чувствую к вам симпатию и угощу вас коньяком и шампанским. Приглашаю вас к себе на дачу, живу один без прислуги. Парни загадочно переглянулись. Двое из них остались на месте, двое пошли за мной. По дороге я встретил знакомого помещика Долинского, приехавшего в Ниццу из Киева, и кивком головы показал на следовавших за мной парней. Долинский сразу же повернул к полицейскому участку. По приходе на дачу я оставил парней у двери, сказав, что зажгу свет. Я моментально вытащил из-под матраца револьвер и распахнул дверь. Парни опешили. Сзади них стояли Долинский и два полицейских».

Поддубному удалось узнать имя заказчика, им оказался не кто иной, как Рауль ле Буше. Вскоре после этого случая Рауль

скончался от воспаления мозга. Выяснилось, что за убийство Поддубного он обещал большие деньги, но после того, как попытка не удалась, платить отказался. Нанятые им наемники подкараулили его в темном переулке и резиновыми палками жестоко избили. Ле Буше заболел и вскоре умер.

А Иван Поддубный продолжил свое победное шествие, завоевывая одно чемпионское звание за другим. В шести чемпионатах мира он был победителем, и это не считая многих престижных турниров в разных странах планеты. К 1910 году вес завоеванных им наград составлял два пуда!

Приз от Нестора Махно

В 1910 году Поддубный решил оставить спорт и заняться хозяйством. Купил в окрестностях села, где когда-то родился, землю, две мельницы, коляску. Женился. Однако помещика из него не получилось. Через пару лет он разорился и в 1913 году вновь вышел на борцовский ковер. Чтобы быть в форме – много тренировался, часто выступал в поединках. Вернулась восторженная публика, призы, дававшие материальное благополучие. Соперники нервничали и боялись. Вот лишь одна оценка, данная Поддубному в 1917 году одним из известных борцов начала XX века И.В. Лебедевым (по прозвищу «Дядя Ваня»): «Страшен… не только для русских, но и для всех заграничных борцов: не бросит, так поломает».

Смутное время революций и гражданской войны Поддубный переживал тяжело. Канула в лету мечта об обеспеченной старости. Зарабатывать на самое необходимое – на «хлеб насущный» – приходилось борьбой, а ведь ему уже было почти пятьдесят лет. Поддубный разъезжал по стране, попадал в переделки. В Житомире его чуть не пристрелили пьяные анархисты, а в Одессе – местные чекисты, но спасала былая популярность: в последний момент его узнавали и отпускали.

Уже упоминавшийся Д.А. Жуков в своей книге описывает встречу Ивана Поддубного с махновцами. В окружении батьки был некий Грицко, обладавший большой физической силой. Напутствуя воина на борьбу с одним из коллег Поддубного, адъютант Махно передал ему следующие слова батьки: «А еще наш атаман батько Махно велив сказать тебе, Грицку, що ежели ты, шельма, не покладёшь этого актёрщика на лопатки, он собственноручно пристрелит тебя, як собаку». Ропот пошел среди борцов. Риск быть расстрелянным при любом результате борьбы был велик. И.В. Лебедев («Дядя Ваня») решил не обострять событий и стал наставлять Стецуру, борца, который должен был

противостоять Грицко: «Надо красиво провести игру. Подвалишься на десятой минуте. А то еще стрелять начнут…» Через десять минут Махно уже жал руку победителю и говорил, довольный: «Теперь я вижу, что ты любого из этих борцов заткнешь за пояс. Верно?» Грицко не скромничал и отвечал, что не найдется среди присутствующих такого, кого бы он не распял, как Иисуса Христа. Но такой нашелся, и им, конечно же, был Иван Поддубный, который не только заявил о своем желании опровергнуть утверждения Грицко, но и через несколько минут бросил его на помост с такой силой, что у махновца пошли перед глазами черные круги. Махно радостно хлопал в ладоши, а его адъютант, обращаясь к собравшимся, оглашал решение батьки: «Батько Махно великодушно прощает Грицкови его поражение, позаяк вин каже, що треба маты не тилько волячу силу, но и разуметь всякую технику. Батько Махно велив Грицкови завтра чистыты нужники, а актёрщикам выдать из склада Милевича двадцать бутылок вина, пять килец ковбасы и три хунты керенок (т. е. три фунта керенок, 1 фунт – 400 грамм. – *Прим, авт.*). На етом концерту закрываем. Р-р-разойдись!» Нестор Махно подошел к Поддубному, достал из кармана пачку ассигнаций и, отдавая ее борцу, сказал: «Это тебе мой личный приз. Так сказать, от почитателя и любителя искусства».

На арене цирка

С 1922 года И.М. Поддубный был принят на работу в московский, а затем в петроградский госцирк. Побывал с гастролями в Америке, Европе, исколесил всю страну. Выступал на арене цирка до 1941 года. И как выступал! Видевшие его в то время вспоминали, что он ничем не напоминал старца. Так, известный скульптор Е.В. Вучетич, автор мемориалов на Мамаевом кургане и памятника советским солдатам в Трептов-парке в Берлине, видевший Поддубного в середине тридцатых годов, писал: «Это был громадный человечище, колоссальной физической силы, богатырь воистину. Он меня поразил своими размерами».

В ходе своих поездок Иван Максимович Поддубный дважды выступал и в челябинском цирке – в марте 1937 года и в марте – апреле 1940 года, каждый раз находясь в нашем городе довольно продолжительное время. Можно без всяких натяжек говорить о том, что более месяца его цирковой жизни прошло в Челябинске. Челябинцы первыми поздравили его с 40-летним юбилеем спортивной деятельности. Из нашего города он убыл в Москву, где торжественно была отпразднована эта памятная дата, а

спортсмены «Спартака» на Всесоюзном параде физкультурников, состоявшемся в те дни, даже торжественно пронесли Ивана Максимовича на руках через Красную площадь. Спустя три года спортсмен вновь приехал в Челябинск. В интервью, данном им в те дни газете «Челябинский рабочий», он говорил: «Сейчас мне 69 лет. 42 года из них я провел на арене. За эти годы ни одному борцу не удавалось положить меня на обе лопатки». В первой же схватке на арене челябинского цирка знаменитый борец на пятой минуте одержал убедительную победу.

Казалось, что время не властно над ним. Но спустя два года заболело сердце, и врачи запретили выходить Поддубному на арену. 12 мая 1941 года в Тульском цирке состоялись его прощальные выступления. Он поселился с женой в Ейске на берегу Азовского моря и, казалось, мог в достатке (правительство установило ему пожизненную пенсию) и спокойствии доживать свой век. Но судьба вновь распорядилась по-своему. Началась война. Ейск захватили фашисты. Чтобы прокормить близких, старый спортсмен вынужден был служить маркером в городской биллиардной. После освобождения Ейска (1943) совершал

поездки по стране, отвечал на письма поклонников, подписываясь «Русский богатырь Иван Поддубный».

Прошли годы. Уже более полувека его нет на этой земле (8 августа 1949 года он умер от инфаркта), но и сегодня кто ж не знает Ивана Поддубного? Его имя – часть нашей истории.

Примечание

Впервые очерк опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 28 июля 2006 года.

Сергей Прокофьев

Портрет Сергея Прокофьева работы З. Серебряковой. 1926

«Музыку, прежде всего, надо писать большую…»

Судьба композитора и музыканта Сергея Прокофьева ярка и необычна. Уже в шесть лет он сочинял циклы фортепианных пьес, а в тринадцать был принят в Петербургскую консерваторию. Его творчество стало одной из культурных вершин минувшего столетия. Конкретизируя задачи, стоящие перед композиторами в XX веке, он отмечал: «Музыку, прежде всего, надо писать большую, т. е. такую, где замысел и техническое выполнение соответствовали бы размаху эпохи». И писал, и соответствовал, и стал классиком. При этом Прокофьев не был популистом, как сказали бы сегодня. У неподготовленного слушателя его произведения не вызывали упоительной дремы, от них у него болела голова. Композитору нравоучительно говорили, что он «должен считаться с тем фактом, что в Советском Союзе с музыкой соприкасаются миллионные массы, которые раньше были вне ее, или в слабом соприкосновении с ней», и призывали «позаботиться» об этих «новых кадрах». Он не заботился. Как-то на встрече со слушателями у него спросили, почему он не так популярен, как композитор Исаак Дунаевский, на что Прокофьев ответил: «У него же совсем другая профессия».

Как для любого творческого человека, для Прокофьева было важно, чтобы его знали и слушали, но жертвовать ради этого своим видением музыки, а тем более ее уровнем он был не намерен. Число поклонников он расширял, осуществляя насыщенную гастрольную деятельность. В 1935 году, в ходе большого концертного тура по СССР, Сергей Прокофьев посетил и Челябинск.

Из вундеркиндов в гении

Родился будущий композитор 11 апреля 1891 года на Украине, в селе Сонцовка Екатеринославской губернии (ныне село Красное Донецкой области). Его отец Сергей Алексеевич был агрономом из мелкопоместных дворян, а мать Мария Григорьевна (урожденная Житкова) – пианисткой. Мать часто играла на фортепиано, так что Сергей Прокофьев соприкоснулся с музыкой уже с первых лет жизни. Как вспоминал сам Прокофьев, музыкальные склонности у него проявились рано («года в четыре»). Мать, играя в среднем регистре, разрешала малолетнему сыну поупражняться в верхней октаве. По мнению

композитора, этот «довольно варварский ансамбль» оправдал себя. У маленького Сережи появился интерес к инструменту, он стал подходить к нему самостоятельно, а мать пользовалась случаем обучать его. По прошествии нескольких месяцев будущий композитор стал подбирать некоторые пьесы, а когда ему шел шестой год, сочинил собственную, названную им «Индейский галоп». Вскоре педагогические труды Марии Григорьевны были вознаграждены сполна. Ее сын сочинил марш для игры в четыре руки, значительно более сложный, так как сочинитель должен был не только подбирать мелодию, но и держать в памяти партию еще для двух рук, добиваясь ансамблевого звучания произведения.

Нельзя сказать, что в детстве Сергея Прокофьева ничто, кроме музыки, не увлекало. В число его интересов также входили математика и астрономия, а в 1898 году он освоил шахматы, с удовольствием в них играл и добился неплохих результатов.

В 1900 году Сергей Прокофьев вместе с родными побывал в Москве, где впервые услышал оперу. «Фауст» Шарля Гуно и «Князь Игорь» Александра Бородина настолько овладели сознанием девятилетнего мальчика, что, вернувшись в Сонцовку, он засел за рояль с твердым намерением сочинить что-нибудь подобное, и в 1901 году им была написана опера «Великан». Конечно, будучи пианисткой, мать понимала, что у ее сына безусловный музыкальный дар, а потому решила показать его специалистам. 23 января 1901 года его прослушал маститый композитор Сергей Танеев, записавший в своем дневнике, что у 10-летнего Сережи Прокофьева «выдающиеся способности» и «абсолютный слух». От него же пришла и первая профессиональная помощь. Он объяснил молодому дарованию, как пишутся партитуры, и нашел учителя – композитора Р.М. Глиера, который два лета (1902 и 1903 годов) прожил в семье у Прокофьевых. В 1904 году Мария Григорьевна Прокофьева совершила очередной судьбоносный для будущей жизни сына шаг: вопреки позиции отца она повезла Сергея в Петербург, где он держал экзамены в консерваторию. Сам Прокофьев вспоминал про это так: «Я вошел, сгибаясь под тяжестью двух папок, в которых лежали четыре оперы, две сонаты, симфония и довольно много фортепианных пьес. „Это мне нравится!“ – сказал Римский-Корсаков, который вел экзамен». 13-летний юноша был принят в главную консерваторию страны.

Рост Прокофьева как композитора происходил в сложных условиях войн и революций, в период, когда русская культура искала новый выразительный язык и изобиловала новыми течениями и направлениями. Безусловно, молодой человек

испытывал на себе влияния современной культуры. Тем не менее у него было ощущение собственного стиля и масштаба своего дарования. Понимая, что кому много дано, с того многое и спросится, он без устали каждодневно работал. При этом обладал отнюдь не простым характером. С детских лет привыкший к восхищенным взглядам, Прокофьев, как вспоминала Н.А. Кривошеина, знавшая его до отъезда за границу, превратился в эгоцентрика и «был уверен, что всё для него, а если что и не дается, то тем хуже, сами потом жалеть будут!» В последующем эта черта характера во многом ему навредила, неумение или нежелание почувствовать ближнего приводило к разрывам с людьми талантливыми и яркими, к тому же хорошо к нему относившимися. Характерен в этой связи конфликт между Прокофьевым и Д.Д. Шостаковичем, произошедший в доме писателя А.Н. Толстого. Послушав фрагмент концерта для фортепиано с оркестром Шостаковича, написанный им совсем недавно, а теперь исполненный, Прокофьев, не особенно задумываясь о последствиях, заявил, что услышанное «по форме довольно незрелое, и… небезупречно с точки зрения хорошего вкуса». Шостакович воспринял это заявление как оскорбление и на долгие годы прервал отношения с чрезмерно прямолинейным критиком…

Итак, в 1909 году Прокофьев окончил консерваторию по классу композиции, а в 1914-м – по классу фортепиано. Родители, желая поддержать сына, предложили ему для расширения кругозора съездить за границу. Прокофьев выбирает Лондон. Туда же с гастролями приезжает оперно-балетная труппа Сергея Дягилева. Побывав на спектаклях соотечественников и находясь под впечатлением от музыки к балетам Игоря Стравинского, Сергей Прокофьев решает попробовать свои силы в написании балетов, а потому принимает предложение Дягилева сочинить музыку по либретто С.М. Городецкого на «русскую доисторическую тему». Несмотря на то что «Скифская сюита», созданная им, была отвергнута заказчиком и с треском провалилась в 1916 году в Петрограде, где впервые была исполнена, для Прокофьева она стала важным этапом в его творчестве. А после падения самодержавия в 1918 году композитор знакомит российскую публику с «Классической симфонией», одним из своих известнейших произведений, после чего покидает страну.

Сергей Прокофьев из Парижа

За границей Прокофьев прожил более десяти лет. Жил в

Америке, Германии, Франции. Написал ряд своих классических произведений – оперу «Любовь к трем апельсинам», Третий, Четвертый и Пятый концерты для фортепиано с оркестром, балеты, симфонии. Много гастролировал по Европе и Америке, выступал как дирижер и пианист, приобрел мировую известность. В 1927 году приехал на гастроли в СССР, и был здесь тепло принят. Стал регулярно приезжать на гастроли в страну. С 1932 года фактически жил в Советском Союзе, хотя на первых порах числился гражданином Франции.

В этом статусе он побывал и в Челябинске. На афишах, появившихся в городе, значилось: «Композитор, пианист Сергей Прокофьев. Париж».

Перед его приездом газета «Челябинский рабочий» познакомила горожан с Прокофьевым, опубликовав информацию о нем и его портрет. «Сергей Прокофьев проявляет живое внимание и активный интерес к советской аудитории, к советскому слушателю», – отмечал автор газетной публикации, делая упор на то, что приезжающий на гастроли композитор почти свой, советский, и на то, что если «на ранних произведениях С. Прокофьева лежит отпечаток явной академичности и сам Сергей Прокофьев был далек от установки на массового слушателя, то позднейшие его сочинения – музыка к „Поручику Киже“ и „Египетским ночам“ – свидетельствуют о его несомненной перестройке». И уж совсем убедить читателей в лояльности заезжей знаменитости к социализму должно было известие о том, что «в настоящий момент» композитор по договору с московским радиокомитетом работает над «Колхозной песней». Концерты Прокофьева прошли 29 и 31 марта 1935 года – на ЧТЗ и в здании драмтеатра (ныне ТЮЗ) соответственно.

По рецензии, опубликованной в «Челябинском рабочем» 3 апреля, чувствуется, что не всё из услышанного было воспринято собравшейся аудиторией. Наибольший успех пришелся на исполненные автором гавоты, этюды и пьесу «Наваждение». Из музыки других композиторов хорошо были приняты вальсы Шуберта. Рецензенты отмечали и исполнительское мастерство концертанта, указав, что для его игры характерны «сильный, но мягкий удар, редкая четкость, чистота исполнения, большая ритмичность». В целом можно сказать, что приезд Сергея Прокофьева в Челябинск имел резонанс. О нем не забыли. Имя Прокофьева было присвоено Концертному залу филармонии, а в 2000 году в Челябинске появился и памятник композитору, созданный скульптором В. А. Авакяном и архитектором Е.В. Александровым.

Жизнь в СССР

Сергей Прокофьев вернулся в СССР в непростое время. Набирал обороты молох репрессий. Всё ближе и ближе чувствовалось дыхание войны. Да и борцы за идеологическую чистоту советского искусства не забывали о композиторе. Как же жилось ему в Советском Союзе? Не жалел ли он о том, что вернулся?

Многие из знавших Прокофьева отмечали, что он вполне органично вписался в новую для себя реальность. И если, например, никуда не уезжавшего из СССР поэта Осипа Мандельштама приходилось убеждать создавать произведения, позитивно отражающие советскую действительность, то Прокофьев это делал сам, широко используя в качестве литературной основы для своей музыки не только классические, но и современные ему советские произведения. Количество сочиненного говорит о том, что настроение у композитора было вполне работоспособное, и в окружающей действительности он чувствовал себя неплохо. Вот далеко не полный перечень того, что было им создано по возвращении в Советский Союз: балеты «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Сказ о каменном цветке», оперы «Война и мир», «Повесть о настоящем человеке», «Семен Котко», музыка к кинофильмам «Александр Невский», «Иван Грозный», «Котовский», симфоническая сказка для чтеца и оркестра «Петя и волк». Откликался Прокофьев и на события в политической жизни страны. К 20-летию Октября он сочинил кантату, включавшую тексты из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина; к 60-летию Сталина – кантату «Здравица». Неудивительно, что награды в обилии находили своего «героя». Шесть раз он удостаивался Сталинских премий (в денежном выражении премия составляла сто тысяч рублей), был награжден орденом Трудового Красного Знамени, его произведения исполнялись ведущими музыкальными и театральными коллективами страны.

Прокофьев стал своего рода культурным брендом, который демонстрировали Западу. Ему разрешалось многое из того, что другим было запрещено. Даже печально знаменитое постановление ЦК ВКП (б) «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели» (1948) его не очень задело, хотя в нем Прокофьев и был назван представителем «формалистического антинародного направления в музыке», но назван скорее в назидание другим композиторам, дабы не подражали ему в своем сочинительстве.

Сам же Прокофьев продолжал оставаться на привилегированном положении. Как вспоминал бывший

генеральный секретарь Союза композиторов Тихон Хренников, творческий союз внимательно следил за материальным положением Прокофьева, чутко реагируя на бреши в его бюджете. Уже в 1951 году композитору досталась очередная Сталинская премия. Вообще, предпринимались всяческие усилия, чтобы живого классика ничто не беспокоило. Впрочем, не всё было так просто. Стоило ему развестись со своей женой, Линой Ивановной, испанкой по происхождению, как она вскоре была арестована и отправлена в лагерь, где не сгинула лишь благодаря смерти Сталина. Знавшие Прокофьева отмечали, что он сильно переживал арест бывшей жены, однако добиться свободы для матери своих детей не смог. Гениальный композитор, реформатор в музыке, в жизни он не был борцом.

5 марта 1953 года, в один день со Сталиным, Сергей Прокофьев ушел из жизни. Вспоминая о нем, композитор Арам Хачатурян написал: «Прокофьев… не любил преподавать, учить, „как сочинять музыку“. И всё же не найти современного композитора, который в той или иной мере не воспользовался бы „уроками“ прокофьевского творчества, который не научился бы чему-то новому, важному, изучая произведения этого замечательного композитора».

Примечание

Впервые очерк опубликован в журнале «Челябинск-сити» (2008, № 6).

Фаина Раневская

Фаина Раневская

Спектакль под названием «Жизнь»

Народная артистка СССР Фаина Раневская (1896–1984) сегодня не менее популярна, чем при жизни. Фильмы с ее участием тиражируются на дисках, постоянным читательским спросом пользуются статьи и книги о ней. При этом больших, значительных ролей у Фаины Георгиевны было немного, она была, как сегодня сказали бы, мастером эпизода. Эти эпизоды гениальная актриса приправляла острым словцом, в них блеск тончайшей актерской игры, которая и делала их запоминающимися и самоценными. В полной мере они являются отражением ее личности – яркой, талантливой, неординарной, с парадоксальным мышлением и тонко чувствующей душой. Казалось бы, вот она – золотая жила для режиссеров и сценаристов: сделайте спектакль или фильм «под Раневскую» (как делали под Л. Орлову, М. Ладынину или В. Марецкую), и успех обеспечен. Но… почему-то не делали (единственным исключением, скорее подтверждающим правило, был спектакль «Странная миссис Сэвидж»). Почему? То ли потому, что усматривали в Раневской способность играть роли только отрицательных персонажей или, в лучшем случае, комических (а в советских фильмах и пьесах главная роль должна быть за «новым положительным героем»), то ли боялись неистового характера Раневской…

Сложилась классическая «революционная ситуация». Актриса не могла жить без ролей и полной загрузки в кино и театре. Окружавшие же ее режиссеры не хотели использовать имевшийся в их распоряжении уникальный талант. Что ж, Раневская не стала безропотно ждать, когда жизнь повернется к ней лицом, а сама превратила свою жизнь в спектакль, где уже по праву играла ту роль, которой была достойна и о которой всегда мечтала – главную. Ее реакция на жизнь выплескивалась на окружающих хлесткими фразами, точными суждениями, случайными дневниковыми записями, делавшимися сразу кому-то известными. В них анекдот легко соседствовал с трагедией, а эпатаж с пронзительной грустью. Анекдоты о Раневской и от Раневской органично вплелись в ткань российской культуры, потому что они вполне логично продолжали, как это ни пафосно звучит, чеховскую философию жизни, которая, в свою очередь, в значительной мере являлась отражением российской национальной ментальности.

Как всякая большая актриса, Раневская приложила немало усилий, чтобы созданный ею собственный образ был

убедительным. И это ей удалось. Большая часть публикаций о ней – пересказ с Раневской.

Ничуть не умаляя масштаба личности и таланта актрисы, не претендуя на стопроцентную объективность, авторы попытались составить свое представление о жизни Фаины Георгиевны. И вот что у них получилось…

Семья

«Семья – это очень серьезно, семья человеку заменяет всё.

Поэтому, прежде чем завести семью, необходимо как следует подумать, что для вас важнее: всё или семья»

Ф. Раневская

Фаина Раневская родилась в Таганроге в зажиточной еврейской семье. Ее отец Гирш Хаймович Фельдман был крупным бизнесменом, имел в Таганроге фабрику сухих красок, склады, несколько домов, магазин и пароход «Святой Николай», не чужд был благотворительности и слыл вполне добропорядочным человеком. Мать – в духе выпавшего на ее долю времени – занималась семьей, интересовалась литературой и искусством. Детей в семье было четверо – две девочки и два мальчика (один из них умер в детстве). Период жизни, проведенный в родительском доме, был для Раневской внешне вполне благополучным: она не знала нужды, совершала путешествия, в том числе в Париж, ее воспитанием занималась француженка-бонна. Родители определили Фаину в Мариинскую женскую гимназию, дававшую среднее образование, что в начале XX века соответствовало ее социальному происхождению. Но… училась юная Фани из рук вон плохо, сложности были с грамматикой, не давалась ей и арифметика. Дело дошло до того, что родители вынуждены были забрать дочь из гимназии и нанять домашних учителей. Благодаря им Раневской удалось-таки получить среднее образование, сдав экстерном экзамены за гимназический курс.

В детстве будущая народная артистка СССР заикалась, что заставляло ее страдать и избегать сверстников. Много читала, с четырнадцати лет увлеклась театром. Чтобы преодолеть заикание, начала заниматься в частной театральной студии А. Ягелло. После первых успехов, окрыленная, решила стать

актрисой. Категорически против выступил отец, но это уже не могло остановить Фаину. Молодая и своенравная, она легко пошла на разрыв с семьей. Почему? Сегодня сказать сложно. Темы своего детства и своей семьи Раневская предпочитала не касаться. Объяснения же, опубликованные в литературе о Раневской, нам не кажутся убедительными.

После падения самодержавия на собственном пароходе родители и брат с сестрой покинули Россию, на долгие годы исчезнув из жизни Фаины Георгиевны. Лишь в 1946 году в Праге, где Раневская находилась на съемках, ей удалось увидеться с братом, а в середине пятидесятых годов в Румынии – с матерью. Лишенная моральной и материальной поддержки семьи, в труднейший период ломки всех социальных устоев в стране Раневская выжила, более того – в полной мере проявила себя как личность, состоявшаяся в избранной ею актерской профессии. При этом она отказалась от фамилии отца, сменив ее на псевдоним, не возражала против смены отчества (настоящее отчество Гиршевна, а в русифицированном варианте – Григорьевна), по собственному признанию, изменила на два года дату своего рождения, в записках ругала родственников и упорно избегала возможности посетить город детства Таганрог. Одним словом, она вычеркнула из жизни тот период, который обычно греет человека всю жизнь.

Признание и слава

Получаю письма: «помогите стать актером», отвечаю – «Бог поможет…»

Ф. Раневская

Раневская говорила, что ощутила себя актрисой уже в раннем детстве. Однако от этого ощущения до реальных результатов прошло немало времени. Мало кто верил, что в этой угловатой, совсем не смазливой девице живет будущая великая актриса. Попытки поступить на учебу завершались провалами. Спустя годы актриса честно признавалась: «В театральную школу принята не была – по неспособности». Помог случай. Знаменитая балерина Екатерина Васильевна Гельцер, видимо, узрела в ней что-то такое, что позволило ей пристроить Фаину в подмосковный дачный театр. Она же возила ее в московские театры, ввела в круг своих знакомых и друзей. Благодаря Гельцер Раневская познакомилась с великими поэтами серебряного века Мариной Цветаевой и

Осипом Мандельштамом. При этом первые сценические опыты юной актрисы были не очень удачными. Она плохо двигалась на сцене. Во время гастролей в Крыму после реплики: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить как змея» – умудрилась уронить декорации с изображением горы на не ожидавшего ничего подобного партнера. Зрители ее вполне заслуженно освистали. Фаина решила бросить театр, но сил расстаться с мечтой не хватило.

В Ростове-на-Дону Фаина Фельдман побывала на спектакле, в котором играла Павла Леонтьевна Вульф, и поняла, что именно эта знаменитая актриса должна стать ее учителем. На следующее же утро она пришла к ней домой и стала слезно умолять Вульф взять ее к себе в труппу. О том, что произошло потом, пишет внук Вульф А. Щеглов: «Павла Леонтьевна холодно дала ей пьесу, которую сама для себя забраковала, со словами: „Выберите любую роль и через неделю мне покажите“. Фаина Георгиевна выбрала роль итальянской актрисы и готовила свой показ очень серьезно. Она нашла, пожалуй, единственного на весь город итальянца, который оказался булочником, и стала брать у него уроки итальянской мимики и жеста. Булочник брал за уроки весь дневной заработок Фаины Георгиевны, который она имела в цирковой массовке. Когда она явилась через неделю к П.Л. Вульф с готовой ролью, Павла Леонтьевна поняла, что перед ней великий талант, и взяла Фаину Георгиевну сначала к себе в семью, так как театр уезжал в Крым. Немедленно взять ее в труппу театра возможности еще не было».

Она сыграла в провинции около двухсот ролей. К ней пришли опыт, понимание театра и своего места в нем, пришел и собственный стиль. Спустя годы Фаина Георгиевна, размышляя об этом, писала: «Одинаково играть не могу, даже если накануне хотела повторить найденное. Подличать штампами не умею. Когда приходится слушать интонации партнера как бы записанными на пластинку, хочется вскочить, удрать… Черты характера беру от всех окружающих – знакомых, незнакомых и воображаемых… Я мученица, ненавижу бездарную сволочь, не могу с ней ужиться, и вся моя долгая жизнь в театре – Голгофа».

За свою жизнь Раневская играла во многих театрах, в том числе московских: Камерном (1931–1933), Центральном театре Красной армии (1933–1943), театре имени В.В. Маяковского (1943–1949), театре имени Моссовета (1949–1955, 1963–1982), драматическом театре им. А.С. Пушкина (1955–1963).

В 1934 году Раневская впервые снялась в кино, ее дебютом стала роль госпожи Луазо в немом черно-белом фильме Михаила Ромма «Пышка». Позже были «Подкидыш» (1939), «Мечта» (1941),

«Свадьба» (1944), «Весна» (1947) и другие картины, которые сделали актрису любимицей народа и вождей. На встрече с деятелями кино Фаину Георгиевну выделил Сталин. Награждая орденом Ленина, в любви к ней признавался Л. И. Брежнев. А американский президент Франклин Рузвельт, увидев ее в фильме «Мечта», отозвался о Раневской как о талантливой трагической актрисе. Среди друзей Фаины Георгиевны, высоко ценивших ее талант, были Анна Ахматова, Любовь Орлова, Борис Пастернак. Она была удостоена высших государственных и артистических наград, при этом не испытывала от этого удовлетворения и радости. На закате жизни, теряя близких и друзей, уйдя из театра, Раневская всё больше и больше страдала от одиночества. Ее растиражированные афоризмы и мысли этого периода, по нашему мнению, далеки от адекватного отражения прожитой ею непростой жизни: «Не хочу обнародовать жизнь мою, трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных. Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я создала? Пропищала и только. Кто, кроме моей Павлы Леонтьевны, хотел мне добра в театре? Никому я не была нужна. Я бегала из театра в театр, искала, не находила. И это всё. Личная жизнь тоже не состоялась. В общем, жизнь прошла и не поклонилась, как сердитая соседка».

Не будем спорить с тем, кого уже нет. Отметим только, что на начало XXI века пришелся пик изданий, связанных с именем Раневской. В Интернете появился ее сайт. А 16 мая 2008 года в Таганроге открыли и памятник актрисе, тогда же начал свою деятельность 1-й международный театральный фестиваль имени Ф.Г. Раневской «Великая провинция». Жизнь Фаины Раневской в российской культуре продолжается.

Месяц в Челябинске: из хроники батальной жизни Раневской

«Когда мне не дают роли в театре, чувствую себя пианистом, которому отрубили руки…»

Ф. Раневская

Челябинские зрители получили возможность соприкоснуться с искусством Фаины Раневской в июле 1955 года, когда в город приехал на гастроли театр им. Моссовета. В его составе тогда играли культовые актеры театра и кино: Ростислав Плятт, Николай Мордвинов, Вера Марецкая, Любовь Орлова, Валентина

Серова, набиравшие силу Борис Новиков и Борис Иванов и, конечно же, Фаина Раневская. Спектакли проходили в здании драматического театра имени Цвиллинга (ныне – здание ТЮЗа) и в новом здании театра оперы и балета, только что приведенном в порядок после войны. Для города эти гастроли стали настоящим культурным событием. Зрители принимали спектакли с восторгом и интересом. Игра Фаины Георгиевны произвела и на критиков, и на зрителей неизгладимое впечатление. Как сказано в одной из рецензий: «Раневская играет очень ярко, с редким мастерством».

При этом сегодня из опубликованных материалов известно, что приехала актриса в Челябинск в очень непростой для себя период. Ее противостояние с Ю. Завадским, главным режиссером театра, достигло апогея. Раневская настаивала на том, что она должна играть в спектакле «Госпожа министерша» по пьесе Нушича. Завадский вяло сопротивлялся, открыто не отказывал, но явно не хотел этого. В Свердловске, где театр продолжил гастроли, Раневская для памяти написала: «Когда после долгих и мучительных колебаний и опасений на Урал я всё же решилась поехать, первый человек, которого я встретила на вокзале, был Завадский. Он удивился, увидев меня, и спросил: „Зачем вы едете, ведь у вас бюллетень?“ Я ответила, что еду, чтобы не сорвать „Сомовых“, так как у меня нет дублерши, и что Ирина

Вульф очень не хочет никого вводить, опасаясь ослабить спектакль, – как она мне сказала… Я добавила, что еду с тем, чтобы репетировать „Министершу“. В Челябинске репетиций не было: Завадский уезжал в Москву. Первая репетиция была 6-го числа (6 августа 1955 года. – *Прим, авт.*) в Свердловске. С первой же репетиции, которую повел Завадский, было ясно и многим другим, что работать со мной он не хочет». Раневская ушла из Театра Моссовета.

В Челябинске местный критик В. Викторов своей рецензией вольно или невольно задел и Раневскую, и Завадского за живое. В отзыве на спектакль «Шторм» по В. Билль-Белоцерковскому он обратил внимание на то, что при всей талантливости игры Фаины Георгиевны сцена допроса спекулянтки Маньки-Ранев-ской в ЧК выпадает из общего замысла спектакля. «Трудно сказать, чего здесь достигает театр – разоблачения или героизации Маньки… – отмечает рецензент и добавляет: – Ошибка, на наш взгляд, состоит в том, что сцена допроса Маньки превратилась в самодельную демонстрацию мастерства актрисы… Думается, что режиссура допустила здесь явный просчет». Формально критик был, безусловно, прав, но мирного выхода из этой ситуации не было. Раневская не могла один из своих любимых эпизодов

играть посредственно только ради того, чтобы не разрушать спектакль, – ей и без этого не хватало ролей в театре. Завадский же не мог изменить содержание пьесы и перенести акцент на плохо прописанную роль начальника ЧК. Оставалось убрать этот эпизод из спектакля, что в последующем Завадский и сделал.

Вторично Раневская могла побывать в нашем городе в 1962 году. Московский драматический театр им. Пушкина, в котором она работала, должен был приехать сюда на гастроли. Однако до Челябинска Раневская не доехала. Вот что писал из Свердловска своей второй жене Л. Абрамовой Владимир Высоцкий, также игравший в то время в театре имени А. С. Пушкина: «Прошли (спектакли. – *Прим, авт.)* здесь очень здорово, но в конце появились ругательские статьи. Раневская – притворилась, что вывернула ногу, и уехала в Москву, Чирков тоже уезжает. Дирекция бегает, высунув язык, и поддерживает порядок. Все шепчутся и говорят, что же будет в Челябинске…» Второй раз увидеть Раневскую на своих подмостках челябинцам не удалось.

Вместо заключения

«Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи…» *(Из дневника Фаины Раневской).*

Примечание

Впервые очерк опубликован в журнале «Челябинск-сити» (2009, № 1).

Лидия Русланова

Лидия Русланова

«Генералиссимус русской песни»

Ее имя знакомо всякому, ее голос узнает любой. Лидия Русланова – олицетворение народности на русской эстраде (несмотря на обилие современных исполнителей народных песен). Леонид Утесов называл певицу «русским самородком», говорил, что «Русланова – это русская песня».

На долю всенародно любимой исполнительницы выпало немало суровых испытаний, главное из которых – пять лет в исправительных лагерях. Однако характер сильной русской женщины не удалось сломить: после освобождения она продолжала петь, считая, что песня и есть ее жизнь.

Сиротка из хора

Лидия Русланова родилась 14 (27) октября 1900 года в Саратове в семье крестьянина (настоящее ее имя было Агафья Лейкина). Небогатая семья впала в настоящую нищету, когда с началом русско-японской войны отца забрали на фронт, откуда он уже не вернулся. Первая песня, услышанная девочкой, был плач бабушки по уходящему воевать сыну. Тоска и страдание, которыми он был исполнен, оставили глубокий след в памяти ребенка; часто после этого Агафья просила: «Поплачь, баба, по тятеньке». Вскоре от тяжелой болезни умерла и мать. Шестилетняя девочка ходила с шарманщиком по дворам, пела и просила милостыню. Троих детей распределили по разным приютам (своих брата и сестру Русланова потом так и не нашла). Будущая российская знаменитость окончила три класса церковно-приходской школы, и на этом ее образование завершилось. Однажды ей удалось попасть на концерт приехавшей в Саратов знаменитой Надежды Плевицкой. Девочка с восторгом слушала песни, мечтая, что и она когда-нибудь будет петь на эстраде. Регент местной церкви заметил хорошие вокальные данные Агафьи и взял ее в церковный хор, в котором она вскоре стала солисткой. «Послушать сиротку» собирались жители со всего Саратова, приводили с собой гостей города. «Ангел небесный» – шептали монашки, заслушавшись пением.

В четырнадцать лет Агафью определили полировщицей на мебельную фабрику. Зная о таланте девочки, работницы просили ее спеть, а сами помогали ей справиться с заданием. В 1916 году состоялся первый концерт Руслановой на сцене оперного театра, где проходил слёт солдатских депутатов; а в семнадцать лет девушка уже считала себя опытной исполнительницей и ни

сцены, ни публики не боялась. Талант юной певицы заметил профессор Саратовской консерватории М.Е. Медведев, который усиленно с ней занимался и настоятельно рекомендовал получать музыкальное образование. Однако долго в консерватории Русланова не проучилась. Лидия Андреевна вспоминала: «Поняла, что академической певицей мне не быть. Моя вся сила была в непосредственности, в естественном чувстве, в единстве с тем миром, где родилась песня. Я это в себе берегла. Когда пела, старалась прямо в зал перенести то, чем полна была с детства, – наше, деревенское. Такой я и была нужна».

После Октябрьской революции юная певица пустилась в самостоятельное плавание. Она много выступала, расширяла репертуар, завоевывая популярность и признание слушателей. Дебют Руслановой как профессиональной эстрадной певицы состоялся в 1923 году в Ростове-на-Дону. Волею судьбы, и ее последний концерт состоялся в этом же городе.

Лидия Андреевна была всенародной любимицей, ее поклонникам не было числа. Чем же так брала за душу русского человека простая поволжская крестьянка, в чем заключался секрет ее популярности? Необычайно разнообразны были исполняемые ею песни – от старинных народных до городских романсов, от причитаний и плачей до задорных частушек и песен советских композиторов. Отсюда и разная зрительская аудитория. Каждой своей песне исполнительница придавала неповторимый колорит, раскрывая всё ее внутреннее богатство. Концертные номера Руслановой отличала театрализованность: она играла свои песни, передавая живое чувство через интонацию, мимику, жесты. После веселой плясовой мгновенно преображалась и исполняла протяжную лирическую песню. На сцену Русланова всегда выходила в народном (не стилизованном, а настоящем) костюме Саратовской губернии, низко кланялась публике, вела себя естественно и просто. Глядя на нее, зритель видел настоящую сильную и волевую русскую женщину, которая и себя в обиду не даст, и других зря не обидит. Она умела и любила пошутить, была хлебосольной хозяйкой (руслановские пироги с капустой славились на всю Москву). Народ считал ее своей и щедро дарил ей свою любовь.

Три войны Лидии Руслановой

Лидия Русланова, как заправский солдат, побывала на трех войнах: Первой мировой, финской и Великой Отечественной. В 1916 году еще совсем юная Лида ушла на фронт сестрой милосердия. Два года служила она на санитарном поезде, пела

раненым солдатам. В 1939 году, сразу после начала финской кампании, Русланова поехала «воевать» уже в составе концертной бригады. Петь приходилось в любую погоду на любых площадках (на поляне, на дороге, в блиндаже и даже на крыле бомбардировщика). За 28 дней фронтовой бригадой было дано более ста концертов. Бывали случаи, когда артистам приходилось браться и за оружие. Солдаты научили их стрелять, и артисты, наряду с воинами, отстреливались от нападавших финнов.

Финская война лишь укрепила боевой дух артистов, и потому почти с самого начала Великой Отечественной (с августа 1941-го) первая концертная фронтовая бригада в составе Лидии Руслановой, Михаила Гаркави (муж певицы в 1929–1942 годах), Владимира Хенкина, артистов Большого театра и театра оперетты, под руководством директора ЦДРИ Б.М. Филиппова тронулась в путь по фронтовым дорогам. Более тысячи концертов дала она за годы Великой Отечественной. Артисты выступали и для полка, и для небольшой группы солдат, исполняя любимые слушателями номера по нескольку раз. В 1942 году Лидия Андреевна получила звание заслуженной артистки РСФСР. На средства певицы было построено несколько «катюш». Узнав об этом, бойцы ласково стали называть их «лидушами».

«Валенки» у Рейхстага

Первое выступление русских артистов в поверженном Берлине состоялось 2 мая 1945 года, прямо у стен Рейхстага. Русланова выступала вместе с казачьим ансамблем песни и пляски М. Туганова. Концерт продолжался до поздней ночи. Один из его участников артист Борис Уваров вспоминал: «Сначала запел наш казачий хор, потом Русланова… Ком в горле встал, слез не сдержать. Но не только со мной такое. Герои, орлы фронтовые, на груди тесно от наград, – плакали не стыдясь. И заказывали, заказывали свои песни – кто сибирские, кто про Волгу-матушку…» Солдаты хором просили Русланову спеть знаменитые «Валенки», и певица объявила: «А сейчас „Валенки“, не подшиты, стареньки, которые до самого Берлина дошагали!» После концерта Русланова углем поставила свою подпись на колонне Рейхстага рядом с фамилиями солдат. Тогда же в Берлине маршал Г. К. Жуков наградил Лидию Андреевну орденом Отечественной войны 1-й степени. У Рейхстага завершилась «окопнополевая» жизнь певицы, проведшей самые тяжелые для страны минуты вместе с простым народом.

Тайшет – Владимирский централ

Вскоре после окончания войны органы госбезопасности начали активно собирать компромат на «маршала Победы» Г. К. Жукова. Всенародно известный и любимый полководец представлял явную угрозу для власти: уж слишком был заметен и известен. Трогать его напрямую побаивались, поэтому начали «разрабатывать» его ближайшее окружение. В этот «черный круг» попала и Лидия Русланова, бывшая на тот момент женой Героя Советского Союза генерал-лейтенанта В.В. Крюкова. Сначала, в 1947-м, у певицы отобрали орден Отечественной войны (как незаконно полученный!), затем запретили выступать в столице. Вскоре певица стала замечать, что за ней следят. Арестована она была в казанской гостинице в сентябре 1948 года, когда собиралась лететь домой, в Москву. В это же время был арестован и генерал Крюков. Им, как и тысячам, миллионам других безвинно осужденных, было предъявлено обвинение в антисоветской пропаганде, в организации заговора против власти, имеющего целью поставить во главе государства Г.К. Жукова. На допросах, требуя подписать ложный протокол, жестоко мучили, избивали, морили голодом и холодом. Русланова не сдавалась, отказывалась подписывать ложные показания, а потому и получила по тем временам немного – традиционную 58 статью и «десятку».

В лагере под Тайшетом ее товарищами по несчастью оказались многие актеры, певцы, музыканты (солисты Большого театра, Киевской оперы и т. д.). Какое-то время в одной камере с Руслановой сидела известная актриса кино Зоя Федорова. О чем думала тогда Лидия Андреевна? Возможно, о том, что на войне с мужем они мечтали о совсем другой жизни после Победы. Сколько искренней прямоты было в «предложении», которое Лидия Андреевна сама сделала будущему мужу. (После концерта генерал пригласил певицу прогуляться. По дороге услышал далекий и очень тихий плач девочки, сказал, что у него в Ташкенте маленькая дочь совсем одна и он по ней очень скучает. Русланова остановилась и сказала Крюкову: «Тогда я выхожу за вас замуж». Вместе они прожили 17 лет. Русланова стала прекрасной матерью для приемной дочери Маргоши, между ними всегда было полное взаимопонимание).

Оба супруга отсидели по пять лет. Лишения лагерной жизни не сломили Лидию Андреевну, и здесь она продолжала петь: с желанием и охотой для заключенных, по принуждению (и то не всегда) – для тюремного начальства. Пианистка Т.Н. Барышникова вспоминала, как один лагерный начальник пытался заставить Русланову петь для командного состава. На что певица ему ответила: «Я выступаю только для заключенных, своих

товарищей по несчастью». За «непримерное» поведение Русланову из Тайшета отправили во Владимирский централ, отличавшийся более суровым обращением с заключенными. Там певица досидела свой срок. В марте 1953 года умер Сталин, в апреле генерал Крюков подал прошение о пересмотре своего дела и дела жены, а в августе Лидия Андреевна и Владимир Викторович были освобождены.

Певице всё нужно было начинать заново. Нужно было простить стране все те чудовищные обиды и унижения, что ей выпали на долю. Нужно было найти в себе силы снова выйти на сцену, преодолеть внутренний страх: а вдруг зритель забыл или сочтет зазорным идти на концерт бывшей зэчки. Однако народ Русланову помнил и ждал. Ее выступления, как и прежде, пользовались бешеной популярностью. В 1959 году умер муж, лагерные годы подорвали его здоровье. Этот удар Лидия Андреевна перенесла с трудом. Почти год не выходила она на концертную эстраду. Но любовь к жизни и песне вновь победила, зрители радостно приветствовали второе возвращение Руслановой.

Челябинские хроники

С концертами певица объездила Советский Союз вдоль и поперек. Неоднократно бывала и в Челябинске. Документально подтверждены три приезда Руслановой: два до ареста (29 июля – 14 августа 1940 года, 18–20, 25 июня 1946 года) и один – уже после (в феврале 1964 года). В первые два приезда концерты проходили в городском саду им. Пушкина, а во время третьего приезда (вместе с ней тогда выступала и известная киноактриса Марина Ладынина) – в концертном зале филармонии и на различных площадках Челябинска. Как и в случае с другим не менее популярным певцом А. Вертинским, ни об одном из концертов Руслановой не было опубликовано ни одной статьи. Не менее обидным для певицы стал и тот факт, что во время гастролей 1964 года на афише имя Ладыниной было напечатано крупным шрифтом, а Руслановой – ниже и мелким. Что для того времени, впрочем, было вполне объяснимо – Марина Ладынина была народной артисткой СССР, а Русланова – лишь заслуженной. Звания народной артистки СССР чиновники от культуры Лидии Руслановой так и не дали.

Последний концерт певицы состоялся в августе 1973 года в Ростове-на-Дону. Певицу на открытой машине провезли по стадиону, чтобы зрители могли поближе посмотреть на свою любимицу; под несмолкаемые овации машина вынуждена была

вторично объехать стадион по периметру. А в сентябре Лидии Андреевны не стало.

Меняются эпохи, но и сейчас, спустя десятилетия, ее голос помнят, а песни продолжают звучать по радио и телевидению.

Примечание

Впервые очерк опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 27 октября 2006 года.

Федор Сологуб

Портрет Федора Сологуба работы Б. Кустодиева. 1907

Федор Сологуб в Челябинске

В наше суетное время классическую литературу, как никогда ранее, более почитают, чем читают. Поэтому не удивительно, что число людей, знакомых с творчеством Федора Сологуба (1863–1927), значительно уступает числу тех, кто когда-то что-то слышал о нем. Отчасти это объясняется личностью самого Сологуба. Он не заявлял громогласно о собственной гениальности, подобно Игорю Северянину, не призывал сбрасывать с парохода современности Пушкина, как имажинисты во главе с С. Есениным и А. Мариенгофом, не эпатировал публику желтыми рубахами и «мушками», как Маяковский и футуристы, а был скромен и незаметен в жизни, хотя и жил со всеми перечисленными в одно время.

Как писал литератор и искусствовед Сергей Дурылин, «Сологуб „умалялся“ перед людьми (учитель городского училища, даже не гимназии)… всегда становился на последнем месте; „литературу“ свою скрывал, чтобы не прогнали из учителей… был так тих, так незаметен, так мало занимал места, что однажды в редакции „Мира искусства“ Розанов, ничего не думая, плюхнулся на стул, а оказалось, сел на Сологуба: так „умаляясь“ сидел на стуле Сологуб, что казалось, вовсе никто не сидит…»

Совершенно иным было место Федора Сологуба в литературе начала XX столетия, в ней его не заметить было трудно. «Всей своей прозой Сологуб круто сворачивает с наезженных путей натурализма – бытового, языкового, психологического… С Сологуба начинается новая глава русской прозы», – написал о Федоре Сологубе писатель Евгений Замятин. Влияние Сологуба испытали на себе многие литераторы, и не только в нашей стране: например, столь популярный среди рафинированных интеллектуалов Франц Кафка.

Когда-то у Сологуба попросили предоставить информацию о себе для одного из литературных изданий. Писатель ответил отказом, указав, что его биография никому не нужна: «Биография писателя должна идти только после основательного внимания критики и публики к сочинениям. Пока этого нет». Сегодня, по прошествии почти столетия с того времени, масштаб личности и творчества Сологуба вполне прояснился, а потому будет не лишним вспомнить жизненный путь этого выдающегося литератора и рассказать челябинцам о его пребывании в нашем городе в феврале 1916 года.

Рождение Федора Сологуба

17 февраля 1863 года в семье петербургского портного Кузьмы Афанасьевича Тетерникова (в официальных документах – Тютюнникова) и его жены Татьяны Семеновны родился сын Федор. Когда ему исполнилось четыре года, от чахотки умер отец. Мать, оставшись с двумя детьми на руках, попыталась организовать прачечную, однако затеянное ею предприятие не давало дохода, и она, чтобы выжить и прокормить детей, пошла работать прислугой в семью Агаповых. Обрушившиеся на нее жизненные трудности молодая женщина переживала тяжело, вымещая свои обиды на Федоре и его младшей сестре Ольге. Порки розгами следовали по всякому пустяковому поводу. Первоначальное отчаяние со временем притупилось, и битье воспринималось детьми как обычное течение жизни. Федор стал замкнутым, редко посвящал близких и знакомых в свои мысли и чувства. При этом много читал, благодаря Агаповым, жалевшим и баловавшим его, имел возможность часто слушать музыку и бывать в театре.

Мир литературы и театра играл всё большую роль в его жизни. В 12-летнем возрасте он начал писать стихи. В 1878 году после успешного окончания городского училища, дававшего неполное среднее образование, Федор поступил в Петербургский учительский институт. К учебе относился по-взрослому. Как вспоминали знавшие его в то время, он хотел быстрее встать на ноги, начать зарабатывать деньги и освободить мать от работы кухаркой. Не участвовал в студенческих вечеринках, сторонился шумных компаний. Читал серьезную не по годам литературу. Любил «мрачную» лирику Н.А. Некрасова, трагедии Шекспира.

В июне 1882 года Федор Тетерников защитил диплом и в августе вместе со своей семьей выехал на место своей службы – в Крестецкое городское училище (Новгородская губерния), где получил должность учителя математики.

В эти годы он много пишет, пробует себя в переводах и прозе. Первым же опубликованным его произведением стала басня «Лисица и Еж», увидевшая свет в 1884 году в журнале «Весна». Последующие годы прошли в сотрудничестве с небольшими журналами и газетами. Проживая в провинции и, в духе времени, меняя периодически места своей службы, Федор Кузьмич набирался жизненного и литературного опыта. При этом он не выпускал из виду того, что происходило в литературе, много читал, совершенствовал свои знания иностранных языков.

В 1880-е годы стихотворения Федора Тетерникова зазвучали по-особому, сформировался его собственный стиль. Понимая это, в 1891 году он приехал в столицу, чтобы показать свои произведения более опытным литераторам. В Петербурге ему

удалось встретиться с поэтом Николаем Минским. Эта встреча и положила начало стремительному литературному взлету Федора Тетерникова. Минский передал ряд его произведений в крупный журнал «Северный вестник», где вскоре и было опубликовано одно из стихотворений за подписью «Ф.Т.». Подобные инициалы имел знаменитый поэт Федор Тютчев. Поэтому, несмотря на то что умер он еще в 1873 году, в редакции задумались над псевдонимом. Фамилию Тетерников столичные литераторы посчитали неблагозвучной. В итоге родилась идея дать Федору Тетерникову псевдоним «Федор Сологуб». Нельзя сказать, чтобы выбранный псевдоним был особо цветистым или, тем более, оригинальным, ведь только в 1882 году ушел из жизни литератор граф В. А. Соллогуб. Но псевдоним этот соединился с Федором Кузьмичом Тетерниковым, и он прославил его настолько, что сегодня мало кто вспоминает вышеупомянутого графа, когда слышит эту весьма странную фамилию.

Певец смерти и безумия

В 1892 году Федор Сологуб перебрался в Петербург и, продолжая службу в ведомстве народного просвещения, активно занялся литературной деятельностью. На рубеж веков пришелся наивысший подъем его творчества. Он пишет стихи, рассказы, рецензии. Публикация рассказа «Тени» в 1894 году сразу выделила его из числа многих. О нем заговорили. Переломным стал 1895 год, когда был опубликован первый роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны» (написан в 1883–1894 годах) и первая книга стихов. С этого времени издание книг Федора Сологуба становится регулярным.

Литературные критики отмечали, что произведения Сологуба созвучны произведениям Достоевского, что они свидетельствуют о несомненном таланте автора, «принявшем, однако, совершенно болезненное направление в погоне за необычайностью ощущений. Герои и сюжеты Сологуба – смесь садизма с… навязчивыми идеями». Известный литературный критик С. Венгеров в статье о Сологубе, опубликованной в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, отмечает: «Безгранично уныл внутренний мир Сологуба; вечный сумрак царит в его душе. Чужд он каких бы то ни было радостей, и тяжелым гнетом давит читателя гипноз замечательного таланта Сологуба. „Жало Смерти“, говоря заглавием одного из его сборников, неудержимо влечет и манит Сологуба к себе. Смерть и подобие ее – безумие – основной мотив его стихотворений и исключительный мотив его прозы».

Интерес к смерти проявлял на рубеже XIX–XX столетий не

только Федор Сологуб. Эта тема находила много откликов в современном ему обществе. «Самое умное в жизни – все-таки смерть, ибо только она исправляет все ошибки и глупости жизни», – писал в те дни известный историк В.О. Ключевский. Популярный журнал «Пробуждение» в одном из новогодних номеров отметился стихотворением со строчкой «Еще на год к могиле ближе». В российской (и не только) литературной и философской среде тема смерти занимала всё более заметное место. Почему? Потому ли, что у людей, живших в те дни, появились какие-то смутные предчувствия грядущих катаклизмов? Тот же В.О. Ключевский весной 1898 года написал: «Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет…» Сологуб эту неуверенность и зыбкость переживаемой жизни соединил с вопросом о ее смысле: «Грустно грежу, скорбь лелею, паутину жизни рву и дознаться не умею, для чего и чем живу».

Популярность Сологуба росла год от года. В начале XX столетия увидели свет наиболее значительные его произведения: роман «Мелкий бес», драмы «Победа смерти» и «Дар мудрых пчел», сборник рассказов «Жало смерти». Продолжали пользоваться успехом его стихи. В 1907 году на премьере драмы «Победа Смерти» в театре В.Ф. Комиссаржевской Федора Сологуба увенчали лавровым венком.

В том же 1907 году он оставил службу и полностью переключился на литературный труд. Увидели свет многотомные сочинения писателя. В 1909–1911 годах – в двенадцати томах в издательстве «Шиповник», и в 1913–1914 годах – в двадцати томах в издательстве «Сирин». Усилившийся интерес к его личности подтолкнул Сологуба к публичному чтению лекций в различных городах страны и за рубежом. В 1912и 1914 годах он совершил несколько турне по городам Российской империи с лекцией «Искусство наших дней». Эту же лекцию Сологуба могли послушать все интересующиеся Россией и русской литературой в Берлине и Париже незадолго до начала Первой мировой войны. В 1915–1916 годах Федор Сологуб выступил в ряде городов страны уже с другой лекцией – «Россия в мечтах и ожиданиях». В ходе турне 1916 года знаменитого литератора увидели и челябинцы.

Челябинская лекция Федора Сологуба

Лекция Федора Сологуба проходила 3 февраля 1916 года в зале Челябинской женской гимназии. Ныне на этом месте – здание выставочного зала Союза художников РФ (ул. Цвиллинга, 34).

Зал был небольшим, равно как и само одноэтажное деревянное здание гимназии, а потому собравшимся было тесновато. Организатором лекции выступил известный в Челябинске музыкант и дирижер Г.Д. Моргулис. Желание услышать и увидеть заезжую знаменитость привело на лекцию разных людей. Кто-то ожидал получить ответ на вопрос, как жить дальше, а кто-то хотел узнать новости литературной жизни… Лекция, как следует из названия, не содержала в себе четко определенной темы, а потому не давала и четких ответов. Мнения о ней пришедших слушателей разделились. Может быть, именно поэтому леволиберальная газета «Голос Приуралья», обычно ограничивавшаяся короткими репликами по поводу выступлений в Челябинске тех или иных гастролеров, на этот раз изменила себе и дала целых три отзыва о лекции Федора Сологуба. Редактировал газету в 1915–1916 годах писатель А.Г. Туркин, приверженец критического реализма, не упускавший возможности выразить свое неприятие декадентских течений в литературе. Поэтому опубликованные им в газете «отклики» о выступлениях в Челябинске символистов: Сологуба, а затем и К. Бальмонта (побывал в Челябинске в марте 1916 года) – не отличались объективностью.

Два из трех данных им откликов могли бы быть объединены заголовком «Чего не дала лекция Сологуба». В первом отзыве автор, скрывшийся под псевдонимом «А.А.», отметил, что лекция на него не произвела никакого впечатления. «Получилась какая-то расплывчатость, туманность, местами чувствовались горечь и обида, когда Сологуб касался будущности и ожиданий России в ее мистическом направлении, тяготения к востоку, возрождения в творимых легендах, ожидания чуда. Всё это, конечно, неплохо, но несвоевременно…» По мнению этого рецензента, усилия общества и всех его членов в условиях войны должны быть направлены не на осмысление жизни, а на достижение победы над врагом. При этом непонятно было, для чего этот критик Сологуба вообще пошел на лекцию «Россия в мечтах и ожиданиях», если изначально отвергал право человека в условиях войны вообще иметь «мечты» и «ожидания».

Туркин, подписавшийся инициалами «А.Т.», во многом, если не во всем, был согласен с критикой, высказанной в адрес Сологуба, но не преминул еще раз озвучить свой излюбленный тезис о том, что декаденты страшно далеки от народа: «Умные, талантливые Сологубы поняли, что нужно что-нибудь делать и им, нужно быть поближе к народу, потянула их „провинция“, когда-то неинтересная и „узкая“ для их „зовов“. И лекции они делают красиво по заголовкам, нарядно по сочетанию звуков и

форм, но бедно и узко по содержанию, далекому от *истинных* народных дум и тревог…»

Однако не все челябинцы остались недовольны выступлением писателя. Автор третьего отзыва на лекции Сологуба писал: «Я – рядовой обыватель провинции, жил несколько лет безвыездно в своем городе – рад каждой свежей, извне приходящей мысли. Таким-то живым словом и является лекция поэта Сологуба. Тема, избранная лектором, – жизненная, отвечающая потребностям времени… Задумался над томившими ранее вопросами; отчасти получил на них ответы. Но самое важное – получил указание, как от книги, от мечты и ожиданий перейти к действительности; как сделаться из теоретика, книжного „гробокопателя“ человеком жизни в полном смысле этого слова…»

Безусловно, приезд Сологуба в Челябинск стал культурным событием для нашего города. Челябинцы смогли составить свое представление о личности знаменитого автора, задумались о том, о чем в суете трудных военных будней не задумывались. Польза от этой лекции была даже для тех, кому творчество Сологуба не нравилось, потому что, не соглашаясь в чем-то с писателем, они искали аргументы, опровергающие его утверждения, и тем самым лучше определяли свою позицию.

Революция 1917 года и последовавшие вслед за этим события по-новому заставили и Сологуба, и его челябинских критиков взглянуть на будущее России. Октябрьский переворот не принял не только Федор Кузьмич, но и А. Г. Туркин, убывший вместе с белыми из Челябинска и умерший от тифа под Новониколаевском (ныне Новосибирск). Федор Сологуб вместе со своей женой А.Н. Чеботаревской также попытался выехать из страны. Однако сделать это ему не удалось. Самоубийство жены повергло Сологуба в шок, но, как это ни странно, пробудило его и подвигло к творчеству. Последние стихи Сологуба, написанные в двадцатые годы прошлого века, получили положительные отклики литературной критики.

После смерти жены Федор Кузьмич неоднократно задумывался о собственной смерти. 5 декабря 1927 года его не стало. Всё случилось, как он и предсказывал в одном из своих триолетов в 1913 году: «В декабре я перестану жить».

Примечание

Впервые очерк опубликован в журнале «Челябинск-сити» (2008, № 10).

Петр Столыпин

Петр Столыпин

Последний солдат империи

Относительно личности Столыпина всегда много спорили. Государственник, мечтавший о «великой России», жесткий политик, противостоявший революционному движению, реформатор, пытавшийся освоить необъятные российские просторы, он вызывал поклонение у одних и ненависть у других. Пережив несколько покушений, в конце концов был убит, но память о нем не исчезла. В 2008 году, когда жители нашей страны определяли наиболее значимых деятелей российской истории в рамках проекта «Имя России», Столыпин неожиданно оказался на втором месте, уступив только Александру Невскому, но обойдя Сталина, Пушкина, Петра I, Ленина, Достоевского, Суворова, Юрия Гагарина и других легендарных и значимых людей России.

Брат знаменитого поэта, сын казачьего атамана

Будущий реформатор Петр Аркадьевич Столыпин родился 2 апреля 1862 года в Дрездене, столице Саксонии, и происходил из старинного дворянского рода, зафиксированного еще в исторических актах XVI века. В Столыпине слилась воедино кровь ряда известнейших российских родов. Российский историк К.Ф. Шацилло, предваряя сборник речей Столыпина в Государственной Думе и Государственном совете, изданный в 1991 году, отмечал: «Род Столыпиных… связан был со многими именами, составлявшими славу и гордость России. Бабушка М.Ю. Лермонтова, воспитавшая его и проплакавшая глаза после его преждевременной смерти, – урожденная Столыпина. Прадед – сенатор А. А. Столыпин – друг М.М. Сперанского, крупнейшего государственного деятеля начала XIX века. Отец – Аркадий Дмитриевич – участник Крымской войны, друг Л.Н. Толстого, навещавший его в Ясной Поляне. Жена Петра Аркадьевича – правнучка А. В. Суворова».

К сказанному можно добавить, что Петр Столыпин приходился троюродным братом Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Упомянутая выше бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Столыпина (в замужестве Арсеньева) была родной сестрой деда Столыпина – генерала Дмитрия Алексеевича. Что же до отца реформатора, то Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899) был не просто участником Крымской войны, но и ее героем, получившим в этой войне золотую саблю с надписью «За храбрость» и орден Св. Анны 2-й степени. Он сделал выдающуюся военную карьеру, дослужившись до чина генерала от артиллерии.

В 1857–1869 годах был атаманом Уральского казачьего войска и оставил по себе добрую память. Известно также, что он приложил силы к благоустройству Уральска. Благодаря ему в городе появился ряд каменных домов и замощенных улиц, был разбит парк, открыты театр и библиотека. Заботился А.Д. Столыпин и об образовании уральских казаков. При нем на территории казачьего войска было открыто около ста школ, войсковая типография. В 1862 году у него в гостях побывал Л.Н. Толстой, с которым они подружились во время севастопольской кампании и предполагали даже издавать совместно журнал для солдат. Ничто не проходит бесследно. Вот и эта поездка великого писателя, кроме некоторых личных приятностей, дружеского общения и отдыха с кумысом, дала ему внутренние импульсы и материал для написания повести «Казаки».

После Уральска Аркадий Дмитриевич вышел в отставку и служил некоторое время по гражданской части. Но с началом русско-турецкой войны вновь вернулся в строй. Принимал участие как в боевых действиях, так и в управлении территориями, был комендантом города Плевно, генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака. Небезынтересен тот факт, что и жена Аркадия Дмитриевича (мать П. А. Столыпина), урожденная княжна Наталья Михайловна Горчакова, также приняла участие в этой войне. Она выехала вместе с мужем и под неприятельским огнем ухаживала за ранеными, за что была награждена медалью. Отец Петра Аркадьевича был разносторонней личностью. Им написано несколько исторических трудов («История России для народного исторического чтения», «Хроника Генриха Латыша как подспорье к изучению истории Северо-Западного края» и др.), воспоминания; он занимался скульптурой, участвовал в выставках Академии художеств, увлекался музыкой, у себя дома ставил оперу.

Будущий премьер-министр России многое перенял у родителей. Переезжая вместе с семьей, он учился в виленской, а затем орловской гимназиях, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который в 1885 году благополучно окончил со степенью кандидата. К учебе, по семейным преданиям, Петр Аркадьевич относился добросовестно. Его дочь М.П. Бок в своих воспоминаниях описывает случай, происшедший с ее отцом на одном из экзаменов, который принимал знаменитый химик Д.И. Менделеев: «Мой отец, учившийся и читавший по естественным предметам со страстью, отвечал на всё так, что экзамен стал переходить в нечто похожее на ученый диспут, когда профессор вдруг остановился, схватился

за голову и сказал: „Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно“».

В Петербурге благополучным образом сложилась и личная жизнь Столыпина. Ему не было еще и 22 лет, когда он женился на фрейлине императрицы Ольге Борисовне Нейдгардт (1865–1944), той самой упомянутой выше правнучке Суворова, с которой они прожили долгую счастливую совместную жизнь. В их семье было шестеро детей – пять дочерей и сын.

На первых порах Петр Аркадьевич служил в статистическом отделе Министерства земледелия. В 1889 году был назначен уездным, а в 1899-м – губернским предводителем дворянства в Ковно (ныне Каунас, Литва). Служба в Ковно была полезной для Столыпина, он набирался опыта и полезных знаний о жизни провинции. При этом его кипучая энергия находила выход в общественных начинаниях. Он приложил немало усилий к созданию в Ковно сельскохозяйственного общества и строительству народного дома. Однако время, отпущенное ему на саморазвитие, заканчивалось. В 1902 году он принимает предложение занять пост губернатора Ковненской губернии, а в 1903-м переводится на такую же должность в Саратовскую губернию. Должность губернатора, руководителя обширной территории требовала уже совсем другой самоотдачи и другого уровня ответственности, тем более что экономическая и политическая жизнь страны в эти годы заметно активизировалась. Столыпин становился всё более заметной фигурой на общероссийском политическом небосклоне.

Государева служба: жизнь и реформы

Впервые став губернатором в 1902 году, Петр Аркадьевич Столыпин сделал головокружительную карьеру. Уже 26 апреля 1906 года он был назначен министром внутренних дел в кабинете И.Л. Горемыкина, а 8 июля того же года совместил эту должность с должностью председателя Совета министров Российской империи. Причин этому было много: происхождение, удачная женитьба, образование и, конечно же, личные данные Петра Аркадьевича, который, оказавшись у руля Российского государства, сразу же объявил курс на проведение социально-политических реформ.

Будучи правым по политическим взглядам, он не играл в популизм. Считал народ темным, не способным понять, что для него плохо, а что хорошо, а потому предполагал улучшать жизнь народа, не советуясь с ним. Начатая им аграрная реформа была призвана разрушить крестьянскую общину и сформировать класс

мелких собственников. И, несмотря на то что она не была завершена в полном объеме по причине гибели Столыпина, результаты ее были значительными. Из 13,5 миллионов домохозяйств, имевшихся в России, заявки о выходе из общины были поданы членами шести миллионов домохозяйств. Роль помещичьих хозяйств падала. К 1916 году крестьяне засевали на собственной и арендованной земле 89,3 % пашни и владели 94 % сельскохозяйственных животных. Особую роль в аграрной политике правительства П.А. Столыпин отводил переселению сельского населения из перенаселенных центральных губерний России в Сибирь. Около трех миллионов человек прибыли на восток страны и стали осваивать пустовавшие ранее земли.

Аграрная реформа была важным, но отнюдь не единственным делом председателя Совета министров. Под руководством Столыпина был разработан ряд важных законопроектов, касающихся обязательного всеобщего начального образования, реформы местного самоуправления и веротерпимости и огромное множество локальных, но не менее значимых узаконений. Так, в декабре 1909 года Совет министров принял документ «О мерах по развитию воздухоплавания в России». Столыпин, кстати, стал первым в России государственным деятелем, совершившим в сентябре 1910 года полет на аэроплане. Последнее требовало известной храбрости и мужества. Часто случались аварии. Достаточно сказать, что самолет штабс-капитана Л. Мациевича, на котором летал Столыпин, буквально через три дня разрушился в воздухе, и пилот разбился, упав с высоты четырехсот метров. Но Петр Аркадьевич, как и его отец, был не из трусливых. В политике, как и в жизни, он также не боялся принимать непопулярные решения, будь то узаконение о военно-полевых судах, ужесточавшее ответственность за тяжкие преступления, или закон о роспуске 2-й Государственной Думы.

По разным оценкам, за годы нахождения в должности премьера против Столыпина было совершено от десяти до восемнадцати террористических актов. Это говорит о том, что как минимум не всех устраивала его реформаторская деятельность. Во время покушения на Столыпина, произошедшего на Аптекарском острове в Петербурге 25 августа 1906 года, погибло двадцать человек и было ранено тридцать, в том числе сын и дочь премьер-министра. Столыпин был непреклонен, в Госдуме он бросил революционно настроенным депутатам легендарную фразу: «Не запугаете!» По его мнению, альтернативой революции могла стать только длительная созидательная работа, которую он и пытался организовать.

1 сентября 1911 года П.А. Столыпин, равно как и

императорская семья, находился в Киеве в связи с открытием памятника Александру II (в тот год широко праздновалось 50-летие крестьянской реформы). Вечером столичные гости присутствовали на спектакле «Сказка о царе Салтане» в местном оперном театре. Во время второго антракта к Столыпину подошел эсер и агент царской охранки Д.Г. Богров и дважды выстрелил, попав в руку и живот Петра Аркадьевича. Столыпина доставили в лечебницу, где он 5 сентября от полученных ран и скончался.

Когда вскрыли завещание, выяснилось, что премьер-министр предвидел свою гибель, указав похоронить его там, где убьют. Пресловутый Распутин предрекал гибель монархии после своей смерти, но думается, что началась эта гибель раньше – с убийства П.А. Столыпина, последнего воина, пытавшегося уберечь Россию от революции. В.В. Розанов в статье «Историческая роль Столыпина» писал: «Революция при нем стала одолеваться *морально* и одолеваться в мнении и сознании всего общества, массы его, вне „партий“. И достигнуто было это не искусством его, а тем, что он был *вполне порядочный человек*… Вся революция… стояла и стоит на одном корне, который может быть и мифичен, но в этот миф все веровали: что в России нет и не может быть честного правительства; что правительство есть клика подобравшихся друг к другу господ, которая обирает и разоряет общество в личных интересах…»

Челябинские маршруты Столыпина

К концу XIX – началу XX века российские реформаторы видели перспективу развития страны в продвижении на восток – в Сибирь. С.Ю. Витте мечтал о «цепи деревень от Урала до Тихого океана». Промышленное освоение Сибири поддерживал и П. А. Столыпин. И в том, что незадолго до своей смерти, в конце лета 1910 года, он совершил поездку именно в Сибирь, была своя логика. Говоря о цели этой поездки, челябинская газета «Голос Приуралья» писала: «По слухам, Председатель Совета Министров П.А. Столыпин предпринимает поездку на Дальний Восток. Основной целью поездки премьер-министра, как передают, является обозрение действий переселенческих управлений, в которых за последнюю кампанию обнаружены были некоторые недочеты. Помимо этого, по тем же слухам, Председатель Совета министров намерен объехать всю Амурскую железную дорогу, чтобы лично убедиться в непорядках, царящих там». Современные нам биографы реформатора С. Рыбас и Л. Тараканова своими разысканиями подтверждают, что слухи, сообщаемые челябинской газетой, были недалеки от истины. В их книге

«Жизнь и смерть Столыпина» читаем: «Эта поездка имела две цели – в русле переселенческой политики правительства, и более широко, в плане развития русского влияния в Азии».

До 1913 года передвижение по железной дороге в Сибирь и обратно было возможно только через Челябинск, а потому миновать наш город в своей поездке П.А. Столыпин не мог, да и навряд ли хотел. Ведь именно в Челябинске находился один из крупнейших переселенческих пунктов Российской империи. С его осмотра, а также со знакомства с городом, бывшим первым на пути в Сибирь, и начались сибирские впечатления премьера и сопровождавшей его команды. Высокие гости прибыли в Челябинск утренним восьмичасовым поездом 22 августа 1910 года. Вместе со Столыпиным в город прибыли главноуправляющий землеустройством и земледелием империи А. В. Кривошеин, начальник главного переселенческого управления Г. В. Глинка и другие крупные чиновники. После представления челябинских должностных лиц высокие гости направились к Челябинскому врачебно-питательному переселенческому пункту, который был рассчитан на прием в день до десяти тысяч переселенцев. Столыпин и его коллеги осмотрели ночлежные бараки, амбулатории больницы, лавки для продажи переселенцам предметов первой необходимости и оружия. В столовой Столыпин пробовал приготовленную для переселенческого поезда пищу. Были осмотрены баня, прачечная и другие учреждения пункта. Столичных гостей поразили «образцовая чистота и порядок», царившие на «переселенке», и они, поблагодарив челябинцев за хорошую службу, направились в центр города, где присутствовали на богослужении в Христорождественском соборе.

Узнав, что в Челябинске свирепствует холера, премьер-министр решил осмотреть холерное отделение городской больницы и настоял, чтобы его туда доставили. Приехав в учреждение, он беседовал с холерными больными и «нашел местную больницу весьма неудовлетворительною». Городскому голове доктору А.Ф. Бейвелю пришлось выслушать малоприятные для него вещи и конкретные указания по борьбе с эпидемией. В частности, П. А. Столыпин предложил расширить холерное отделение больницы и должным образом его обставить, при этом премьер подчеркнул, что «в данном случае об экономии в средствах не может быть и речи». Досталось и губернскому врачебному начальству, которое, по мнению П.А. Столыпина, не осуществляло должного надзора. Вице-губернатору Эверсману, находившемуся в Челябинске, было поручено предложить губернскому санитарному инспектору фон Шлихтингу прибыть в

Челябинск для упорядочения в городе больничного дела.

После данных указаний премьер-министр и ряд сопровождавших его лиц убыли на станцию и продолжили свое путешествие. В Челябинске же начался настоящий переполох. Вице-губернатор, дождавшись решения экстренного заседания Думы о мерах по борьбе с холерой, телеграфировал об этом П.А. Столыпину. Второй телеграммой, отправленной в Петропавловск, он сообщил о дополнительных мероприятиях, принятых городом по борьбе с эпидемиями. После чего Эверсман выехал в Оренбург, где встретился с губернатором В.Ф. Ожаровским и проинформировал его о пребывании Столыпина в Челябинске и данных им поручениях. 25 августа в Челябинск был командирован Л.П. фон Шлихтинг, а 2 сентября в наш город прибыл и сам губернатор. Несколько дней прошло в кипучей деятельности. В эти дни в Челябинске кроме губернского начальства находились А. В. Кривошеин и директор государственных имуществ гофмейстер А. А. Риттих.

Обратный поезд П.А. Столыпина прибыл на станцию Челябинск 5 сентября около двенадцати часов ночи. Выслушав доклады губернатора и других лиц, премьер продолжил свою поездку, выехав в сторону Петербурга через Пермь. Екатеринбургская газета «Уральская жизнь» в своем выпуске от 2 сентября 1910 года, оценивая проезд П.А. Столыпина через Челябинск, отмечала, что «посещение им больницы и телеграфное распоряжение предпринять немедленно энергичные противохолерные меры оказали благотворное влияние на „отцов города“.. Сонная дума расколыхалась, и хотя собственно радикальных мер еще не последовало, тем не менее при думе появилось невиданное учреждение – городские санитарные попечительства».

После возвращения премьер-министра в Петербург им и А.В. Кривошеиным в 1911 году была на 170 страницах издана аналитическая записка «Поездка в Сибирь и Поволжье», в которой целый ряд страниц написан по мотивам их сибирских и челябинских впечатлений. Так, говоря о переселенческом движении в Сибирь, авторы подчеркивают:«…в Челябинске невольно бросались в глаза рядом с новыми и светлыми зданиями сохранившиеся еще остатки старых тесных и низких переселенческих бараков; те и другие как бы представляли собою убогое прошлое переселенческого дела и начало его лучшего будущего».

Есть в записке П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина и мысли относительно судьбы «челябинского тарифного перелома». Его идея может быть кратко изложена следующим образом. За провоз

каждого пуда зерна по железной дороге с предпринимателей взималась определенная плата с версты пути. При этом чем дальше вывозился хлеб, тем тариф этот был меньше, т. е. действовал понижающий коэффициент. Следствием этого стала жесткая конкуренция дешевого сибирского и дорогого хлеба центральных губерний. Чтобы уберечь от банкротства производителей центрального района России, был введен «челябинский тарифный перелом». В соответствии с ним провоз хлеба по железной дороге по Сибири осуществлялся по старым тарифам, а с Челябинска (последней сибирской станции) отсчет тарифа начинался как бы сначала. В результате пуд сибирского хлеба подорожал в среднем на десять-двенадцать копеек. Отмечая, что «челябинский перелом тарифа имеет многочисленных защитников», П.А. Столыпин и А. В. Кривошеин в то же время высказались за его постепенную отмену, посчитав, что «за последние 10–15 лет условия производства хлеба в Западной России и коренной России значительно уравнялись».

В целом П.А. Столыпину поездка понравилась. Как вспоминала его дочь, он много рассказывал о богатствах края, его блестящей будущности и убежденно повторял: «Да, десять лет еще мира и спокойной работы – и Россию будет не узнать!» Но не дано было этих десяти лет ни России, ни самому Столыпину. В память о нем в траурные сентябрьские дни 1911 года «по желанию начальственных лиц города Челябинска» в церквях города были отслужены панихиды, а гласные Челябинской городской думы, имевшие возможность лично убедиться в деловых качествах «министра-президента», почтили его память минутой молчания.

Примечание

В настоящем виде очерк публикуется впервые. При его написании использована статья В.С. Боже «П.А. Столыпин в Челябинске», увидевшая свет в краеведческом сборнике «Челябинск неизвестный» (Вып. 3, Челябинск, 2002).

Евдокия Турчанинова

Евдокия Турчанинова

Легенда Малого театра

«Я никогда не забывала наше пребывание в Челябинске и очень люблю его…» – писала Евдокия Дмитриевна Турчанинова (1870–1963), народная артистка СССР, одна из трех знаменитых «старух» Малого театра, игравшая на его сцене более 67 лет.

Жизнь, отданная театру

Родилась она в семье капельдинера Малого театра. По преданию, ее семья брала истоки от пленного турка, увезенного в Россию каким-то генералом. Потомство этого турка (в память о нем) и получило свою фамилию – Турчаниновы.

С детских лет у Дуни Турчаниновой проявилась страсть к лицедейству, она переодевалась, на разные голоса разыгрывала сценки, пела народные песни. Поэтому, несмотря на то что семья едва сводила концы с концами, родители все же отдали дочь учиться сначала в салон госпожи Гельд, а затем на драматические курсы при театральном училище, где ее учителем стал знаменитый в конце XIX веке А.П. Ленский. Вспоминая о годах ученичества, Турчанинова писала о Ленском: «Он предоставлял меня самой себе, и только если видел, что я очень уж запуталась, вдруг бросал мне какой-то короткий намек, иногда одно слово, которое, как прожектор, освещало трудное место и помогало мне двигаться дальше». Многое давал начинающей актрисе сам Малый театр, на сцене которого, кроме Ленского, блистали М.Н. Ермолова, Садовские и другие талантливые актеры. «Каждую пьесу я смотрела по несколько раз и чувствовала, что это и есть для меня лучшая школа», – писала Евдокия Дмитриевна. По окончании театрального училища в 1891 году она была принята в труппу Малого театра и сразу приковала к себе взгляды самых взыскательных зрителей. Достаточно сказать, что на нее обратил внимание увидевший ее в своей пьесе «Плоды просвещения» Лев Толстой, который отметил, что своей игрой Турчанинова в роли Тани исправляет его ошибки и «дает настоящую русскую девушку».

Как комедийная характерная актриса Турчанинова сразу полюбилась публике. Хорошо владея сценической речью, зная уклад жизни небогатых слоев российского населения, Евдокия Дмитриевна с особенным успехом играла в пьесах А.Н. Островского; всего же в течение жизни по пьесам этого драматурга ею было сыграно в спектаклях более семидесяти ролей. Запомнились зрителям также ее Лиза в «Горе от ума» А. С.

Грибоедова, дочка и матушка в «Ревизоре» Н.В. Гоголя, Керубино в «Свадьбе Фигаро» П. Бомарше, мадам Гранде в спектакле по роману О. Бальзака «Евгения Гранде», профессорша Горностаева в «Любови Яровой» К. А. Тренёва и другие блистательно сыгранные роли.

Слава и награды не обошли Турчанинову стороной. Она дважды была удостоена Сталинских премий, имела два ордена Ленина. Торжественно праздновались и ее юбилеи. При этом для Евдокии Дмитриевны эта сторона жизни была не главной, на первом плане всегда стояла любовь зрителей, которую она и считала мерилом своего труда, своей главной наградой. Работала она до глубокой старости. Но уйдя из театра в 1959 году, когда ей шел уже девяностый год, не смогла сидеть дома и до 1961 года продолжала выступать с чтением художественных произведений на эстраде.

Челябинские впечатления Турчаниновой

Евдокия Дмитриевна неоднократно бывала в Челябинске, как во время гастролей Малого театра (1935, 1956), так и находясь здесь в 1941-1942-м вместе с театром в эвакуации. На ее глазах вырос наш город, сформировался столь привычный сегодня для всех его центр. Прибыв в 1941 году в эвакуацию, Турчанинова не упустила возможности отметить те изменения, которые произошли с городом по сравнению с 1935 годом: «Сколько новых зданий, заводов, фабрик, целых улиц образовалось за это время!» Еще большее впечатление произвела на Евдокию Дмитриевну встреча с городом в 1956 году. В письме своему ученику и другу Ф.В. Мишину она отмечала: «Город неузнаваем. Вместо прежней Челябы-дыры – большой чистый город с широкими улицами, прекрасными домами. Много зелени, даже оставшиеся домишки выглядят как-то уютно, всё асфальтировано. Театр большой, мы играем в Оперном и в Драматическом, небольшом, в котором играли в 41 и 42 годах. Я не могу узнать ни одного места. Огромная площадь, где прежде всегда гулял с ног сшибающий ветер, особенно зимой в метель, превратилась в сквер, весь зеленый».

Челябинск в памяти Турчаниновой всегда ассоциировался с эвакуацией, трудной, болезненной, но в то же время наполненной реальной, нужной людям деятельностью. Говоря об этом периоде своей жизни, она писала: «…очень хорошо жили, было много интересной, полезной работы в дни войны, мы непрерывно ездили со всякими шефскими спектаклями, концертами, застревали в снегу, нас вытаскивали грузовиками. Но это была

жизнь, и мы были полезны действительно – госпитали прощались со слезами благодарности, а это приятно!»

К этому следует добавить, что кроме шефских выступлений у Е.Д. Турчаниновой была очень насыщенной и занятость в спектаклях Малого театра. Челябинцы могли видеть ее Глумову в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», Чебоксарову в «Бешеных деньгах», Галчиху в «Без вины виноватые», Улиту в «Лесе», старуху Ванюшину в драме «Дети Ванюшина». Любимая работа, традиционный театральный круг общения (в который входили А. А. Яблочкина, сестра Мария Дмитриевна Турчанинова, преподававшая в Малом театре музыку, Н.К. Яковлев и др.), связь через переписку с наиболее близкими знакомыми и друзьями в конечном итоге и определили позитивную оценку актрисой этого периода жизни. При этом об адресатах писем Турчаниновой следует сказать особо, поскольку среди тех, кому Евдокия Дмитриевна особенно часто писала в 1941–1942 годах, был С.Н. Дурылин, не чужой Челябинску человек. В 1923–1924 годах, будучи высланным в наш город за религиозно-философские взгляды, он оставил о себе добрую память. Сергей Николаевич, почетный член Челябинского общества изучения местного края, стал одним из основателей челябинского краеведческого музея, осуществил в Челябинске археологические раскопки курганов в районе озера Смолино, основал этнографическую секцию при обществе изучения местного края. Именно благодаря Дурылину Е.Д. Турчанинова сблизилась во время своего пребывания в Челябинске с семьей врача Н.И. Игнатова.

Письма Е.Д. Турчаниновой из Челябинска 1941–1942 годов (опубликованы в 1974-м) – еще недооцененный источник сведений о пребывании Малого театра в нашем городе. Честные, рисующие без какой-либо идеологической окраски реальную картину эвакуации, они позволяют многое из происходившего в то время понять и на многое посмотреть иначе. При этом тема взаимоотношений Турчаниновой и Челябинска этим не исчерпывается. В 1982 году писатель А. А. Шмаков в одной из своих газетных публикаций рассказал о переписке между легендарной актрисой и З.Н. Северной, бывшей в 1941–1942 годах директором гостиницы «Южный Урал». На тот момент в личном архиве Зинаиды Николаевны хранилось более тридцати писем, открыток и фотографий Турчаниновой. Эти материалы до сего дня должным образом не опубликованы, более того, местонахождение их неизвестно. А потому поиск материалов, рассказывающих о связях талантливой русской актрисы Е.Д. Турчаниновой с Челябинском, должен быть продолжен.

Письма из эвакуации (1941–1942)

Из письма к Т.Л. Щепкиной-Куперник (1874–1952, русская советская писательница, переводчик) от 23 октября 1941 года.

«…Приехали 20 (октября 1941 г. – *Прим, авт.*) в 10 ч. 30 мин. вечера. Живем пока в театральной уборной с заколоченным окном, тепло, есть электричество и столовая, где питаемся. Здесь всё переполнено, как разместимся, не знаю, ведь нас около 200 человек, а на днях ждут еще эшелон. Вероятно, будут устраивать общежитие в помещении каких-нибудь учреждений… Багаж наш у многих остался в Москве из-за нераспорядительности нашей администрации, а самое плохое – отсутствие костюмов, париков и т. д. Если это не придет, то мы просто погибнем, ибо играть не в чем, без декорации можно, но без костюмов – никак».

Из письма к С.Н. Дурылину от 2 декабря 1941 года.

«…Мы всё еще не играем, так как пришли два вагона с мягким оформлением и материями, а костюмов, мебели, декораций нет как нет… Устроены мы все без исключения, хорошо питаемся».

Из письма к С.Н. Дурылину от 14 декабря 1941 года.

«…Мы всё еще пробавляемся только концертами… Наша эвакуация проходит бессистемно, нелепо, и всё получилось скверно».

Из письма к М.Н. Зелениной от 15 января 1942 года.

«…Теперь пришли все костюмы, декорации, а чего нет, то написали заново (у нас два хороших художника – Кноблок и Рогачёв), и мы можем играть всё. До сегодняшнего дня с 23 декабря поставили „Мудрец“ („На всякого мудреца довольно простоты“. – *Прим, авт.),* „Бешеные деньги“, „В степях Украины“, „Без вины виноватые“, „Стакан воды“. Всё идет при аншлагах и с большим успехом. Готовим „Отечественную войну“ (по Толстому) и еще некоторые пьесы, постепенно будет весь наш репертуар. Кроме того, мы сделали 129 концертных выступлений в воинских частях, госпиталях, кроме больших концертов в театре».

Из письма к С.Н. Дурылину от 3 февраля 1942 года.

«…Живем мы очень хорошо… У нас маленький номер в гостинице „Южный Урал“, отличное здание, но очень запущенное, а там есть всё для первоклассной гостиницы».

Из письма к Т. Л. Щепкиной-Куперник от 10 февраля 1942

года.

«…Завтра отправляется бригада от нас в Красную Армию: Пров Садовский, Ильинский, Гоголева и др. Я завидую им, но меня не могут пустить – я много занята… Эти дни – горячая работа, готовят „Отечественную войну“, вероятно, 23/11 премьера».

Из письма С.Н. Дурылину от 10 марта 1942 года.

«…Отечественная война“ прошла с большим успехом. Хороши 1) Яковлев – Кутузов, 2) Зубов – Наполеон, в маленькой роли Балашова очень выдержан и убедителен Ленин (М.Ф. Ленин – актер Малого театра. – *Прим, авт.*)… Для Челябинска, конечно, это замечательно. Народ ломится в театр на всё. Два раза в неделю мы ездим в Авиагородок, играем там во Дворце культуры, очень приятная военная публика».

Из письма Т.Л. Щепкиной-Куперник от 25 марта 1942 года.

«…Начали репетировать твою пьесу. Межинский хочет назвать ее „Испанская легенда“…..Отечественная война“ идет у нас не менее 5 раз в неделю, а в апреле пойдет, по распоряжению обкома, 20 раз, а в ней заняты все… Мне кажется, что весной здесь будет хуже – грязь, пыль, ветер, вообще весной неприятные сюрпризы».

Из письма С.Н. Дурылину и И.А. Комисаровой от 11 июня 1942 года.

«…8/VI был мой творческий вечер… Я приготовила новую вещицу: „Испанская легенда“… где я играла роль старой испанки из времен войны Испании с Наполеоном 1809 г., пламенной патриотки. Роль трагическая. Успех в ней я имела очень большой и у зрителей, и у всех актеров… Вечер прошел с успехом, принимали исключительно хорошо. Много говорили о нем даже на улице, в магазинах обращались ко мне с благодарностью и похвалами».

Из письма к И. А. Попову от 29 июня 1942 года.

«…Хотя особенно жаловаться на почту не приходится, но все-таки письма пропадают, а телеграммы, даже срочные, приходят иногда через 18 дней!! Живем мы неплохо, особенно, принимая во внимание военное время, но лучше бы домой поскорее. С 1 / VIII открывается еще новая летняя площадка (кроме выездной по субботам и воскресеньям]), да ежедневные шефские концерты… работы достаточно. Хотели ставить „Русские люди“, но нам запретили, по обыкновению, ибо ставит ее (пьесу. – *Прим, авт.)*

Художественный театр!… Репертуара у нас хорошего нет, всё это очень грустно… Город колоссальный, мощеных улиц мало, и они пересекаются множеством немощеных, где вы завязаете по колено… Даже автобус не всегда вылезает из грязи и снега. Крошечные домишки с уткнувшимися в землю окнами, и рядом махина, довольно нелепо. А окрестности здесь есть изумительные, это я знаю еще по поездке 35 года… Мы верны себе и по-прежнему без гонорара, это очень трудно теперь!»

Из письма к Т.Л. Щепкиной-Куперник от 26 августа 1942 года.

«…У нас холод осенний, глубокой осени, совсем не похоже, что еще август месяц. Ледяной ветер, несущий ужаснейшую пыль и песок, которые, как туман густой, закрывают горизонт, забиваются в нос, в волосы, в глаза, валят с ног… Судаков уехал в Москву по вызову комитета (по делам искусств при Совнаркоме РСФСР. – *Прим, авт.),* и мы в волнении – зачем, только бы не было никаких неприятностей, не тащили бы нас еще куда-нибудь дальше. Это ужасно и нелепо, здесь мы зарабатываем и ничего не стоим государству, а в другое место – это ломка, потеря времени, имущества и т. д.» (В начале сентября 1942 года Малый театр возвратился в Москву. – *Прим, авт*.).

Примечание

Очерк впервые опубликован в газете «Вечерний Челябинск» 30 июня 2006 года. Письма публикуются по книге: «Евдокия Дмитриевна Турчанинова на сцене и в жизни: письма, статьи, воспоминания современников» (М„1974).

Приложение

Неизданное стихотворение Бальмонта

После смерти великого поэта-символиста Константина Бальмонта в левом кармане его леопардового жакета был найден неизвестный доселе набросок стихотворения. Вот он:

Я в яме дальней и убогой,
Средь одалисок побледнелых,
Читал туманные эклоги,
И мне внимали оробело.

Но тщетно о купавах свежих
Молил, снедаем жаждой душной:
Кругом взирали безмятежно,
Безмолвно, глухо, равнодушно.

И только мудрые блудницы,
Пробуждены моим сонетом,
Мне разрешили насладиться
Бесстыдно розовым букетом.

И только царственный бродяга,
Что мимо брёл и грезил горним,
Как праведник, почёл за благо
Нарцисс мне кинуть чудотворный.

О, с безмятежными цветами
Отрады мне не будет мало:
Я исцеляюсь в нищей яме
Благоуханьем Идеала.

Около века литературоведы бились над этим малоизвестным стихотворением Бальмонта. И только мы сумели приоткрыть его тайну.

Как известно, в начале прошлого века Бальмонт заехал в Челябинск. В зале женской гимназии 13 марта 1916 года он прочитал лекцию «Лики женщины в поэзии и жизни» и познакомил собравшихся гимназисток со своими новыми стихами. Современники вспоминают, что единственным условием, которое поставил поэт, было наличие цветов, ибо, как он говорил, поэзия без цветов «не дышит». Однако с цветами отчего-то вышла заминка. Лишь два букета получил Бальмонт.

Первый прислали из дома терпимости (в котором ныне по парадоксу судьбы находится Горздравотдел). Второй букет принес какой-то нищий оборванец. Вечер Бальмонта удался.

Перечитайте стихотворение еще раз. Вам будет понятен и перевод тюркского слова «Челяба» – «яма», и великолепный образ одалисок-гимназисток, внимавших Бальмонту, и мечта о цветах, и эротическое наслаждение «бесстыдно розовым букетом», присланным из публичного дома, и, наконец, поэтическое возвышение нищего до «царственного бродяги».

Вдали от Родины, на чужбине, великий символист написал это стихотворение, вспоминая провинциальный Челябинск, воскресив в памяти два букета, подаренных ему верными и чуткими поклонниками из маргинальных слоев общества. А мы, спустя век, благодарно склоняемся над его воистину символическим шедевром, которым он с нечаянной щедростью одарил наш не слишком поэтический город.

Константин Рубинский

Левиафан

Как-то великий диктор Юрий Левитан к нам в Челябинск выступить приехал. Как всегда, со своим микрофоном. Помнится, одна журналисточка молоденькая спросила: «А зачем вы со своим микрофоном ездите?» А он ее взглядом смерил и говорит: «Деточка, в ваши микрофоны мой голос не поместится».

Выступал он в пединституте. Как начал говорить, у женщин мураши по спине побежали, а мужчинам захотелось тут же, в течение часа, коммунизм построить. А как закончил, неприятная штука вышла. Микрофон со сцены после его выступления кто-то умыкнул. В страшную ярость пришел Левитан, рвал и метал. Ему это чудовище в тридцатые годы специалисты по акустике сделали, оно могло рев самолетной турбины выдержать да с такой же громкостью и мощью в динамик передать. Левиафаном был Левитана микрофон – ибо *«от его чихания показывался свет, а дыхание раскаляло угли».*

Только фирменная солянка с кукумберами в «Уральских пельменях» Юрия Борисовича успокоила. Уехал он, но обиженный, зарекся в Челябу возвращаться.

А микрофон пропавший, говорят, как драгоценный камень на части распилили да по частям продали. Мембрана досталась Валерию Ярушину. Корпус – Олегу Митяеву. Оба в Челябинске тогда жили. А шнур от микрофона – Александру Градскому, копейчанину в то время.

И через некоторое время засияли счастливые звезды Ярушина, Митяева и Градского сперва на уральском небосклоне, а потом и на российском. Случайно ли, думаете?

Только мало ли, много ли времени прошло, а уехали все они в столицу. И не потому, что на Урале тесно было.

Видать, так великий диктор на Челябу обиделся, что духом своей харизмы вездесущей через утраченного Левиафана не только на талант, но и на мироощущение наших мужиков повлиял. Не выдержали, поддались. Теперь Россию из столицы прославляют, как когда-то сам Левитан.

А конденсатор от Левиафана, говорят, всё же в Челябинске остался. Ждем-пождем, с чьим именем он теперь из пучины забвения вынырнет.

Константин Рубинский

Кольцо Любви Орловой

В молодости чудес много. Пока в армии служил, родители переехали на улицу Красную. Прежняя моя улица упиралась в самый край Востока, заканчивалась заводом, где фейерверки ладили. За моим домом солнце вставало, и я первым оповещал улицу о событиях на ней. Красная начинается на Севере, у реки, югом упирается в хирургический корпус горбольницы. Перпендикулярно прежнему курсу предстояло жить.

За первое утро опасался сильно, на балкон боялся выходить, там последние денечки мой дембельский май догуливал. Выглянул, а по Красной с Севера на Юг солнышко на спине катается, каждый листок ягодкой розовой метит. Пятнадцать лет довелось радоваться красным зорям самой короткой и, как оказалось, самой важной улицы города. В пуповинке ее на Алом поле лет триста назад город мой зародился. От рябины да от солнышка меди в недрах накопилось видимо-невидимо, от зорь закатных да от облепихи-ягоды россыпи золотые пошли. Потянулся народ с равнин векового рабства к нам на Урал. Молодые со всех концов России понаехали. Те, кто пооборотистей, мигом сообразили – молодым перво-наперво кольца обручальные потребуются. Вот и стали их отливать, для тех, кто побогаче, – из золота, для простого люда – медные. Сколько детишек благодаря тем кольцам сварганили. Ладно, что там, пора поближе к берегам нашего времени подгребать.

В тридцатые годы прошлого столетия индустриализацию новая власть затеяла, не до колец обручальных стало. Вместо них поршневые кольца изготовлять наладились. А в 1936 году приехала в наш город сама Любовь Орлова, первая звезда советского кино. Естественно, повезли ее на тракторный, рабочий люд вдохновлять. Мужики от красоты экранной так разогрелись, что словом красным побожились вместо десяти тысяч поршневых колец в месяц двенадцать выпускать, и слово мужское сдержали. В следующий приезд получила великая актриса в подарок от заводчан кольцо поршневое за номером 12210. С пифагорийской точки зрения есть в этом номере и мужское, и женское начало, и символ любви, и знак совершенства. Любовь Орлова не расставалась с ним. После войны на пресс-конференции в Париже журналисты спросили ее о самом дорогом подарке в жизни, она кольцом уральским на вопрос ответила. С тех пор и пошли гулять по свету кольца любви Орловой.

После кончины актрисы кто-то из ее родственников был в нашем городе с лекциями от общества «Знание» и где-то в районе

улице Красной кольцо посеял. Искали его тогда долго, считай, весь культурный слой города на поиски кинули. Не могли докумекать – кольцо на родину свою вернулось.

Первым про то смекнул Фёдорыч, скульптор наш, мужик мастеровой, золотые руки, а сам весь вроде как из меди высокой пробы отлитый. Отыскал он то место, где кольцо под землю ушло. Задумался крепко и соорудил здесь сферу любви Орловой на рубеже двух веков, вроде как один век с другим венчается. С тех пор молодые со всех концов города едут сюда кольца свои обручальные освящать. Меди на сферу столько истратили, сколько браков за триста лет в городе зарегистрировано было. Вот такие дела. Благодаря Фёдорычу орлята один за другим рождаться стали.

Был и до Фёдорыча еще один великий скульптор у нас, Урал за ум Головой его величал. Знал Голова всё наперед и загодя в самой пуповинке улицы Красной памятник Орлёнку изваял. Мне акушер один знакомый по большому секрету тайну сокровенную открыл, оказывается, из других городов, да что городов, из стран заморских молодые к нам потянулись орлят зачинать.

Вот так будущее на нашей улице Красной начало свое берет. Жаль, не на ней уже живу, а то глядишь, и мне бы что перепало.

Александр Попов

Дело – табак

Говорят, композитор Прокофьев запах табака не уважал. Нет, не тот запах дыма, к которому мы все уже привыкли, а первозданный, медовый, еще не прикуренный. Вроде и нежнее он, и слаще, и цветочнее, и естественнее – а вот не нравился Сергею Сергеевичу.

А я этот запах – ох, любил. Как проезжал в детстве мимо табачной фабрики, что рядом с нынешней Кировкой – вдыхал и наслаждался. И думал: как люди из такой красоты умудряются такой невкусный дым извлекать?..

Потом напротив табачной фабрики памятник Прокофьеву установили. Сидит Сергей Сергеевич задумчив, композиторску думу думает.

Вот с того момента, как он появился, фабрика – будто по знаку какому волшебному – начала хиреть. И в аренду сдавалась, и простаивала, а скоро и вовсе исчезла. И запах, конечно же, вместе с ней улетучился.

Хотите – верьте, хотите – морщьтесь, а до сих пор не жалует Сергей Сергеич дух табашиный.

Константин Рубинский